

ЧЕТКИ

3
2010

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

Антон Савин. ЧЕРНЫЙ ПАВЛИН • Татьяна Котюкова. «Имя Его не умрет теперь никогда...» • Майлы. Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Константиновичу • Андрей Битов. «Вот вам и вся анафема» • Андрей Битов. Из Корана • Андрей Битов. ПАМЯТНИК ПОСЛЕДНЕМУ ТЕКСТУ • Павел Башарин. Толстой и ислам – особенности восприятия • Джаннат Маркус. Хиджра Льва Толстого: из Ясной Поляны на Кавказ? • Павел Басинский. Толстого на всех хватит • Равиль Бухараев, Нурым Тайбектеги. Лев Толстой и ахмадийский ислам • Владимир Бобровников, Илья Зайцев. Письмо чеченцев Льву Толстому (1905 г.) • Мурет Рахымкулов, Суфиян Сафуанов. «Башкиры меня знают и очень уважают...» • Лев Николаевич Толстой. Рассказы • Надежда Кеворкова. Жажда будущего: уезжать ли мусульманам из России?

ЧѐТКИ

ЧЕТКИ

ЧЕТКИ 3 (9) 2010

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор: Беккин Ренат Ирикович
Заведующий отделом литературы стран Зарубежного Востока:
Башарин Павел Викторович
Редактор: Сборовская Нина Всеволодовна
Корректор: Конькова Александра Александровна
Разработка серийного оформления:
Кагаров Эркин Медатович
Верстка: Залялетдинова Лейля Камилевна

ИДЕЯ Льва Николаевича Толстого

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Издательский дом Марджани»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

117997, г. Москва, ул. Вавилова, д. 69.
Тел.: +7(495) 234-04-79
e-mail: chetky@mardjani.com
www.mardjani.ru

ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ: www.chetky.ru

Журнал «Четки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77-28954

ISSN 2070-2205

Редакция не предоставляет справочной информации и не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Рекламуемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Четки», а также на сайте www.chetky.ru, допускается только с письменного разрешения редакции.

Продажа по подписке.

Тираж: 1000 экз.

Цена свободная.

© ООО «Издательский дом Марджани»

В номере использованы листы из рукописей: Иран, XV – XVII вв.; Турция, конец XV в. Обложка 1-я стр. Тарлан Горчу. Композиция «Huva» («Он»). 1991. Бумага, тушь.
© Suleiman Collection

Содержание

4 **ОТ РЕДАКЦИИ**

5 **ТОЛКОВАТЕЛЬ СТРАСТЕЙ**

6 Антон Савин. Черный павлин (Роман)

46 **Беседа птиц**

47 Татьяна Котюкова. «Имя Его не умрет теперь никогда...»

52 Майлы. Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Константиновичу (Ода)

58 Андрей Битов: Вот вам и вся анафема!

63 Андрей Битов. Из Корана (Стихотворное переложение отдельных сур)

67 Андрей Битов. Памятник последнему тексту (Отрывок из книги «Текст как текст»)

73 **Искры огнива**

74 Павел Башарин. Толстой и ислам – особенности восприятия

80 Джаннат Маркус. Хиджра Льва Толстого: из Ясной Поляны на Кавказ?

90 Павел Басинский: Толстого на всех хватит

96 **Послания мудрости**

97 Равиль Бухараев, Нурым Тайбектеги. Лев Толстой и ахмадийский ислам

103 Владимир Бобровников, Илья Зайцев. Письмо чеченцев Льву Толстому (1905 г.)

111 Мурат Рахимкулов, Суфиян Сафуанов. «Башкиры меня знают и очень уважают...»

119 **НИША СВЕТА**

120 Лев Николаевич Толстой. Рассказы
Перевод на таджикский Файзулло Бобоева

129 **ЧУДЕСА СТРАН**

130 Надежда Кеворкова. Жажда будущего: уезжать ли мусульманам из России?

ОТ РЕДАКЦИИ

Драгоценный читатель!

Этот номер «Четок» мы посвящаем уходу Великого Старца.

Некоторые авторы не без основания считают, что XX век начался для России не в 1901 году, а в октябре 1910-го, в тот самый день, когда граф Лев Николаевич Толстой рано утром покинул Ясную Поляну в сопровождении личного врача Д.П. Маковицкого.

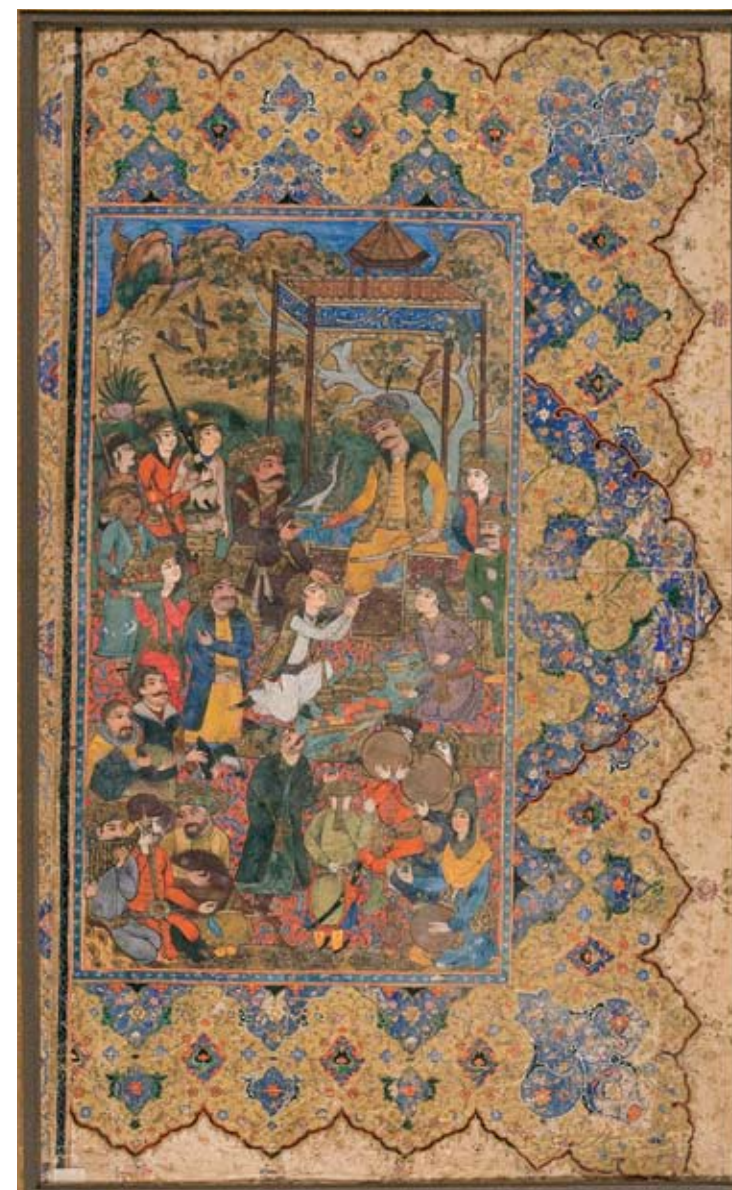
Уход и смерть Толстого встревожили всю Россию. Мусульмане – подданные Российской империи – не были здесь исключением.

Для многих приверженцев ислама Толстой давно стал своим. Многие высказываемые им после духовного переворота 1870–80-х гг. идеи совпадали с положениями мусульманской религии, на что указывал сам Лев Николаевич в своей переписке со своими корреспондентами – мусульманами в России и за границей. Немало слов сочувствия и поддержки получил граф в свой адрес от представителей мусульманских народов империи после печально знаменитого «Определения» Синода. В глазах многих мусульман Толстой был великим шейхом, защитником справедливости, которого Аллах наделил мудростью и снабдил ключом к сокровенным тайнам людских сердец. Не случайно в арабском мире и по сей день в ходу легенда, что Толстой принял ислам и отправился на Кавказ защищать мусульман от царских войск, что он перевел Коран и хадисы.

В легенде этой, как и положено по законам жанра, есть определенная доля истины. Толстой не переводил Коран, но он составил подборку изречений пророка Мухаммада, под каждым из которых подписался бы и христианин, и буддист, он не сражался против империи на Кавказе, но он противостоял ей своим словом, которое слышно было во всех уголках великой страны. Граф Толстой не принял ислам, но он с большой симпатией относился к мусульманской религии – как, впрочем, и к другим религиям и философским системам. В каждом религиозном учении Лев Николаевич искал то, что отвечало его собственным воззрениям, впитывая все самое лучшее, что содержалось в священных книгах и трактатах мудрецов. Возможно, в этом таится секрет того, что философ и писатель Толстой стал объединяющим началом для представителей различных конфессий и атеистов. Толстой – это то, что объединяет нас всех. Нас, россиян, вне зависимости от того, какой политический режим на дворе. Толстой олицетворяет тот символ духовности и нравственной чистоты, которым мы стараемся следовать на страницах нашего журнала. По мере сил.

Ренат Беккин

Толкователь страстей

ЧЕРНЫЙ ПАВЛИН

Антон Савин*

Продолжение**

Глава 5. Мост Сират

После бунта Грачев сильно изменился. Жгучее лето он провел в раздумьях. Это было уже третье южное лето в его жизни – возможно, потому у русского юноши и сформировалось столь дурное отношение к стране, давшей ему приют, что он впервые попал сюда в начале самого жаркого сезона. Но если два первых знойных лета вызывали шипящую ярость, истязая тело и душу, то третье почти не принесло мучений. Вряд ли здесь помогла акклиматизация: Грачев не раз убеждался, что все эти разговоры о силе привычки не более чем слова, что человек, действительно, удивительно быстро приспосабливается к любым социальным условиям, но очень медленно или никак – к природным. К зною пустыни так же невозможно привыкнуть, как и к холоду Арктики.

Нет, что-то иное изменилось в Грачеве. Он стал вести себя тише и перестал проклинать азиатскую дикость. Вместо того чтобы бесплодно ностальгировать по России, из которой он бежал, Грачев стал действительно интересоваться русской литературой. С экрана компьютера он читал выложенные в Интернете книги Чехова и Достоевского. Грачев не оставил без внимания и западную литературу, почитывая разные «эстетские» книжки вроде Кортасара или Умберто Эко. На работу он почти не обращал внимания, лишь механически исполняя то, что от него требовалось. Впрочем, летом, и так неспешная, жизнь Узры текла еще медленнее, и дела фирмы не терпели ущерба от неторопливости Грачева. Более того – начальник был им доволен, ведь теперь юноша не требовал лишних выходных и не дышал плохо скрываеваемой недоброжелательностью в лица клиентов. Грачев стал проводить больше времени в доме своего начальника и практически стал членом его семьи.

Но удивительнее всего был его резкий разрыв с Нури. Грачев сам изумился себе – но после гибели мальчишки-полицейского, произошедшей у него на глазах, он как-то

мгновенно охладел к девушке, хотя, собственно, Нури никакого одобрения убийце не высказала и даже, возможно, сама возмутилась его преступлением. Самое странное, что Грачев теперь не испытывал ни к Нури, ни к другим сектантам абсолютно никаких чувств, даже отвращения, как будто крестьянская пуля быстро и безболезненно перебила невидимую нить, вроде бы накрепко соединявшую русского гостя с его случайными друзьями. Летом Грачев не вспоминал ни о радениях, ни об Арзу с Марой, ни об опиумном доме, ни о Нури, ни о несении медного павлина навстречу автоматным очередям, ни об убийстве, случившемся у него на глазах, – и не потому, что ему было неприятно или тяжело. Просто не вспоминалось – и все: словно не было в этой стране ничего, кроме мотоциклов ИЖ, вездеходных, как танк, надежных, как автомат Калашникова, да бесполох женщин в черных чадрах. Летом Грачев погрузился в свой мир, как в далекой России зимой – медведь в свою берлогу.

Но в сентябре ровное течение его жизни было вновь нарушено. Началось все с той пятницы, когда Грачев решил отправиться в гости к дагестанцам. Когда-то он бывал в их гостеприимном доме каждую неделю, а за лето зашел всего пару раз. Он отправился к ним на автобусе, что раньше было бы немисливо – ведь, как думал Грачев еще недавно, белому человеку пристало передвигаться по туземному городу исключительно на такси, которое к тому же стоило в Узре удивительно недорого. Но летом наряду с любовью к книгам у Грачева появилась еще и любовь к экономии. Траты в недорогом городе, где почти не было развлечений, и так были сведены к минимуму, поэтому Грачев никогда не жаловался на безденежье, за исключением случая с нехорошей болезнью. Однако с начала лета он стал потихоньку откладывать, покупая доллары в обменном пункте напротив главной религиозной святыни. В этом пункте оставляли свои мятые и странные деньги паломники со всего мира, так что у Грачева появилась еще одно занятие, вполне достойное новоявленного затворника: бонистика, собиравание денежных знаков экзотических государств. Работники обменного пункта быстро запомнили юношу европейской внешности и при его появлении радостно предлагали ему мелкие купюры разных стран. Грачев получил в свое распоряжение кувейтские банкноты достоинством в одну четверть динара, таджикские сомони со стихами, написанными кириллицей, иранские риалы с изображением общественной молитвы мусульман. Автобус к дому дагестанцев отправлялся как раз с остановки напротив обменного пункта.

У автобуса было еще одно преимущество перед такси: поскольку пробки были неизбежны при огромном количестве машин на старых узких улицах Узры, то в автобусе можно было хотя бы почитать. Еще полгода назад такой аргумент показался бы Грачеву смешным. Правда, бумажных книг на русском он теперь был лишен – не было возможности их достать, – но как раз в сентябре юноша решил предпринять вторую попытку понять восточную поэзию. Он сидел на переднем кресле автобуса, ожидающего наполнения пассажирами, и пытался разобрать заковыристый арабский шрифт, используемый стихотворцами исламских стран от Пакистана до Марокко. Но как ни старался Грачев – теперь уже без всякой предвзятости, с искренним интересом, – внутренний смысл восточной поэзии, всех эти роз без шипов и попоек без вина, оставался для него чуждым. Он оторвался от книжки, признав свою капитуляцию, как раз на нужной остановке.

* Антон Николаевич Савин (р. 1979) – писатель. Член Союза писателей Москвы с 2001 г. В 2005 г. вышел в финал Всероссийской литературной премии имени Льва Толстого (Яснополянская писательские чтения) с романом «Исход ветхого человека». В 2004 г. принял ислам. В 2006–2008 гг. изучал богословие в Духовной академии г. Кума (Иран). Путь Антона Савина в литературе – сближение культурных пространств России и исламского Востока.

** Продолжение. Начало см.: Чётки. 2010. – № 3. – С. 6–42.

Дагестанские юноши, как и всегда, с бурной радостью приветствовали своего почти соотечественника. По заведенной традиции его спросили об успехах в постелях жриц любви; Грачев скривился, хотя и продолжал улыбаться. Расспросив его об остальных делах и изумленно поохав над попытками Грачева постичь смысл высокой поэзии, дагестанцы стали, как всегда, обсуждать общих знакомых и земляков. Впрочем, теперь все обсуждение сконцентрировалось на одном человеке, очевидно, сильно взбодрившем своим появлением довольно сонное царство небольшой кавказской диаспоры Узры.

– Это Сардариев... помнишь, мы тебе ставили его песни? А теперь он здесь...

Грачев с трудом вспомнил.

– Это который... боевик, что ли?

– Да, он в Чечне против русских воевал... известный полевой командир был.

Действительно, пару раз Грачев слушал у дагестанцев записи этого человека. Сардариев получил известность благодаря своим песням на русском языке, исполняемым под гитару, в которых он воспевал мужество чеченцев и мусульман. Однажды, как раз в тот момент, когда пришел Грачев, один из дагестанцев, желая, видимо, проследить реакцию гостя, как бы невзначай включил наиболее одиозную песню Сардариева про штурм пьяными русскими солдатами мирного чеченского села. Но остальные дагестанцы зашикали на своего земляка и пояснили:

– У него есть песни и получше, послушай... про пророка Сулеймана, например.

Грачев из вежливости послушал тогда, хотя и был раздосадован первой песней. Но про Сулеймана ему понравилось – безотносительно к религиозной тематике песня была красивая. Впрочем, теперь, через год, Грачев не вспомнил бы из нее ни слова.

– А он, между прочим, тебя знает и тобой интересуется, – сказал старший из дагестанцев.

– С чего это?..

– Вот уж не знаю... Он хочет с тобой познакомиться. Ты не беспокойся, это такой человек... сильный человек... великодушный человек. А к русским он теперь относится нормально, и вообще... старое оставил.

Тут в разговор вступил другой дагестанец – помоложе.

– А давайте позвоним Джалолу и пригласим его!

Все присутствующие бурно поддержали идею немедленно познакомиться Грачева с бардом-боевиком. Сам Алексей не был в особом восторге от этой идеи, но и не сопротивлялся. В конце концов он решил, что, поскольку день все равно свободен, можно и посмотреть на такого экзотичного «зверя». Правда, мысль о том, что чеченец имеет к нему какое-то особенное дело, настораживала Грачева.

– А почему Джалол?

– Фамилия Сардариев, а зовут его Джалаладдин... странное имя для чеченца, так обычно таджики своих детей называют.

Около часа длилось ожидание – впрочем, Грачев провел его нескучно. Хотя он добровольно избрал для себя в последнее время затворничество, но, может быть, именно поэтому стал больше ценить редкое искреннее общение.

Наконец появился Джалаладдин Сардариев. Это был крупный, крепкий человек лет около сорока. Волосы и густая борода – рыжего цвета, а глаза – большие, но почти бесцветные. В них угадывалась пронизательность и затаенная ярость.

Отхлебнув лишь один глоток чая – глоток, слишком маленький для огромного косматого Сардариева – и не взяв ничего из сладостей и фруктов, гость спросил Грачева:

– Так это ты был тогда на демонстрации?

– Я.

– Это ты нес идола?

– Я. И что?

В помещении воцарилось молчание, было слышно лишь шуршание дешевого, слабого кондиционера.

– Ничего, – прозвучал голос Сардариева, – мне только было интересно – зачем ты это делал?

– Потому что это было красиво.

Один парень в углу зашептал что-то о том, что поклоняться идолам совсем даже нехорошо, но Сардариев остановил его легким взмахом руки. Затем он заговорил уже самым обычным, мирным тоном:

– Тебе, наверное, аттестовали меня как чеченского террориста и врага всего русского. Но это неверно... Я учился в русском вузе, я люблю русские книги: Толстого, Достоевского.

– Я тоже люблю Достоевского. Недавно прочел. Здесь, в Узре, его тоже любят, я видел не раз переводы в книжных лавочках... Странно.

– Почему странно?

– Да потому что здесь, в Азии, никто и не знает, что такое самоубийство... а без этого понять Достоевского затруднительно.

– Не знают, потому что рассчитывают жить вечно. Каждый представляет, что он переродится в своем сыне... А у тебя есть книги Достоевского на русском? Я бы взял почитать.

– Нет. Сам читаю с компьютера. А ты и сейчас песни пишешь?..

– Песни? Нет, давно бросил. Утратил идеалы молодости.

Сардариев усмехнулся – не очень весело, правда, – за ним улынулись и остальные кавказцы. Вообще обстановка разрядилась, но не окончательно. После слов о демонстрации и идоле Грачев ловил на себе совсем другие взгляды хозяев – в них чувствовалось более сильное уважение, но появилось и отчуждение.

– А почему тебя зовут Джалол? – спросил Грачев. Он сам не знал, почему задал этот вопрос – ведь он не особенно разбирался в мусульманских именах.

Сардариев вновь усмехнулся.

– «Джалоль» переводится примерно как «сжигающая красота». Джалаладдин, стало быть – «сжигающая красота веры». Мой отец, как и ты, любил красивое...

– Так именно эту красоту ты искал в войне?

– Возможно.

– Да, имя хорошее. Наверное, именно такая красота у пустыни... Я вот часто думаю в последнее время, – Грачев обращался уже не только к Сардариеву, но и ко всем присутствующим, – все мы живем посередине пустыни, а никто там не был. Я вот когда в столицу еду по делам... там вдоль трассы очень красиво, горы разноцветные и такие острые...

– Так побываем! – сказал Сардариев, – я сейчас как раз в ожидании решения дубайского суда сижу в Узре, дел особых нет, можно съездить. У меня джип, старенький, правда, – один родственник дал. Все равно техника пропадает...

Все с жаром стали обсуждать поездку, назначив ее на четверг следующей недели, короткий предвыходной день, – и многие пожелали участвовать. Но когда срок подошел, молодые дагестанцы под разными предложениями стали отговариваться, – и вышло так, что в пустыню отправились лишь двое: Грачев и Сардариев.

Встретились в центре, на площади Имама Хусейна, находящейся в центре Узры, – площадь эта образовывала круг, в центре которого бил тяжелыми струями фонтан. Дабы потешить любовь Востока к пышности, в центре круга рядом с живыми пальмами были установлены две пластиковые, со стволами и листьями ядовито-оранжевого цвета.

Сигналили машины, от ветра дрожала листва на ивах – самом распространенном дереве в Узре. На краю площади прямо из набитых льдом пластиковых ящиков, стоявших на асфальте, продавали больших рыб, их привезли только что; любопытные жители кучковались вокруг, а один, восторженно цокая, просунул в открытую пасть большой рыбины ключ от своего красного мотоцикла, припаркованного тут же.

Чеченец деловито распоряжался приготовлениями. Грачев с трудом дотащил от аппарата для продажи воды, стоявшего на углу площади, до машины две полные пластиковые канистры: в Узре водопроводная вода для питья не годилась – была слишком солона. Русский не разбирался в автомобилях, но все равно машина Сардариева произвела на него не очень хорошее впечатление. Грачев решил, что джип – слишком громкое название для нее. Черный цвет выделял приземистое потертое авто с большими колесами среди других машин Узры – белых, красных, зеленых.

Потом путешественники закупились в ближайшем магазине. Вместе с различной снедью чеченец купил в лавке десять пачек сигарет, чем удивил Грачева. Ведь дагестанцы рассказывали, что Сардариев – правоверный мусульманин, вовремя читает все молитвы и соблюдает другие предписания ислама, а такие люди, как знал Алексей, обычно не одобряют курение.

Вскоре Узра осталась позади. Автобан почти европейского качества черным ножом рассекал желтую плоть земли. Колючки серебристого цвета метровой высоты росли на ней почти что рядами, словно некто могучий и обладающий странным чувством юмора рассадил их таким образом.

Сардариев резко повернул машину, Грачева хорошо потрянуло. Чеченец, съехав с асфальтированной трассы, стал править по еле заметной колее среди колючек в сторону высокого одинокого пика чуть фиолетового оттенка – горы пустыни одеты в самые причудливые цвета.

Грачев молчал. Только теперь он подумал о том, что, собственно, отправился в пустыню один вместе с бывшим боевиком. Кто знает, что ему взбредет в голову? Насколько глубоко у него засела ненависть к русским и действительно ли он отступился от прежнего?

Но менять что-либо было уже поздно. Грачев уставился в окно – и быстро отвлекся от своих мыслей. Ибо пустыня поражала. Она ставила человека перед жесткой дилеммой: нужно было либо признать ее неестественным злом, вспомнив о теплоте чело-

веческих поселений, о своем уютном доме, о снисходительном ворчании близких и посапывании детей в люльке, – либо, наоборот, признать эту суетливую, чуть теплую человеческую жизнь досадной ошибкой в плоти мироздания, огромного и величавого. Грачев знал, что сами местные жители очень не любят природу своей страны. Но почему-то ему сейчас совсем не хотелось признавать пустыню злом.

Машина меж тем начала круто брать вверх. Сардариев задумал форсировать гребень – хоть и невысокий, но довольно крутой. Грачев решил, что зря думал об этом авто столь снисходительно: черная машина очень даже неплохо, без натуги, карабкалась вверх по гребню. А вот ребяческое поведение Джалаладдина, который был почти в два раза старше Грачева, вызывало недоумение. Лицо чеченца не выражало никакого юношеского азарта, свои удивительные поступки он совершал с самым обычным, сосредоточенным видом. Может быть, подумал Грачев, теперь ему захотелось вспомнить, так сказать, боевую молодость? Не очень похоже.

Автомобиль ревел, и комья желтой глины взлетали к небесам. Продолжалось это всего с полминуты, машина перевалила за небольшой гребень и неожиданно плавно, небыстро устремилась вниз. Сардариев снова нащупал колею, и вскоре из-за очередной скалы появились строения.

Государственный флаг уныло висел в неподвижном воздухе пустыни. Грачев увидел небольшую военную часть – несколько корпусов и барачков – и вздрогнул от неприятного, гадливого ощущения, подбирающегося к сердцу. Сардариев тем временем подъехал к воротам и просигналил, проходивший мимо офицер поднял руку в приветствии. Солдат в выцветшем хаки уже торопливо откатывал ворота.

– Зачем мы сюда?

– Успокойся. Это мои друзья.

Вскоре оба гостя сидели в кабинете командира части.

– И как ты с ними познакомился? По старой линии?..

– Да нет. Так же, как и сейчас, нарезал круги по пустыне. Они остановили меня, сперва документы проверили, но строгость их быстро кончилась. А когда я попросил у одного из солдат автомат Калашникова и разобрал его за десять секунд, их восхищению не было предела. Выяснилось, что у них во всей части только один офицер умел это делать!.. Потом расспрашивали про чеченскую войну, почему-то я им показался прямо воином Ислама... Хотя я им честно сказал, что все пошло прахом.

Двух иностранцев угостили из солдатского котла – в маленькой части не готовили специально для офицеров. Командир, маленький усатый капитан, расспрашивал Сардариева про недавнюю продажу Россией нескольких истребителей для его армии. Сардариев, как выяснилось, и вовсе не знал про эту новость, бывшую на устах у всех политизированных жителей Узры. Теперь чеченец был вынужден давать объяснения и рассказывать что-то об устройстве российской армии, о самолетах. Впрочем, тактичный капитан вскоре изменил тему разговора. После обеда бывший боевик раздал сигареты всем солдатам, не обделив никого, поболтал с каждым, благо персонала было немного.

Вскоре воинская часть с ее безжизненным флагом исчезла среди глинистых гор. Сардариев пожаловался Грачеву:

– Спрашивал у солдат – сколько у них боевая нагрузка. Они мнутя, не могут вспомнить. Я им подсказываю: когда я бегал по горам, у федералов была норма двадцать пять

килограмм, ну и мы таскали не меньше. Тут один солдатик мне радостно закивал: да, да, и у нас такая же. Потом улыбнулся и прибавил: за нами все это на машине возят!

Грачев, естественно, ничего не ответил. Тогда Сардариев спросил полууведительно:

– Ты, я так понимаю, в армии не служил и не собираешься?

Грачев не любил этого вопроса и кратко ответил:

– Нет.

– И правильно! – неожиданно поддержал его чеченец.

Грачев был озадачен – даже не самими словами Сардариева, а его напором. Подумав, Алексей робким голосом спросил:

– Так ты и раньше ездил по пустыне... Зачем?

– Охотился.

– Значит, твой пацифизм на животных не распространяется?..

– Почему ты посчитал меня пацифистом?

– Ну ты же только что говорил...

– Я говорил об армии, а не об отрицании насилия. Армия бессмысленна, как любое коллективное дело...

– А, именно поэтому ты отошел от... своих прежних идеалов? Интересно, как это было?

– Когда к нам первый раз вторглись русские войска, в смысле – первый раз за мою жизнь, – мне было двадцать с чем-то лет. Тем не менее я быстро стал известным командиром. Я пылал ненавистью к оккупантам и неверным – хотя с детства знал русский язык наравне с родным, и даже любил его больше, и писал песни на русском языке, – я был ревностным борцом за веру. В своем имени я тоже видел особенный знак Аллаха. «Сжигающая красота веры» – это звучит!..

– Я вижу, ты с тех пор... несколько изменился.

– Мы выиграли первую войну. И тут не я, а все кругом изменилось. И у меня вовсе не было желания делить кусок, который мы урвали. И тем не менее я остался в Чечне, участвовал и во второй войне. Ее бессмысленность была понятна... Я со своими людьми огрызался до какого-то момента, почти до последнего, а затем ушел, хотя особо ревностные друзья обвинили меня если не в предательстве, то в преступной слабости.

– Почему же первая война была осмысленная, а вторая бессмысленная?

– Да они обе были бесполезны!.. Просто во вторую это было заметнее. Я понял, что мои юношеские мечты о какой-то чеченской, исламской идее среди братьев смешны. Людям не нужно этого. Чеченец или не чеченец, человек думает слишком простыми категориями. Да и вообще национальность мало что значит, хотя мне было и сложно признать это... Когда в начале девяностых Россия была бедна и слаба, мы все искренне ненавидели ее и брезговали ею. Теперь, конечно, не возлюбили, но совсем не прочь погреться у московского огонька.

– Я вижу, ты признаешь, что это... неправильно.

– Речь не о том. Просто есть люди, которые чего-то хотят и могут, вне зависимости от национальности, а есть другие...

– Которые не хотят и не могут.

– Именно. Я хочу иметь дело с первыми. Проблема в том, что даже мой опыт не всегда позволяет отличить вовремя одних от других...

Через два-три часа машина подъехала к узкой расщелине в скале. Видимо, гора треснула из-за землетрясения, а затем ветер и редкие, но бурные дождевые потоки довершили ее рисунок. Можно было подумать, что молния расколола плоть камня, да так и осталась запечатленной в нем. Возможно, этот разлом заканчивался за очередным искривлением, а может быть, молния врезалась на целые километры в тело горы, достигая самого основания, где в огромных пещерных залах сверкали россыпи драгоценных камней. Так по крайней мере рассуждал Грачев.

В расщелине было темно и прохладно, поэтому, несмотря на высокое и безжалостное солнце, прищельцы вполне могли передохнуть здесь. Они посидели в тени – машина нагрелась, во время движения открытые окна мало помогали, а солнце все время било в глаза, – медленно разговаривая о чем-то. Вдруг Сардариев дрогнул всем телом и не то шепнул, не то крикнул:

– Смотри!..

Грачев не сразу понял, в чем дело, но затем увидел на гребне три силуэта, скорее точь-в-точь. Джалаладдин ринулся к машине, и крикнул Грачеву: «Назад садись, назад!» Тот еле успел запрыгнуть – наверное, будь юноша немного менее расторопен, Сардариев так и оставил бы его возле каменной молнии. Грачев не мог понять причины этого рывка и причины, по которой он должен теперь ехать на заднем сиденье. Тем временем джип стремительно приблизился к силуэтам, и стало понятно – это небольшие антилопы.

Сардариев погнался за ними, погнался отчаянно, и заорал:

– За сиденьем! Там! Возьми! Быстрее!

Пораженный Грачев вытащил тяжелый, весь серый автомат Калашникова. Уже потом он рассмотрел: неметаллические части этого оружия – пластик, крашенный под цвет стали.

Юноша не сразу понял, чего хочет его спутник. Оружие было очень тяжелым. Грачев неумело держал его в руках.

– Стреляй в нее!

Теперь стало понятно желание Сардариева. «А удобно в принципе, – мелькнула мысль у Грачева, – окна машины уже полностью открыты, не нужно тратить время на возню с ними». Увы, это не могло ему помочь.

– Но я не умею.

Машина то проваливалась в желто-красные впадины, безжалостно разрубая колесами колючие звенящие кусты, то взлетала на гребни. Антилопы бежали совсем рядом.

Грачев тем не менее попытался взять автомат наизготовку. Сардариев на секунду повернул косматую голову и увидел, что русский паренек держит автомат одной рукой за рукоятку, а второй – за магазин.

– А предохранитель?!..

– Я не знаю, где он.

Сардариев очень резко нажал на тормоз, Грачев невольно прижал автомат к себе, затвор больно кольнул его в грудь.

– Сюда давай! Водить хоть умеешь?!

Вид у чеченца был немирный. Грачев заметил, что бессознательно загораживается от него автоматом, как палкой.

– Да!

Они быстро поменялись местами. Говоря серьезно, Грачев не особенно умел водить автомобиль. Прав у него не было. Но ему не хотелось больше чувствовать себя опозоренным.

Ему повезло – двигатель не заглох, когда Грачев переключил его сразу на вторую скорость. Более того – сильный рывок с места даже сочетался со стилем Сардариева. Грачев все-таки не в первый раз сидел за рулем автомобиля – первые уроки он взял в России у своих родителей и даже собирался сдавать на права. В Узре Бурмистров, его начальник, также несколько раз давал юноше потренироваться на своей машине на окраине города, благо права в этой стране не проверяли никогда.

Глупые антилопы, вместо того чтобы скрыться куда подальше, отбежали лишь на километр и высились на очередном гребне. Грачеву показалось, что они с любопытством смотрят на свою черную смерть.

Джип набрал скорость. Тряска была неопишуемой, как на адских качелях. Грачев ощущал, что все члены его тела существуют уже отдельно друг от друга. Опытный шофер – такой как Сардариев, например, – мог мчаться по пересеченной местности, держась при этом более или менее в рамках разумного, но Грачев, вынужденный осваивать экстремальный стиль вождения с нуля, не думал об опасности. Русского взяла злость, и он вцепился в руль, как в оружие мести. Красиво переливающиеся спины антилоп приближались.

Прямо под ухом Грачева раздался грохот адской силы. Юноше показалось, что его череп лопнул от этого грохота.

– Джало-о-л! – завопил он.

– Чего надо?!

– Ничего!

Голова резко заболела. Пули словно бы вращались внутри нее, сверля мозг. Колючие кусты пустыни врезались своими колючками в зрачки. Черная туша машины отделила одну антилопу от других, Грачев понял, что нужно преследовать именно ее. Неожиданно животное понеслось куда-то вверх. Не раздумывая, юноша рванул туда же, машина накренилась и резко замедлила движение, мотор ревел, словно джип пытался взлететь. В этот момент грянула очередная очередь.

– Есть, – Сардариев сказал спокойно и как будто негромко, но Грачев почему-то хорошо услышал его через весь грохот – и резко сбросил газ.

Чеченец вылез, – наверное, хотел поскорее осмотреть свою жертву, – а русский остался сидеть на своем месте. «Как я орал – Джалол, – а ведь это она... сжигающая красота». Внутри джипа пахло паленой резиной.

– Мы, что, ее... есть будем?

– Конечно. Завалил я ее вполне по шариату.

– А разве охотятся с автоматами?..

– Нет, конечно. Нужен карабин или винтовка. Но откуда я возьму их в Узре? Здесь продажа огнестрелки запрещена.

– А автомат, значит, можно?!..

– Тем более строго запрещено. Но он мне достался, так сказать, в наследство. Вместе с машиной.

– Так ты говорил, солдаты проверяли документы?..

– Да, могли и обыскать. Даже начали – заглянули в салон и открыли багажник. Но дальше им стало скучно... Что ж, на все своя судьба.

– Я вылезу?..

– Вылезай.

Выбравшись из машины, Грачев в первую очередь посмотрел назад. Глубокие колеи следовали ровно по краю блестящей черной каменной породы вроде обсидиана. Этот край образовывал на теле пустыни почти правильный круг в сотню шагов в диаметре.

– Что это?

– Я тоже заметил. Нигде я такого раньше не видел.

Сказав это, Сардариев достал большой нож и приблизился к туше антилопы. Теперь она казалась совсем маленький – совсем не такой, как в скачке, почти в полете.

– Да она меньше барана! Давай я помогу тебе... только я не представляю себе, как ее разрезать.

– Лучше посмотри. Может, пригодится...

После долгой процедуры потрошения антилопы Сардариев решил помолиться. В машине у него обнаружился целый гардероб: отдельная одежда для грязных дел, вроде возни с тушей антилопы, и специальная бежевая накидка-халат для молитвы. По исламским законам молиться, будучи запачканным кровью, никак невозможно. Чеченец переоделся, затем Грачев лил ему на руки воду для омовения.

– А можно мне посмотреть, как ты молишься?

– Пожалуйста, сколько угодно, – безразлично сказал Сардариев.

Грачев смотрел на сосредоточенные движения своего странного спутника. На фоне темнеющих на закате гор, в молчаливом и густом воздухе вечерней пустыни молитва впечатляла. И тем не менее ее смысла юноша понять не мог.

Наконец были готовы и похлебка, и мясо. Нужно было наесться досыта, чтобы меньше пропало.

– Назад уже не успеем. Ничего страшного – завтра же пятница. У нас есть спальник, так что не замерзнешь.

– Пусть так, – ответил Грачев.

Конечно, они успели бы приехать в Узру до полуночи, если бы не долгая возня Сардариева с тушей антилопы.

– Я хотел бы пофотографировать пустыню, – сказал Грачев после ужина, – жаль, не успел еще купить камеру. А тебе нравится в пустыне?

– Да. Мне понятно, почему человек вернулся к единобожию именно посреди пустыни.

– И почему же?

– В лесу, в полях, на реках – там кажется, словно бы у каждого дерева и ручья свой бог. А здесь зримо ощущаешь, что все едино.

– Пожалуй, – неожиданно для себя согласился юноша.

Вскоре они улеглись: Сардариев расстелил для Грачева ковер, на котором они только что ели и пили чай на краю черного круга, и положил на ковер спальник. Сам же чеченец решил ночевать в машине на сиденье. Грачев вяло попытался уговорить его поменяться местами, но не преуспел в этом.

Юношу одолевали разные сны. Сначала он играл в какие-то компьютерные игры, потом кривлялся, как обезьяна, перед стенами мечети, затем влюбленно странствовал внутри извилин изящного женского уха, а потом увидел джалол.

Джалол был огромным и черным, он представлял в виде обсидианового овала, возле которого заснул Грачев, только поставленного на бок. Он сжигал все своей красотой и засасывал внутрь сожженное. Из него струился невозможный черный свет. Свет этот напоминал сегодняшнюю тряску и грохот, но странно – утончившийся слух Грачева сумел ощутить за этой какофонией тонкую, нежную мелодию, прохладный ветер, веющий из того же овала.

Душа сновидца вознеслась слишком высоко, и она получила свое возмездие – провалилась назад в грохот. Грачев не сразу понял, что этот сильный звук в темноте – уже реальность. По ушам били близкие выстрелы.

Ярко светила луна в распахнувшемся небе пустыни. Юноша мог хорошо видеть, что происходит. Сардариев вылез из машины с автоматом и, стоя на черном, заметном своей чернотой даже в ночи, каменном круге, с упоением расстреливал что-то на вершине противоположного холма. Он сразу же уловил пробуждение Грачева – хотя между ними было метров двести, а юноша если и двинулся, то совсем немного. Джалалдин резко повернулся, автомат казался частью его тела, какого-то механического тела – словно стрела у башенного крана.

Пули ударили в нескольких шагах от ложа Грачева, прочертив линию между ним и стреляющим. Луна была на стороне Грачева – в ее лучах убийца был виден хорошо, она же и слепила его, мешая прицелиться.

Грачев проворно вскочил, мгновенно оказался в обуви, и, стелясь по темному склону, стал быстро удаляться. Сардариев больше не стрелял – видимо, потерял цель.

Грачев запнулся на секунду. Он был уверен, что так же замечательно сможет карабкаться дальше, он чувствовал в себе бесспорные силы. Но маленькая заминка привела его в чувство. С чего это он должен спастись от врага? Не бежал же парень с зеленой сумкой, не бежал же молодой полицейский – с чего должен он, Грачев?

И тогда он шагнул на высокий камень, силуэт его прекрасно вырисовывался на фоне скалы. А умирать совсем не плохо – эта мысль появилась из ниоткуда и заполнила сознание. Грачев думал, как красиво стоит он в лунном свете среди беспристрастного и вечного безмолвия. Сейчас пули разорвут его тело, и собственная же кровь согреет его в холоде ночной пустыни. Интересно, почему мы не чувствуем кровь, когда она стремится под большим напором у нас по жилам, но стоит ей потечь по телу, как мы начинаем ощущать ее жар?

Грачев включил фонарь, который заботливый Сардариев выдал ему вечером, – поскольку юноша спал в одежде, фонарь оказался при нем в кармане джинсов. Теперь он был уже не простой мишенью – а еще и прекрасной, сверкающей мишенью. Затем Грачев навел луч на стоящего внизу человека, словно электрический свет был могущественным оружием. Он увидел Сардариева, опустившего автомат и прогуливающегося кругами вокруг автомобиля. Через несколько секунд чеченец повернулся спиной и скрылся в своей машине. Вернулся к своему спальнику и Грачев.

Теперь он проснулся на рассвете. Страшное солнце юга еще только рождалось на свет – котенок еще не превратился в безжалостного льва. Пустыня заиграла всеми

своими цветами, хотя уже через два часа они будут выжжены лучами солнца. Но сейчас Грачев заворожено наблюдал самые прекрасные мгновения. Вокруг него играли самые нежные оттенки земли: чуть розовый, чуть голубой, чуть зеленый. В пустыне есть места гораздо ярче, чем то, где ночевал юноша, – против цветов той, дальней пустыни бессильно даже солнце. Но здесь цвета только намечались – лишь черная обсидиановая чаша чернела сурово и явно.

Не вставая, лишь поворачивая голову, Грачев наблюдал за величественным и острожным преображением. Но вот слуха его достиг посторонний, человеческий звук. Маленькая ящерка, пробегающая мимо, изменила свой путь, как бы отшатнувшись. Грачев резко обернулся: он увидел Джалола, стоящего прямо, спиной к лежащему, и произносящего резкие и непонятные слова. Грачев никогда еще не видел, как человек молится на рассвете, но это зрелище не обрадовало его. Дух юноши сразу ощерился, как только он вспомнил про Сардариева и безобразную ночную сцену. Да, не страшной казалась она теперь, а только безобразной. Грачев лежал и наблюдал за своим спутником, как за ядовитой змеей. Закончив молитву, убийца спокойно закрылся в своей машине, не обернувшись к бывшей жертве. «Уедет или нет?» – с неприязнью гадал Грачев. Мысль о том, что Сардариев вполне может бросить его одного посреди безводной пустыни, которая очень скоро превратится в раскаленную жаровню ада, почему-то не пугала Грачева.

Русский встал и начал собирать свои вещи. Мысль работала дальше. Почему, собственно, Грачев должен униженно ждать решения человека в черном автомобиле? Рядом со спальником стояла маленькая канистра с водой, Грачев прихватил ее и пошел от машины прочь. Он двинулся по еле заметной колее в пустыне – это была другая колея, не та, по которой они приехали вчера. Ночью эта чужая дорога не была заметна.

Первый страх сковал сердце лишь через час пути. Он подступил как приступ астмы, перехватив дыхание. Грачев поставил канистру на землю и затравленно оглянулся вокруг. Солнце, как снайпер, забиралось все выше, и казалось гигантским прицелом, распускающимся на небе. Внизу был всего один человек, и нетрудно было догадаться, в чью сторону целятся зубы льва. Грачев озирался кругом. Но его русское лихачество не пропало, он хотел плюнуть на землю, но в последний момент удержался: взял канистру и уверенно пошел дальше.

Через час появилось первое дерево. Его ствол был бел – перед Грачевым стоял инжир, фиго, хотя он и не знал этого. Юноша сорвал тройной лист, растер его пальцами, понюхал. Сорвал второй и надкусил его. Поскольку солнце пока не припекало, пить Грачеву совсем не хотелось, он даже еще не открывал канистру. И все же он подумал – хоть листья и не водянистые, их можно будет жевать в крайнем случае.

Грачев шел так, чтобы солнце светило ему в спину. Потихоньку он начал замечать, что солнце отходит влево, и сам стал брать левой.

Он ни о чем не думал, лишь о том, чтобы перед смертью досыта насладиться дорогой. Впрочем, он не был уверен, что умрет.

Еще через час он сел под сенью второго, более раскидистого, дерева, дружески хлопал его по отсутствующей коре, открыл канистру и стал расчетливо пить. Нужно было дать отдохнуть рукам, несущим воду.

Взгляд Грачева скоро обострился – чуть передохнув, он стал наблюдать за невысоким, но интересным гребнем напротив. Его зубцы были очень причудливы – они

изображали разных существ, реальных и мифических. Большинство из них смеялось, но беззлобно.

А вот некоторые из них задвигались, зашевелились. Теперь посмеялся и Грачев. Перегрелся? Еще не похоже. Стало быть, сошел с ума. Это неплохо. Перейти в мир иной под аккомпанемент сумасшествия – это вполне музыкально.

«О Нури – ты, черноволосая,
Прекрасна, как немой павлин!
И зеркала твои чудесные
Горят, как огненная синь».

«Хорошая была песня», – подумал Грачев. Затем он продолжил следить за стеной. Ожившие скалы оказались пушистыми. Да-да, так и должно быть. Пустыня вовсе не такая уж жестокая – она просто притворяется! Вот и бубенчики легко звенят...

Грачев вскочил на ноги – только сейчас он понял, что перед ним стадо баранов, в поисках малосъедобных колючек перевалившее через невысокий гребень с причудливыми очертаниями. А там, где стадо, должны быть и люди! Грачев подхватил канистру и радостно устремился с ней вперед, вверх по гребню, словно баскетболист с мячом к маячащему над головой беззащитному кольцу.

Баранов было много. Перед первым из них Грачев упал на колени и обнял его пушистую шею. Баран не ответил на ласку, замотал головой.

Встав с колен и отряхнув джинсы, Грачев стал озираться по сторонам в поисках людей. И тут его ждала неудача: ни собак, ни пастухов не было видно.

Грачев не очень понимал в животноводстве и остановился в недоумении. Неужели бараны выпасают себя сами? Что тогда делать? Ждать вечера, когда они пойдут к стойбищу? Может, полоснуть какого-нибудь барана ножом, чтобы на истошный визг сбежались разъяренные хозяева? Нож у Грачева был – еще с семнадцати лет он всегда мужественно носил его в кармане, по счастью, на большее, чем просто ощущать пассивную тяжесть ножа, мужественности не хватало, но вот обойтись так со своими спасителями юноша не решился бы.

Тут он заметил у подножья другого, более высокого, гребня какое-то движение. Грачев уже обманывался, принимая лезущего вверх барана за человеческое существо. Но теперь ему показалось, что мелькнуло что-то разноцветное.

Грачев устремился к тому месту, но не увидел ничего. Однако через секунду он заметил мелькание еще выше. Юноша даже разглядел цвета – голубой с зеленым.

Но что это было? Он обошел камень, где цвета появились во второй раз. «Уж не Ангел-Павлин ли машет своим хвостом?» – мелькнула шальная мысль у Грачева.

Третий раз мелькнуло на самом вершине гребня. Подъем был невысок, но крут, и пришлось карабкаться. Грачев был уже зол и с некоторым остервенением пнул камень там, где возле очередного дерева ему в третий раз привиделись цвета. Подумав немного, он сел спиной к этому камню и тут увидел лицо.

Ему почудилось, что на одно лицо наложилось другое – на лицо женщины лицо ребенка. Так бывает при монтаже. Оба лица жили по-отдельности, но они были едины в одном человеке. Грачев беспомощно моргнул, потом еще и еще. В конце концов лица сложились в симпатичную девочку лет тринадцати, кокетливо улыбающуюся незнакомцу.

Грачев тоже улыбнулся – так, как мальчишки улыбаются девочкам, презрительно и заморожено одновременно. Девочка нахмурила брови, снова улыбнулась, но уже про себя. Глаза ее смотрели сурово, как и положено глазам восточной девушки смотреть на чужака, но уголки губ передавали тайную негу своим изгибом. Ее яркое, светло-голубое платье было усыпано знакомыми Грачеву золотыми лилиями.

Грачев поднялся с белого камня и сделал шаг навстречу девушке, но она тотчас же убежала. Юноша увидел ее чуть ниже, на другом камне. Медленно, стараясь не делать резких движений, он устремился туда. Девочка закрыла рот широким рукавом платья, ее черные глаза, наверное, засверкали еще ярче. Почему Грачев так решил – непонятно, ведь он был еще не настолько близко, чтобы видеть выражение ее глаз. Когда он все же оказался рядом, то увидел, как она быстро достала губную помаду и начала порывисто красится. Грачев замер, хотя подобрался уже близко. Он понял, что каждое движение тонкой руки девочки – словно выверенный росчерк каллиграфа, начертывающего священную книгу. Грачев улыбнулся ее красоте; красота поймала эту улыбку и стократ отразила ее, каждый отраженный луч вспыхнул в восхищенных глазах Грачева – и эта игра умножения красоты продолжалась до бесконечности. Девочка смотрела в лицо юноши совершенно как в собственное зеркало, выводя вожделенные кокетливые линии. Затем она наредила взятой у матери или старшей сестры губной помадой и так румяные щеки – жест вроде бы простоватый и даже по-детски неловкий, но Грачев и в нем увидел грацию, заключающуюся, наверно, в отсутствии всякой грации. Затем девочка рассмеялась и снова спряталась за камень.

«Я на ней женюсь, – подумал Грачев, – я найду ее папу и выбью у него разрешение. Не отвертится! Заодно и воду даст».

– Где твой отец? – громко, нарочито взрослым голосом спросил он. В ответ опять смех. Опять сверкнула одежда – и вот девочка уже возле своих пушистых баранов.

«Он разрешит, – продолжал Грачев обдумывать свою идею, – говорят, кочевникам важнее всего получить деньги. Недорого, долларов триста всего».

Мимо него пробежал маленький белый ягненок.

«Ишь, глупый какой», – подумал Грачев.

– Не буду я больше за тобой бегать, – провозгласил он и уселся на белый кривой ствол. – А почему тебя послали пасти баранов? Что, братьев нет, что ли?..

– Есть, – Грачев впервые услышал ее голос, – но я люблю сама.

– А меня ты полюбишь?

Девушка в ответ достала тушь и стала подкрашивать ресницы, бросая быстрые краткие взгляды на новоявленного жениха. Эти взгляды были словно мелкие капли дождя, и Грачев не мог понять их ответ. Он только махнул рукой.

Лишь в этот момент юноша разглядел кочевые палатки. Две из них были брезентовыми, и их выцветший зеленый цвет был мало заметен на фоне гор. Третья была черной, из настоящего козьего волоса, – но и она хорошо пряталась за белыми деревьями. Видимо, их тень и послужила причиной, по которой кочевники выбрали именно это место. Все-таки четыре дерева в одном месте – большая редкость!

– Это твои?

Прелестница кивнула и спрятала тушь.

– Пойдем туда!

– Иди один...

– Как хочешь. Я уйду от тебя, чтобы ты стала моей.

По дороге к стойбищу Грачев подумал, что неверно сформулировал свою мысль. «Стала моей» – это неправильно. Разве можно иметь другого человека в собственности? Да и вообще, собственность – это глупость. Ведь оно как устроено: только заведешь машину – и пора все время для нее бензин покупать, да еще дорожной полиции штрафы выплачивать. Нет, решительно иметь что-то – это невесело!

Шатры не имели стен и закрывали только небо. Таким образом, большая часть жилищ была открыта всем ветрам и взглядам, и лишь небольшой закуток, включавший в себя кухню и женскую часть, огораживался дополнительным брезентом. Шатры оказались большими, где-то метров пятнадцать в длину и пять в ширину. Внутри пол был покрыт красными домоткаными коврами с нехитрым узором. Под сводами шатров были развешаны, словно гирлянды, разноцветные помпоны.

Рядом, на земле, лежал большой станок для нового ковра – простая деревянная рама. Новый ковер был готов лишь на четверть. Женщина в яркой зеленой одежде держала в руке моток грубых ниток из овечьей шерсти и, то поднимая его вверх, то опуская вниз, крутила у самой земли небольшую горизонтально расположенную деревянную палку, на которую наматывалась эта нить. Со стороны можно было подумать, что она, впад в детство, играет с юлой и заворожена ее вращением. Эта женщина была мать «невесты» Грачева. Старуха со сморщенными губами, в серой унылой одежде, так не похожей по расцветке на изумрудную одежду прядильщицы, возилась возле небольшой и неглубокой ямы, выдолбленной в твердой земле прямо у входа в палатку. Яма была очагом, в ней лениво горело несколько маленьких, словно бы игрушечных поленьев. Старуха была бабкой «невесты».

Чуть в стороне от больших шатров Грачев заметил очень маленькую палатку. Вернее, просто кусок материи вроде старой простыни, натянутый, однако, словно настоящая палатка, на две стойки, метровой высоты каждая. Внутри лежала тряпичная, видимо самодельная, кукла. Под рваной простыней висела маленькая нитка с помпонами, в точности имитирующая те, что в больших. Около палатки вертелась девочка лет семи, вся в блестящих. Это была младшая сестра «невесты». Из-за импровизированного загона для скота, сложенного из плоских камней и в данный момент пустого, вышел красивый юноша с четкими чертами лица, на вид ему было около восемнадцати. На нем была шерстяная накидка без рукавов в белую и черную полоску. Накидка доставала почти до колен; за спиной у юноши болталось ружье такой же неудобоваримой конструкции, как то, что было у героя-сектанта, убийцы полицейского, а на голове сидела черная войлочная шапка, по форме похожая на купол. Это был старший брат «невесты».

– Салам алейкум! И тебе не жарко? – спросил Грачев.

Юноша с ружьем, не сумев изобразить суровость, застенчиво улыбнулся в ответ.

Гостя, конечно же, заметили издали. Для него уже расстлали небольшой красный ковер возле главной палатки, и мать «невесты» – правда, она еще не знала о своем новом качестве – торопливо подметала веником землю возле этого ковра. Грачеву было понятно, почему его не пригласили внутрь шатров: южное солнце уже успело нагреть пустыню, скалы и войлок жилищ.

С очага в форме ямы сняли закопченный чайник, и в тонкий фигурный стакан налили чай для Грачева. Появился и хозяин семейства – лысоватый человек небольшого роста, вскоре он прикрыл свою лысину шапкой из черной валяной шерсти – из нее же были и платки.

Будущий тесть не был рачительным хозяином. Он сам рассказал об этом со смехом и поведал о том, что недавно решил поправить материальное положение семейства довольно странным образом: стал разводить на продажу пестрых, грязно-белых фазанов, похожих на индюков. Фазаны эти ценятся кое-где за свой голос, на слух европейца визгливый и совсем не приятный. Каждый фазан был ростом чуть меньше курицы и жил в отдельной клетушке, формой напоминающей перевернутую корзину. Грачев был поражен дороговизной нелепых птиц. Хозяин, может быть, привирал.

Тут он зазвал гостя внутрь шатра, ибо хотел продемонстрировать голос своих певчих, однако те были не в настроении – только один петух издал недовольно пару звуков. Тогда отец девушки достал мобильный телефон и включил запись пения своих питомцев. Фазаны сразу отбросили свою стеснительность и начали усердно подпевать – или перекрикивать, как сказал бы Грачев. Барахтаясь в своих клетках, размер которых не позволял птицам сделать более одного цыплячьего шага, они подпевали металлическому голосу, подстраиваясь под свой бывший крик, искаженный динамиком телефона.

– Маразм, – задумчиво отреагировал Грачев по-русски на эту перекличку природы и техники. Неужели где-то была какая-то Москва? Нет, реальностью была палатка, брынза, разложенная на узорчатых грязноватых тарелках, индюки и электронный голос. Сквозь полог из черного козьего волоса просачивалось солнце, и причудливая сеть из света и тьмы лежала на лицах как хозяев, так и гостя.

Концерт продолжился другим выступлением. Принесли струнный инструмент чуть больше скрипки, сделанный из маленькой тыквы. На гриф было натянуто три струны, снизу был приделан длинный шип, который втыкали в землю для устойчивости инструмента. Смычок, напоминающий изогнутый лук с тетивой, сначала дали глухонемому сыну хозяина – юноша с дураковатым лицом, ровесник Грачева, вынырнул в последний момент из-за угла палатки. Он был совсем не похож на своего красивого старшего брата.

– Сколько же у вас детей?

– Пока четверо... хотя нет, вон люлька в углу. Значит, пятеро.

И лысоватый «тесть» довольно засмеялся. Глухонемой стал беспорядочно водить смычком по струнам, издавая тягучие, завораживающие своей бессмысленностью звуки. Русский всматривался в лицо «музыканта», чрезвычайно одухотворенное в силу причастности к творческому процессу. Грачев размышлял, что все выбрал правильно, – семья с задатками идиотичности и гениальности должна была произвести на свет нужную ему девушку.

«Ведь и сам я понемногу отошел от разума в этой чудной стране, – вяло думал Грачев, – и правильно сделал. Жарковато в мире для разума-то».

Затем лук и украшенную тонкой резьбой тыкву со струнами принял в руки глава семейства, он был настоящим мастером, хотя лицо его играло хуже, чем у сына, излучая усердие, а не счастье. Переливы азиатской музыки, сбивающей дыхание, поплыли над горами и пустыней.

Кончился концерт тем, что Грачев, приняв картинную позу, потребовал к себе внимания и спел все ту же песню – «Гори, гори, моя звезда». Без гитары было как-то непривычно, зато слова на этот раз не забыл. Мужчины и даже женщины, цокая языками, выражали восхищение – наверное, наигранное. Иностранную песню решено было записать на старый, полуразрушенный кассетный магнитофон. Магнитофон принесли вместе с автомобильным аккумулятором, и попросили исполнить песню на бис. Грачеву стало скучно повторяться, и он запел гимн России, быстро сбился, но по привычке заполнил лакуны какой-то абракадаброй.

– А как зовут вашу дочку-то?

– Эту?

– Нет, другую, которая баранов пасет в отдалении.

– Фарзана? О, она умница.

– Она тоже умеет играть?

– Нет. Зато она очень любит технику.

– Какую именно?

– Вот мобильный, например. Все режимы освоила, все функции. Никто у нас не смог...

– Это очень хорошо. В технике есть своя поэзия... особенно если маленькое, изящное устройство – в руках у такой девушки! Интересно, а в вашей стране иностранец может жениться на местной?

– Да, мы любим породниться с другими. Калым для вас вряд ли проблема... Но нужно быть мусульманином.

– Это непременно условие?

– Да.

– А сложно это?

– Внешне – не сложно. Но внутренне... видите ли, надо признать единственность Божию.

– А я вижу, вы человек образованный!..

– Да, я учился в колледже. И еще у нас в роду с детства все интересуются поэзией, а это развивает.

– И Фарзана тоже?

– Еще как! Она даже сама пишет стихи.

– Хм... а о чем? О любви?..

– О любви, о цветах, об Имени Всевышнего Господа... недавно вот о мобильном телефоне написала.

– А можно попросить ее прочесть?

– Она такая кокетливая, будет долго отказываться... да и пойдешь найди ее среди гор!

– Да, тем более мне завтра на работу. Пора мне покинуть вас.

– Ох, как жалко, я думал, вы побудете у нас подольше...

– Да я еще приеду! Хотите, я буду другом вашего народа?..

– Это была бы огромная честь для нас!..

Глава семейства отрядил младшего сына на мотоцикле с тем, чтобы тот проводил Грачева до ближайшей деревни, что была в двадцати километрах, откуда машины ез-

дили к трассе на Узру. Юноша – тот самый, в черно-белой одежде, – категорически отказался брать деньги. Ночью Грачев был уже дома и на следующий день вовремя явился на работу.

Постепенно наступило отрезвление. Грачев сам не знал – была ли с его стороны мысль жениться на малолетней кочевнице лишь игрой воображения или он действительно желал этого, будучи немного не в себе после стресса, полученного из-за агрессии чеченца. Насчет последнего он подумывал сообщить Бурмистрову или даже в полицию. В принципе чеченца следовало постоянно бояться – не было гарантии, что он не возобновит свои попытки убийства. Возможно, что он опасен вообще для всей русской общины. Однако Грачев почему-то, хотя периодически вспоминал об опасности и готовился заявить, так и не смог заставить себя сделать это. Вскоре он перестал думать о Сардариеве и о кочевнице так же, как о бунте, павлине и опиумном притоне.

Тем не менее Грачев чувствовал, что полоса спокойствия в его жизни кончилась. Ему захотелось поучаствовать в каком-то действе. Но было важное отличие от прежнего: теперь это действие мыслилось как сугубо индивидуальное. Грачев вспомнил, что еще год назад у него мелькнула идея провести свой единственный на неделе выходной так: съездить в столицу и покататься там на монорельсе.

Страна, в которой жил Грачев, не могла быть отнесена к числу особо технологически развитых. Уровень ее развития был примерно как в России – за исключением того, что здесь не было столь могучей военной промышленности. Что греха таить – технически этому государству было далеко до соседних Эмиратов.

Однако так сложилось в мире – власти каждой такой умеренно развитой страны стремились удивить гостей и своих граждан каким-нибудь техническим чудом в столице, которое в своем жанре уж непременно самое-самое в мире. Где-то строили огромный небоскреб, больше чем на Манхэттене, где-то – мечеть с минаретами до неба. Но в стране, приютившей Грачева, мечети были нормальных размеров и очень красивы, гигантомания в сфере религии тут была не в чести.

Здесь было решено построить монорельсовую железную дорогу. Обещана была даже постройка скоростного монорельсового пути из столицы до Узры для быстрого перемещения паломников. Пока же дело ограничилось десятком станций внутри столичного города – огромного мегаполиса размером с Лондон или Москву.

Сперва Грачев поизучал монорельс через Интернет – несмотря на то, что линия стала действовать всего год назад, фотографий в сети было предостаточно. Маленькие, состоящие из множества перепонок поезда, показались ему глумлением над настоящей железной дорогой. Чистенькие, словно игрушечные, вагончики, мчащиеся над улицами мегаполиса, – это обещало быть забавным.

Монорельс – не такая уж уникальная вещь на земном шаре в начале двадцать первого века. В мире имелись десятки подобных систем, но в городе, куда отправился Грачев, конструкция монорельса была уникальна особенно высокими и редкими опорами. Столичные власти находили в констатации этого факта особенное удовольствие.

Проехав от автовокзала на обычном метро, похожем на московское, Грачев поднялся на подвешенную в небе станцию. Как зачарованный смотрел он на острую нить рельсы, изгибающейся под немислимыми углами в форме латинской буквы S.

Он знал, прочитал за день до этого, что одним из преимуществ монорельса является именно способность поворачивать под большими углами, а также круто спускаться и подниматься, что невозможно для обычного, двухрельсового, пути. Подошел маленький белый поезд, он состоял из семи секций, сочлененных с помощью резиновых «гармошек», и весь целиком был чуть длиннее одного трамвайного вагона. Грачев сел на крайнее сиденье – у окна, как в детстве. Так юноша словно бы летел над землею, ведь край вагона висит над пустотой. Сперва линия шла над заводскими корпусами, потом пересекла парк – Грачев видел среди пальм и пиний платки столичных модниц, яркие, как цветы. Затем поезд долго двигался прямо над руслом пересохшего ручья – весной он заполнялся водой, но пока русло оставалось праздным. Вот проехали Национальную выставку и ее главную достопримечательность – не очень большую, но заметную модернистскую мечеть, минарет которой сверкал стеклом и сталью; проезжал Грачев и над обычной городской застройкой. Здесь стояли дома вроде российских пятиэтажек, так что приличия соблюдались – никто не видел частной жизни во внутренних дворах, как это неизбежно случилось бы, пролетай поезд над маленькими домиками, которых даже в столичном мегаполисе было немало.

На севере вздымался огромный горный хребет со снежными вершинами, город упирался прямо в него; земля у подножья гор считалась самой дорогой, ибо жаркий воздух и смог стекали в более низкие южные районы. Монорельс карабкался вверх почти как канатная дорога, воздух свежел, а столица, это огромное скопление суесящихся людей, оставалась внизу. Грачеву казалось, что он поднялся на вершину муравейника. Рядом мелькали сосны, приветственно ударяя своими ветвями по окнам юркого поезда. Наконец линия закончилась, он вышел подышать горным сосновым воздухом, зашел в музей – небольшой загородный дворец бывшего монарха, рассеянно походил по замечательным коврам мимо коллекций оружия и географических карт, сделанных в Генеральном штабе царской России, поразглядывал причудливую вязь поясняющих табличек и почти столь же сложные картографические надписи с ерами и ятями, затем покинул дворец и сел все на тот же монорельс, чтобы проехать маршрут в обратном направлении.

На душе у Грачева было удивительно спокойно и хорошо. Он видел мир, начертанный прекрасными линиями – изгибами стального рельса, арабской вязью, ветвями сосен, автографами русских военных инженеров – не важно было, кем и когда они созданы. Алексей даже как будто забыл свое имя.

Когда белый поезд проехал уже половину пути, Грачев очнулся, он почувствовал, что блаженное состояние понемногу уходит. Он испугался, что теперь, зная это блаженство, он не сможет больше жить без него. С некоторой долей обреченности Грачев посмотрел в окно. На этот раз он сел в самый хвост крошечного поезда. Прямо за ним находилась будка машиниста, теперь пустая. Грачев мог рассмотреть там оборудование, в сущности состоящее из одного бортового компьютера – никаких рычагов и переключателей. Грачев поднял глаза и посмотрел назад, сквозь лобовое стекло кабины. Как раз проезжали участок, где рельс шел абсолютно прямо. Вечернее солнце сверкало на его острие. Грачев привстал со своего места. То, что он увидел, слишком уж напоминало мост Сират – тот, что тоньше конского волоса и острее меча, тот, что соединяет наш мир с миром иным. Юноша узнал об этом кораническом образе из

книги восточной поэзии, в одном из немногих ее фрагментов, которые он понял. И в этот самый момент поезд остановился, дернувшись так сильно, что Грачев навалился грудью на дверь, ведущую в кабину машиниста.

Как потом выяснилось, на линии в результате аварии отключилось электричество. Грачев оправился, встал в полный рост и продолжал во все глаза смотреть на струну моста.

Восточные обыватели, привыкшие любую ошибку и недоразумение преодолевать с терпением, сидели на своих местах, лениво переговариваясь о том, почему поезд остановился и когда он поедет. Грачев, не очень-то сознавая, что делает, начал дергать ручку двери, ведущей в кабину. На третий раз дверь поддалась, позволив Грачеву проникнуть в пустую кабину. Затем Алексей замер на секунду, все так же глядя на рельс. Возможно, умопомрачение боролось в нем с последними доводами рассудка и приличия. Но он все же распахнул дверь на улицу.

С трудом не свалившись вниз, придерживаясь руками за обшивку вагона, он вылез на рельс. Пассажиры начали понимать, что происходит что-то не то, и один даже предостерегающе крикнул ему «э!». Но русский не слушал. Оставив поезд позади, он отправился на прогулку через небесное пространство.

Вагоны замерли как раз в том месте, где внизу находились жилые дома. Рельс был в ширину немногим меньше метра, и стоять на нем было несложно. Радуюсь освобождению, Грачев шагал над улицами, крышами и балконами, и птицы ободряли его своими криками, а внизу качались пальмовые ветви. Это совсем не походило на величавое движение сосновых ветвей возле дворца, напоминавшее мелодию «Лунной сонаты». Нет, пальмовые кроны словно кипели, хотя ветер был несилен – иначе Грачев не прошел бы так далеко. Это было кипение южной страсти, бурной и немного картинной.

За пальмами был дом, его последний этаж находился вровень с монорельсом. На балкон вышла девушка в красивом сиреновом платке. Она оказалась совсем близко с Грачевым. Девушка посмотрела большими удивленными глазами, и в ее взгляде Алексей прочел истинное восхищение. Он улыбнулся в ответ и прижал правую руку к сердцу, как это обычно делают на Востоке. Девушка засмеялась и приветственно махнула своей тонкой рукой, причем в результате этого движения рукав опустился и обнажил руку до локтя. Юноше было приятно ее восхищение, хотя это чувство оказалось отстраненным. Поэтому он не мог остановиться и, крикнув «до свидания», пошел дальше – ведь он шел по блестящей дорожке прямо к солнцу. Девушка засмеялась в ответ и исчезла с балкона.

Налетел порыв ветра, потом еще и еще. Гармония, возникшая в старом сосновом парке, не просто вернулась – она дополнилась ощущением победы: не наглым чувством триумфатора, а смиренным вознесением праведника. Но в одном месте рельс оказался скользким – гармония вдруг дрогнула, и струна умчалась в небо, а душа погрузилась в темноту. Так было долго.

Глава 6. Джалаладдин

Затем повсюду был свет. Он был предельно яркий, и кроме него не существовало ничего. Так было долго. Но потом свет начал становится более мягким и нежным.

Местами он стал приобретать цвета, среди него, как бы исчезающего, стали появляться отдельные светящиеся фигуры: зеленые, красные, желтые – всех возможных и невозможных цветов. Их было много, они походили на драгоценные камни – или на цветные пятна на павлиньих перьях. Но было ясно, что самый главный свет, который уже стал невидим, никуда не пропал – он просто спрятался. Иногда он вспыхивал где-то очень узким лучом все той же, беспредельной силы. Затем сквозь пространство, окрашенное светом драгоценных камней, стали проступать какие-то точки. Они были очень малы, но их становились все больше, они накладывались на истинную картину. Они рисовали свою картину – белый потолок, лампы, рыжая борода. Перед Грачевым сидел Сардариев.

– Ты очнулся?

– Я видел.

– Что же ты видел?

– Я видел свет... потом выкристаллизовались светящиеся шары... или, вернее, самоцветы.

– Это были Имена Божьи.

– Имена?

– Да, их много. Такие, например: Высокий, Милосердный, Нежный, Гневный, Рисующий... Нежный – это Латиф.

– Ты их знаешь?

– Больше по книгам.

– Зачем ты хотел убить меня?

– Да убить я, собственно, не хотел.

– Гневный, говоришь... А твое имя – Джалол?

– Да.

– Ты пришел меня навестить?

– Да. Я вообще хочу сказать, что у тебя плохой дом – я там был вместе с твоим начальником, когда мы искали тебя. Переселяйся ко мне – у меня просторней.

– Зачем?

– У меня ты можешь узнать больше про Имена... если, конечно, не узнал еще все.

– Нет, какое все, что ты! Хорошо, я подумаю...

– Я тебе соку принес, врач разрешил. Я тебе налью. Хочешь?

– Угу.

Сардариев приблизил пакет с гранатовым соком к своей косматой голове, в другой руке он держал стакан и переливал жидкость кровавого цвета прямо перед своими глазами, тщательно следя, как будто было очень важно перелить правильным образом.

– Ты специально приехал в столицу меня навестить?

– Да. Если в кого-то стрелял, уже невольно берешь ответственность за этого человека на себя.

Сардариев снимал первый этаж двухэтажного кирпичного дома. В его распоряжении было три комнаты и внутренний дворик.

– Зачем тебе так много места? – осведомился выписанный из больницы Грачев.

– Как говорится по-русски: свято место пусто не бывает. Я подумал об этом, снимая жилье. И, как видишь, оказался прав.

Юноша немного рассердился, что Сардариев считал переезд его, Грачева, к себе делом как будто решенным. Но потом решил поберечь свой гнев.

Полы, как во всех домах Узры, были бетонными без какого-либо покрытия. На них полагалось стелить ковровин. Но у Садариева в самой большой комнате лишь половина пола была застелена ковровином, остальное сверкало грубой наготой бетона. Здесь же стоял большой, мощный компьютер с широким экраном.

– Зачем тебе компьютер? В игры, что ли, играть?

– Нет. Я занимаюсь оцифровкой Священного Корана.

– Зачем?

– Мы, мусульмане, изучаем Коран. Этим в Узре никого не удивишь. Но изучают его поверхностно, без копания в самой сути. А я пытаюсь...

– Что же, ты великий богослов?..

– Нет, я вообще не очень умный человек. Но проблема в том, что никто, кроме меня, за это не взялся, хотя надо бы кого-то поумнее... Но все блюдут чистоту свою! Я, как видишь, не блюду.

– Я, кстати, собираюсь принять ислам.

– Разумная мысль.

– Я, видишь ли, собираюсь жениться на одной мусульманской девушке.

– Не уверен, что это очень разумная мысль... впрочем, зависит от того, какая девушка.

– Она кочевница. Ее зовут Фарзана.

– Кочевница – это хорошо.

– Потому что калым маленький?

– И это тоже. А главное потому, что они более смелые.

– А ты ценишь в женщинах смелость?..

– Я превыше всего ценю смелость во всяком человеке.

– А сложно принять ислам?

– Нет. Нужно только два свидетеля-мусульманина. Сейчас за соседом схожу, если надо. Только ведь назад уже не переиграешь...

– Это-то я знаю! Я обдумал, не беспокойся. Имена Бога я смотрел в интернете... только странно все это, конечно.

– Почему странно?

– Если Бог един, то зачем Ему разные Имена? Почему бы не быть только одному Имени?

– Он является в разном виде.

– Ну вообще-то можно понять... Ангел-Павлин тоже един, а перья у него разноцветные. И все равно неясно, насколько Имена самостоятельны относительно центра... А Ангел-Павлин – это Бог или его подчиненный... или оппозиция?

– Ангела-Павлина только твои друзья воспринимают как нечто отдельное. Это знание передается ими, как они любят говорить, от отца к сыну уже многие века. Плохо это – когда от отца к сыну... Это наша азиатская ошибка.

– Почему плохо?

– Потому что теряется осознание. Религию твоих друзей создал один исламский человек тысячу лет назад. «Ангел-Павлин» означает «наибожественный». Я тебе потом объясню – это простая арифметика. К слову «Аллах» в начале прибавляется единица – только и всего.

– Вообще-то я тоже люблю математику. В Москве я оканчивал физико-математическую школу. Правда, я плохо учился. Это мучительно... и мне быстро стало скучно. Забавны все эти модули, тензоры, множества... но зачем они нужны?

– Ислам объясняет – зачем. Так мне идти за соседом?

– Иди.

– Там нужно фразу на арабском сказать, слов восемь где-то. Я тебе на бумажке напишу русскими буквами, ты учи давай, пока я буду полчаса соседа уламывать.

– А почему его нужно уламывать?..

– Ислам – вера без примесей, но мало кто это понимает. Сосед скажет, что нужно провести какой-нибудь торжественный обряд. Он прекрасно знает, что, согласно чистому исламу, ничего не нужно, кроме твоего желания. Но в Узре любят всему придавать красивую форму. Это хорошо... иногда, но не всегда.

Сосед действительно имел вид недовольный. При нем Грачев произнес «нет Бога кроме Бога» и далее про пророка Мухаммада, после чего стал именоваться мусульманином. Сосед задал ему пару формальных вопросов про новообетенную веру, потом он пили чай с корицей в течение десяти минут, и сосед вместе с Сардариевым обсуждали какого-то богатого чеченца, который раньше снимал этот дом.

На следующий день Грачев переехал к Сардариеву. Джалаладдин договорился с Бурмистровым, с которым успел познакомиться и коротко сойтись во время поисков Грачева – ведь тот пролежал без сознания более суток, и никто даже не знал сначала, что юноша покинул Узру, – о том, что нагрузка по работе на Грачева будет снижена вместе с зарплатой. У Бурмистрова как раз дела шли вяло, и он с радостью отдал своего сотрудника под опеку Сардариева.

Русский и чеченец жили общим бюджетом, а вернее было бы сказать, что этот бюджет формировался за счет Сардариева. Грачев же погружался в свежесобранную религию.

– Слушай, Джалол, а теперь я сразу должен молиться?

– Не обязательно уж сразу. Вообще сам разберешься...

– А ты не будешь настаивать?..

– С чего еще! Ко мне это не относится.

– Хорошо, а имя менять надо?

– Многие считают, что надо, но вообще-то необязательно. Хочешь, дам список традиционных исламских имен.

Грачев не захотел. Он принялся читать Коран, но с непривычки запутался, не обнаружив в этой Святой Книге никакого связного повествования. Насторожил его также фрагмент о семейной жизни. Грачев даже стал сомневаться – не слишком ли он опрометчиво выбрал себе новую религию? Юноша обратился за разъяснением к Сардариеву.

– Вот смотри, Джалол, тут написано: «Если же он дал развод ей в третий раз, то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа». Странная тема для суперсвятой книги...

– Это ты из «аль-Бакары»*... Да, понимаю тебя. Но по-настоящему важное в Коране – внутри, в его скрытой форме.

– А очевидное не важно?

– Важно, но на своем, бытовом уровне.

– А как извлекается скрытое?

– Могу поведать тебе то немногое, что узнал сам. Книги на эту тему, учителя – все это очень мало распространено, и они пугливо и робко хранят свои знания. – Сардариев рассмеялся и добавил: – Они ведь не русские... и тем более не чеченцы. Во всех этих древних восточных странах слишком велик запас знаний, чтобы им рисковать! А мы с тобой люди подичее, мы рискнем...

– Так что ты узнал?

– Прежде всего надо рассказать про числа. В исламе это называется *абджад*. Его еще называют мусульманской каббалой. Это отчасти верно, хотя мы не ищем скрытое Имя Бога, а объясняем имеющиеся...

– Это как?

– Ну смотри: имя «Аллах» значит шестьдесят шесть, имя «Единый» – тринадцать. Так потихоньку выстраивается сеть, охватывающая мироздание...

Грачев узнал, что, согласно мыслям Сардариева, исламский мир именно потому и отстал в своем развитии от западного, что было упущено Число, вернее контроль над ним.

– Алгебра, алгоритм – все это, понятное дело, арабские слова. Ты видишь тут артикль «аль»... Исламская математика развивалась тысячелетие назад именно потому, что мистики оцифровывали священные источники – Коран и хадисы, не путать с хасидами. А потом оцифровка стала деградировать, и в любом медресе Узры над тобой посмеются, если ты вякнешь что-нибудь про абджад... Уже лет пятьсот великое знание используется для разной ерунды – например, вызовов джиннов с помощью формул оцифровки и прочей фигни...

– А что, нельзя так вызвать джиннов?

– Ты главное пойми, брат... стремление к истине несовместимо с извлечением практической корысти из нее. Вызывать джиннов попросту незачем. – Чеченец продолжал: – Вот так и выходит, что мир балансирует между двумя видами красоты... «джамоль» и «джалол», о которых я тебе уже говорил. Красота мягкая и красота жесткая... Первая значит семьдесят четыре, а вторая – шестьдесят четыре.

Сардариев достал из большого встроенного шкафа маленькую белую ученическую доску, взял в руки синий и зеленый маркеры, и разобрал оба слова по буквам, чтобы Грачеву было понятнее.

– А откуда взялись значения букв. Почему буква «лям» обозначает тридцать, а не десять?

– Это был древний порядок арабского алфавита, а не нынешний. У евреев похожая схема и похожий алфавит.

– Странно. Почему же вы... мы с ними враждуем?

* Сура «Корова».

- Вздор! Ислам ни с кем не враждует... кроме глупости.
- А как же шайтан?
- Он исполняет свое дело... в отличие от дурака. Потому что каждый человек Аллахом создан Эйнштейном или Ломоносовым! Глупость и есть самый страшный грех, хуже гомосексуализма. Ты еще молодой и не очень натерпелся от глупости человеческой...
- Скажи еще про красоту.
- Ты видишь, что разница между этими двумя глобальными видами красоты равна десяти. Это важнейшее число. Как ты думаешь, почему мы пользуемся десятичной системой счисления?..
- Ну это... десять пальцев на руках и так далее...
- Думаю, не поэтому. Дело в том, что слово «хобб», которое дает в сумме десять, обозначает любовь. Посмотри на эту таблицу значений букв. Видишь – «ха» значит восемь, а «ба» – двойку. В сумме получаем десятку! И именно это слово «хобб» употребляется в Коране, то есть это кораническое понятие любви. В арабском есть и другие слова – «любовь» – «эшк», например...
- То есть мы считаем в любовях? А почему?..
- Потому что любовь есть основа всего.
- А я думал, что так христиане мыслят.
- Да, у них есть фраза «Бог есть любовь». Они говорят об этом гораздо чаще, чем мы. Но эта христианская фраза не закончена грамматически – в ней не сказано, любовь к кому... или к чему.
- Так к чему?
- К кому. Богом движет Его любовь к Самому Себе.
- Странно... Бог у тебя самовлюбленный какой-то.
- Это для человека самовлюбленность – свидетельство несовершенства, а не для Бога. Если мы говорим, что человек любит себя, это значит, что он не любит что-то другое, что вне его. А вне Бога ничего нет.
- Кстати, перед тем, как принять ислам, я скачал из Интернета шесть основ веры... или сколько там?
- Их определяют по-разному. Обычно пять, иногда больше. Семь, например.
- Там первое было «Единобожие», что Бог Един. Нужно было решить, считаю ли я так. Тут вдруг я подумал, что и вообще до сих пор не очень верил в Бога, ни в единого, ни в множественного...
- Бывает.
- Потом я стал думать, что такое Бог...
- Кто такой Бог.
- Да, кто такой Бог... Я долго не мог понять этого. Честно говоря, меня не очень интересует, кто там сотворил Луну и Землю, далеко это от меня...
- Очень правильно! У многих это просто мания какая-то – начало и конец света. Надо задаваться реальными для своего уровня вопросами – и их решать.
- Вот-вот... Я перебрал разные варианты. Справедливость? Слишком относительна. Нури и ее семья искренне верят в одну справедливость, а муллы – в другую и также искренне. И убивать друг друга пытаются... В конце концов подумал, что Бог – это красота!
- Одно из лучших определений.

- Ну а что красота едина – это понятно.
- Почему понятно?.. – усмехнулся Сардариев. – У женщины одна красота, а у деревьев – другая.
- Нет, это вещи разные, а красота едина. Тогда я понял, что, наверно, верю в Бога... А это важно, что Он один?
- Конечно. Ведь только та любовь совершенна, в которой субъект и объект страсти неразличимы.
- Пожалуй. Но надо обдумать. Непривычно как-то...
- Ничего страшного, подумай. Торопиться некуда.
- А зачем все-таки нужна оцифровка? – спросил Грачев и добавил: – Ведь, похоже, ты и без нее знал, что Бог любит Самого Себя.
- Мир и мы сами – высшая игра Божественной любви. Она бесконечно отражается в самой себе... Наблюдать за этой игрой, как за шахматной партией, – уже высшее удовольствие!
- Хе-хе, что я слышу от сурового практика и героя чеченской войны?!
- Но ты прав – должно быть еще некое ясное, острое новое знание. Приблизиться к нему было очень сложно, ведь никто не учил меня абджаду. Сам же я – человек не очень талантливый... Долго блуждал в потемках. Пока есть только очень неясные наработки. Но даже они сильно сократят для тебя первые этапы, самые тяжелые из-за безответности.
- Из-за чего?
- Безответности со стороны Истины. Я выдвигал разные гипотезы, девяносто девять из ста разбивались после мучительной, нудной проверки... одна оставшаяся давала тусклый, невнятный результат, словно первый маленький росток из земли, некрасивый и голый.
- Так что же главное в твоей науке?
- Главное – понимание того, что Бог описывается словом «Я». Это не просто главное Я – это единственное Я. И в тебе есть это Я. Ты сможешь ощутить нутром, что кроме тебя никогда и ничего не существовало... да и не нужно ничего больше! Ты вот про молитву спрашивал. Если тебе так проще, представь, что ты молишься самому себе и своему совершенству. Это грубо, но, по большому счету, верно.
- Почему же тогда говорят о грехе? Тогда чего я ни желаю – все правильно...
- Потому что так желает твое мелкое «я», которого вовсе и нет. Оно, как самозванец Пугачев, изображающий давно истлевшего царя Петра! Впрочем, на эту тему хорошо наболтал наш общий знакомый Мусайлима...
- Ты и его знаешь?
- Конечно. Он очень чуткий человек... но он запутался в своих экспериментах и утонул в своем теле, и взял имя лжепророка. Он тебе изрекал самое лучшее свое мечтанье – про Дея и Эсфанда?.. Могу дать тебе еще одно его видение, кем-то заботливо записанное. Он объяснит тебе лучше, чем я своим сухим языком.
- И Сардариев принес Грачеву несколько тетрадных листков в клеточку, где детским школьным почерком была выведена вязь рассказа. Обычно Грачев с большим трудом читал язык Узры в рукописном виде и даже насторожился сейчас, ожидая того, что придется обращаться к Сардариеву за советом.

– Мусайлима тогда еще учился в медресе, и его звали по-другому. Его мать была мусульманка, а отец – из секты одержимых Павлином. Мусайлима был на распутье... Его исламский учитель практиковал следующий обычай – ученики запирались для молитв на ночь в одной небольшой мечети на окраине Узры, где стены были в виде зеркальной мозаики. Вот, читай теперь, если хочешь...

«Дверь запахнулась. Настроение должно было быть торжественным; но, признаться, я без всякого пиетета рассматривал отражение зеленых ламп в многочисленных зеркальных плоскостях и, как ребенок, вертел головой для того, чтобы заставить плясать отражения этих светильников и перескакивать их с одной грани на другую.

Однако постепенно мое внимание сосредоточилось на собственном отражении. Внимательно посмотрел я ему в глаза, но ничего интересного там не увидел – глаза как глаза. После этого я отошел и уселся на пол в центре зеркальной комнаты – пол был довольно холодным, надо сказать.

Через какое-то время я снова, уже ненамеренно, заметил свое альтер эго, и мне показалось, что оно изменилось в чем-то неуловимом. Я подошел ближе – и вновь не обнаружил ничего необычного. Однако раз поставленный, вопрос требовал выяснения. Для этого я должен был встретиться с отражением.

Я удивительно легко переступил грань, прямо как в сказке про иноземную девочку, но, пройдя туда, сразу же вернулся в зеркальный дом с другой стороны. Постойте, а где же мое «я»? Похоже, я потерял его окончательно. А ведь я пришел сюда именно для беседы с ним.

«Я», тем не менее, показалось – то есть логичнее было бы сказать, показался, да и вообще – дальше буду употреблять это странное слово без кавычек. Что за лицемерие?..

Но Он был каким-то далеким – я подходил вплотную к зеркалу, и видел, что Он ужасно неблизко, маленькая дальняя фигурка. И я побежал, чтобы догнать Его. Все-таки это был довольно важный для меня человек, не то чтобы друг или родственник, учитель или ученик, но все же не совсем чуждый. И мне надо было Его кое о чем спросить – в частности о природе нашей с Ним связи.

Я бежал, десятки раз уходил в западную внутреннюю стенку зеркального дома, и столько же выскакивал из восточной внутренней – но все было бесполезно. Он становился все меньше и превратился в какую-то точку, точно чайка над низким горизонтом.

Я запыхался, встал на секунду и вспомнил, что нечто подобное чувствовал уже в детстве, когда тоже искал Его, то есть себя – например, ночью не спал, и то открывал, то закрывал глаза, пытаясь определить, в каком из этих двух состояний во мне больше Я. Тут я заметил, что Он как будто стал ближе, хотя все еще оставался весьма миниатюрным, то есть далек. Что же предпринять, чтобы сойтись еще больше? Думать о детстве?.. Я стал вспоминать, как в нежном возрасте специально стоял на железнодорожном мосту в полуметре от несущегося состава, глядя прямо на грохочущие вагоны ради воспитания смелости, и как на меня с восхищением глядели остальные дети – но это не помогло. Наоборот – отдалило Его. Оно и понятно – я вспомнил момент эгоистического, стал вспоминать о своем превосходстве над другими, а настоящее Я этого ох как не любит!

И тут я понял, что дело не в детстве как в таковом, а в том, что детство – это движение назад по шкале времени. Поэтому я попробовал попросту идти задом наперед, то

есть пятиться. Помогло! Наверно, это было не очень эстетично – когда я задом влезал в зеркало, но при погоне за Я не бывает посторонних зрителей. Скорее всего.

Итак, Он все увеличивался и наконец сравнялся со мной размером. Но я почему-то не закончил своей странной гонки, а продолжал и продолжал пятиться. Он становился все больше, а я испугался. Чем крупнее был Он в зеркале, тем больше был мой страх, тем быстрее я двигался назад и тем стремительней Он рос. Вот на зеркальной стене помещалось только Его лицо, и меня охватил самый настоящий ужас. Я побежал назад, как ветер, и в какой-то момент увидел перед собой только Его рот. Тут-то Он и проглотил меня.

Я летел по извивающемуся зеркальному коридору. На многочисленных поворотах я видел свое отражение, но не обманывался – это был не Он. Конечно, можно было бы утешить себя мыслью, что любое мое отражение – Он, и, стало быть, я вовсе не съеден Им, а просто голова закружилась от долгого сидения среди зеркал в замкнутой комнате, и вообще Он – это банальный оптический эффект. И хотя я отнюдь не считаю себя сильным человеком, у меня хватило тогда духа не отринуть очевидное.

Тут я увидел, что коридор оканчивается тупиком... опять же из зеркальной материи. Я со всего размаху ударился о нее, но не разбился, потому что материя оказалась вязкой. Я увяз в зеркале. Странное ощущение! Зеркало – а это было именно Зеркало Всех Зеркал – оказалось очень вязким. Стоило мне поднять руку, и тут же огромные зеркальные капли нехотя падали с нее.

Я еще вдобавок наглотался отражающей материи. На секунду я подумал: как же, ведь для наилучшего исполнения своих функций зеркало должно быть не только плоским, но и замечательно отполированным! И тут я догадался: я просто присутствую с другой, тыльной, стороны зеркала, вроде как выхожу на сцену со стороны кулис. Неудивительно – ведь я был сперва проглочен зеркальным многогранником и находился внутри него. Только я понял это, как действительно попал на другую сторону зеркала – и увидел красавицу.

Собственно, это было совершенно не важно, что я увидел, поскольку зеркало не должно ничего видеть, а должно только отражать, я же присутствовал здесь как часть его. И тем не менее... Огромная для микроскопического меня, который был всего лишь песчинкой зеркала, девица с длинной косой прихорашивалась, внимательно и любовно смотря на меня... то есть на себя! Я хорошо видел глаза, родинки, все неровности кожи, тяжелую черную косу, обернутую зачем-то вокруг шеи. Глаза походили на два бездонных озера – для меня это была не избитая метафора, а самая настоящая реальность, и я даже испугался утонуть в них в самом прямом смысле, да, вполне реально было свалиться и утонуть.

И все же я мог уловить в этих глазах выражение бесконечной неги и любования собственной красотой. И вскоре я перестал замечать саму великаншу, а чувствовал только эту ее страсть к своему я – к своей Я, скажем так. Эта любовь то захлестывала меня палящими волнами, похожими на жар извергающегося вулкана, то обвивала нежными потоками чуть теплого воздуха. Тихая мелодия, которую напевала девица, иногда оглушала меня. Но понемногу я привык.

Более того – именно в этот момент я испытал такое счастье, которое, может, не испытаю уже никогда. Я забыл о себе, то есть мне казалась, что я и есть та волна теплого

воздуха, которым Она обменивалась со своим отражением. Уже потом, сидя на полу зеркального дома после возвращения из путешествия, я вспоминал, как в раннем детстве меня спросили, кого я хочу изображать на детском празднике, и я ответил, что больше всего мне хотелось бы превратиться в какое-нибудь украшение матери или сестры – или хотя бы в гребень, которым каждая из них расчесывает свои волосы. Тогда ответ мой удивил и даже возмутил взрослых.

Я летал все быстрее между Ней и Ее отражением, я был гонцом любви, крылатым Идрисом-Гермесом. Мой полет был все стремительней и стремительней, я успевал сбегать туда и обратно шестьдесят шесть тысяч раз в секунду, я успевал передать все признания в любви к Самой Себе и передать все ответное прекрасное смущение. Как Она оглядывала каждую свою родинку, обсуждала Сама с Собой каждое робкое движение собственной ресницы, каждую мгновенную рябь на поверхности своих бездонных озер-глаз! Вы никогда ничего подобного не увидите!.. А если увидите, то умрете – я сам потом больше всего поражался, почему не умер, то есть не растворился совсем в этом пространстве между Ней и Зеркалом всех Зеркал.

Я не заметил, была ли Она действительно красавица, или, наоборот, уродина. Это совершенно не важно – повторяю опять. Важна была любовь, и только она. К утренней молитве я был уже совершенно измотан».

Теперь время после сиесты у Грачева проходило так: они с Сардариевым читали Коран, хотя арабский бытовой и арабский священный различаются, все же это один язык, а сакральные термины юноша быстро выучил. Потом разбирали по-русски многие имеющиеся переводы исламских и особенно еврейских философских книг. Сардариев говорил:

– Люблю евреев за четкость изложения. Нормальные люди, пока про свою священную землю не начинают бормотать...

Затем Грачев садился за компьютер, и они проверяли очередную теорию Сардариева с помощью базы данных, которая содержала в себе весь Коран и множество комментариев к нему, и маленькой программы, написанной чеченцем лично – ему пришлось специально для этого освоить один легкий язык программирования, – подсчитывающей числовое значение любой фразы на арабском языке.

– Так почему Имя «Единый» это тринадцать, а не единица?

– Единица – это единственность в своем сверх-исконном виде, а тринадцать – это уже единица в раскрытой фазе.

– Джалол, а мы точно с тобой что-нибудь ценное поймем таким образом?..

– Не очень точно. Но, если знаешь, предложи другой путь.

– Может быть, стоит просто читать мистические книги? Ты сегодня здорово читал мне с персидского этого... который писал про черный свет Бога...

– Так поступает вся местная интеллигенция. Проблема в том, что этот путь исчерпал себя. Восточная мудрость превратилась в однобокую... лишь Буква, но не Цифра.

– Этим должны заниматься профессиональные математики...

– Отлови и приведи ко мне такого математика, который будет готов искренне заняться всем этим!

Время от времени Сардариев устраивал сафари в пустыне. «Встряхнемся?» – гово-

рил он, и Грачев радостно кивал. Он уже умел не только передергивать затвор автомата, но и стрелять. У Сардариева было еще пневматическое ружье, с которым можно было тренироваться в городском парке, – почти каждый вечер перед закатом двое бывших советских ходили туда. Жители Узры соперничали им, громким криком приветствуя каждую сбитую ворону. Сперва Грачев в силу своего московского воспитания воспротивился убийству ворон, но Сардариев сказал:

– У Бога сил много – на все хватит.

Натренировавшись на воронах, Грачев отправлялся в пустыню. Ревел мотор, и пахла паленой резиной. Не всякий раз пассажирам черной машины везло так, как в первое совместное сафари, – антилопы встречались не так уж часто. Но в любом случае охотников ждала звездная ночь пустыни, мало с чем сравнимая по своему жгучему очарованию.

В гонках Грачев мог наблюдать за неистовством Сардариева, столь спокойного и рассудительного в домашней обстановке. Впрочем, нецензурно чеченец не изъяснялся даже тогда, когда юноша, неловко дернув готовым к стрельбе автоматом во время очередной гонки, пробил пулей дверь машины. Грачев вообще всегда удивлялся правильности литературной речи чеченца. «Сразу видно – не совсем русский все-таки» – думал он.

Вскоре Грачев решил начать свое сватовство и отправился к кочевью Фарзана. Вместе с Грачевым и Сардариевым в их машине был третий – тот самый сосед, который помог юноше принять ислам. Он оказался муллой и теперь восседал в своем смешном наряде. В пустыне мулле было скучно и немного боязно, он подбадривал себя, спрашивая у Грачева:

– Вы должны выбрать себе новое имя. Давайте вы назоветесь Абдуллой!

Сардариев, не отрываясь от дороги, мрачно изрек по-русски:

– Так называют всех новообращенных... Вот пристал со своим именем! Ты уж выбери что-нибудь пооригинальнее... если вообще тебе это надо.

– А какие еще имена есть? – спросил Грачев у муллы. Тот стал с удовольствием перечислять:

– Мухаммад, Али, Хасан, Хусейн, Махди...

– Махди – хорошее имя.

– Замечательное! Теперь ты будешь Махди.

– Чем бы дитя ни тешилось... – буркнул Сардариев снова по-русски со своего переднего сиденья. Мулла подозрительно посмотрел на него. Чеченец сказал уже по-арабски:

– Да, говорю, очень хорошее имя... Это имя мессии, который придет и спасет все человечество.

Судя по тону, Сардариев скептически относился к идее мессианства.

Иногда Грачев осознавал, что с той поры, как он видел Имена перед тем, как очнуться в больнице, он стал жить слишком странно, с небрежением к собственной жизни. Вот и сейчас, словно сквозь марево пустыни, к нему пыталось из последних сил пробиться сознание московского паренька, укрывающегося от службы в армии. Грачев чуть было не опомнился, чуть было не понял весь ужас своего поведения: того, что он едет договариваться об официальном браке с малолетней азиаткой из табора, того, что он живет

на квартире у чеченского террориста, который неизвестно куда пропадает в то время, когда юноша ходит на работу. Наверняка Грачев уже на карандаше у соответствующих российских спецслужб, и никогда не жить ему теперь спокойно рядом с отцом и матерью! Он смотрел в мощный затылок недавно подстригшегося Сардариева, и в душе юноши бурлило, борясь, старое и новое. Но борьба изначально была неравна – слишком уж яркими оказались смешные поначалу перья набожественнейшего Ангела-Павлина.

В день знакомства с Фарзанае Грачев предусмотрительно записал на бумажке название деревни, в которую его доставили на мотоцикле. Но теперь нужно было еще найти самих кочевников. На это пришлось потратить несколько часов, ибо нужное стойбище было не единственным. Хорошо имелась примета для расспросов – глухонемой брат невесты.

Наконец Грачев обнаружил своих потенциальных родственников. Как и положено, сперва долго сидели у шатра, попививая кислое молоко и разговаривая ни о чем. Затем по жесту Сардариева юноша удалился – по обычаю сватовство должно было случаться без присутствия жениха.

Он бессмысленно нарезал круги вокруг становища, заглядывая в огороженный плетеными циновками цилиндр, где внизу пытались ходить смешные новорожденные барашки, погладил белого осла и все искал глазами Фарзанае. Но, видно, не положено было ее видеть теперь.

Вскоре Сардариев окликнул его. Вечер продолжился как ни в чем не бывало. Вынесли аккумулятор и старый скрежещущий магнитофон и включили кассету с голосом Грачева. Даже в полутьме при свете переносного газового фонаря, похожего на примус, было видно недоуменное лицо муллы, который долго не мог понять, откуда у кочевников взялась такая звукозапись. Грачев и вовсе забыл о ней – теперь же ему было приятно, что потенциальные родственники сохранили его голос и, по их словам, не раз включали его для себя. Стало быть, и Фарзанае могла его послушать.

– Согласится, я думаю, – сказал Сардариев, – семейка хорошая, в меру сумасшедшие. Божьи люди...

Сардариев мягко усмехнулся, словно был не Джалол, а Джамоль. Заметить улыбку сейчас было мудрено, но Грачев уже хорошо изучил манеры и жесты Сардариева.

Юноша готовил дом к приему молодой жены. На маленьком кусочке обнаженной земли посередине забранного бетонными плитами дворика три на три метра величиной он насадил разных цветов, кустов, а в середине устроил финиковую пальму – еще маленькую, как сама Фарзанае, но гордую, как Останкинская телебашня. Приобрел Грачев и птиц – маленьких, почти как колибри, амадин и одного хохлатого, важного удода – и повесил их в клетках по периметру дворика. Увидев купленного удода, Сардариев назвал его птицей Сулеймана и сообщил, что в Коране эта птичка играет важную роль. Остаток дня прошел в изучении двадцать седьмой главы Корана.

Родителей юноша так и не поставил в известность о своих брачных планах, с трудом уговорив молчать Бурмистрову хотя бы полгода. Скоро свершилась свадьба. Большую часть расходов со стороны жениха понес Сардариев – ведь по восточным обычаям надо было накормить несколько сотен родственников. Калым, как с удивлением узнал Грачев, в этой стране записывался в долг.

– Но ты же реально не знаешь ее!.. – поражалась жена Бурмистрова, крашеная блондинка лет тридцати пяти.

– Ну и что! Главное – все это выглядит красиво: женитьба на кочевнице...

– Да ты просто играешь!..

– Может быть, если игра – это красиво. В шахматы вот тоже играют.

Сардариев помимо всего учил Грачева играть в шахматы. Он шутил, что, родись он лет на десять раньше, вполне мог быть чемпионом Чечено-Ингушской АССР. После свадьбы своего ученика он снял маленькую комнатку напротив, через улицу, оставив молодоженам прежнюю квартиру.

Больше всего в городской жизни Фарзанае полюбила компьютерные игры. Сперва она немного дичилась окружающего, когда была привезена запакованная в разноцветные платки, как кукла, в свой новый дом. Девушка была весьма смелой, но все же сразу привыкнуть было сложно. Однако Грачев показал ей свою любимую игру – и лед был растоплен.

Ее тонкое, трепетное лицо часто освещал синий свет монитора по ночам. Они с Грачевым вдвоем в образе одного золотого дракона парили над компьютерными горами, выскивая своих жертв, палили с палубы пиратского корвета и строили свое королевство, состоящее из эльфов и прочих компьютерно-ностальгических существ. А совсем ночью, когда Фарзанае все-таки утомлялась и засыпала, Грачев судорожно читал выловленные в интернете пособия по разным сексуальным техникам – ведь ввиду молодости своей жены он должен был подойти к этому вопросу как можно деликатней.

Вместе увлеклись они и фотографией. Фарзанае рассказывала мужу, что и раньше очень любила фотографировать на мобильный телефон брата, что у отца среди всяческого кочевого скарба был старый советский «Зенит», а поскольку пленку девушке никто не думал покупать, она фотографировала пейзажи и цветы вокруг стойбища без пленки, только щелчком.

Узнав о новом увлечении молодых, Бурмистров посоветовался со своей женой и подарил им полупрофессиональную камеру. Из этого, самого счастливого, периода жизни Грачеву запомнилось, например, как на закате во двор залетела большая, длинная с его ладонь, саранча – и нагло уселась прямо на пальму. Перед изгнанием саранчу было решено обфотографировать. Фарзанае минут двадцать снимала ее с самых разных ракурсов.

Мельчайшее движение этих тоненьких пальцев, чудом удерживающих почти килограммовый фотоаппарат, – и камера послушно сжимает диафрагму, в тишине хорошо слышно движение автофокусатора. Разноцветные рукава падают с руки, закрывая экранчик, Фарзанае быстрым недовольным движением отводит их, Грачев склоняется над девушкой, как знак вопроса. Идет исламский пост рамазан, и весь день оба они томительно ожидают ночи, чтобы выпить воды – а сейчас наконец стемнело, но обоим не до этого.

Грачев несет большой, тяжелый металлический штатив. Установленный посреди двора, он освобождает слабые руки девушки от веса камеры, а пальмы, кусты и схоронившийся где-то удода – все служит материалом для тягучей игры изображений. А завтра, вернувшись после коротких и слишком уж необременительных занятий в школе для девочек, Фарзанае будет сидеть за компьютером и, направив на экран взгляд боль-

ших черных глаз, совершенствовать фотографию с помощью различных программ. Синее станет красным, черное – белым, кочевой шатер – кубом компьютера, запад – востоком, и лишь число шестьдесят шесть останется неизменным.

С утра Грачев ходил на работу, днем занимался вместе с Сардариевым, вечер проводил в семье. Однажды после совместного чтения очередного мистического текста, где говорилось о пределе сближения человека с Богом, чеченец сказал:

– Махди, я тебе хочу дать кое-какие бумаги. На всякий случай, там говорится о распоряжениях по поводу моего имущества. Не вскрывай их, пока все в порядке.

– А что может случиться?..

– Ничего. Просто человек, интересующийся такими вещами, как мы с тобой, должен ожидать смерти в любой момент.

– А, понятно...

Но скорое будущее показало, что Грачеву было не очень понятно. В тот момент он еще потому так бесчувственно проглотил странные слова Сардариева, что спешил поделиться с ним радостной новостью: по электронной переписке удалось заинтересовать проектом оцифровки священного коранического текста одного молодого, но подающего большие надежды математика из Днепропетровска. Грачев постоянно надоедал Джалаладдину своими идеями о необходимости подключения профессионального математика, так что чеченец еще месяц назад согласился выделить этому гипотетическому специалисту небольшую стипендию. И вот теперь паренек из Днепропетровска был согласен за маленький грант работать над проектом, начав с последней теорий Грачева – анализа матрицы, состоящей из оцифрованных букв первой главы Корана под названием сура «аль-Фатиха». Грачев был очень рад и с изрядным пылом рассказывал о своей удаче и своих новых планах почему-то невнимательному Сардариеву.

На радостях юноша осуществил свою заветную мечту – договорился с начальником и получил от него в счет зарплаты новенький мотоцикл ИЖ по оптовой цене. Этот мотоцикл Грачев использовал для семейных прогулок по городу и в пустыню. У Сардариева стало больше своих таинственных дел, и вообще после женитьбы Грачев неизбежно несколько удалился от него. Поездки-сафари на джипе прекратились, а поскольку русский очень полюбил пустыню и не мог прожить без нее, да и Фарзана приятно было видеть родину, он вместе с женой постоянно выезжал из города на «железном осле», как прозвал свой ИЖ хозяин. Ведь местные жители частенько клали на мотоциклы цветные попоны с огромными карманами по бокам, что веками использовались именно для ослов, а в деревнях в этом качестве употреблялись и поныне.

Скоро у Грачева с Фарзана уже сформировался любимый маршрут: сперва они выезжали в городской парк на окраине, сидели там среди пышных цветников, столь любимых детьми Востока, ели чипсы, мороженое и пили кока-колу, причем жители Узры, привыкшие к черным женским чадрам, с удивлением косились на Фарзана, на ее разноцветные птичьи одежды, которые хоть и напоминали силуэтом чадру, так же скрывая все, кроме лица, но все же были слишком иными, – а потом вырывались в пустыню, начинающуюся от самого парка. Сначала они доезжали до небольшого бассейна с водой, построенного неясно кем и непонятно зачем. Около бассейна росли две большие чинары и возвышалось небольшое строение – скорее навес, ибо стена со

стороны, обращенной к бассейну, отсутствовала. Во все времена года, кроме жгучего лета, в бассейн втекал маленький ручей, спадавший с гор. Горы пустыни окружали бассейн со всех сторон, он находился в расщелине возле дороги, которую и дорогой назвать было сложно. Эта была всего лишь колея на дне ущелья, и Грачев сомневался, что за последний год здесь проезжал кто-нибудь, кроме них с Фарзана.

Они как бы играли в свои места и свои владения – поэтому посещение бассейна с чинарами приобрело характер мистерии, стало символом овладения пустыней. Происходило это, например, так: они устраивались на краю бассейна, пренебрегая навесом, Фарзана разворачивала белую марлю, где лежал большой кусок кочевого сыра – в напоминание о том сыре, что Дей принес для Эсфанда. Грачев доставал из пакета лаваш. Затем говорил:

– Приятного аппетита.

На языке Фарзана такая фраза звучала странно: «наслаждайся душой». Девушка отвечала своим тонким голоском.

– Наслаждайся и ты.

Фарзана ела, сбросив туфли и сидя на краю бассейна, так что ее босые ноги находились в паре сантиметров от воды. Поев, она неожиданно ударяла пяткой по воде, и брызги летели в центр бассейна. Грачев, сняв ботинки, но оставаясь в одежде, прыгал в бассейн. Фарзана продолжала бить пятками, обливая его, а он ловил эти ноги, они были скользкими, как водяные змеи. Наконец он прижимался к ним всем телом. Фарзана чувствительно ударяла его в грудь пару раз, а он руками ловил ступни, нацеленные ему в живот.

Грачев думал: как же забавно устроен человек! Он чувствовал своими руками пальцы на ногах Фарзана, видел ее голову и изящные уши. Все это – маленькие нежные пальцы, завернутая раковина уха, линия маленького носа – казалось ему очень красивым, но парадоксальным образом и безумно смешным. Человек так прост, им владеет пара-тройка элементарных желаний – зачем же его телу столько хитрейшим образом устроенных частей?

– Ладно, хватит баловаться! – говорил Грачев тоном старшего брата, – едем дальше, уже скоро стемнеет.

От бассейна веером расходились маршруты, и один из них, как выяснилось, проходил возле виллы Нури. Грачев узнал виллу, остановил мотоцикл и долго рассматривал строения издалека. Ему на мгновение стала вновь интересна судьба их обитателей. Может, явиться к ним в гости неожиданно, как Ангел-Павлин?.. Грачев вспомнил, как Сардариев сказал ему: «Павлинчики твои – люди недурные, просто кое в чем ошибаются, а опиумокурение и танцы девок в доме для собраний – это уже личная инициатива поганца Мусайлимы».

Фарзана не спрашивала о причинах остановки. Хоть она была девушкой любознательной и любопытной, но нередко погружалась в себя. В конце концов Грачев завел мотор и поехал в пустыню, в противоположную сторону от виллы.

На следующий день Грачев был углублен в интернет-переписку с Украиной – но не настолько, чтобы не услышать подъехавшую машину и не удивиться, что, судя по звуку, это совсем не машина Сардариева. Через три секунды в дверь позвонили. Грачев никого не ждал. Может быть, это продавцы разной домашней мелочи, которые

испокон веков ходили по азиатским улицам, выкрикивая неприятным однообразным голосом названия своих товаров, а теперь пересели на автомобили и кричали уже через громкоговорители, так что получалось еще более гнусно и непонятно. Обычно они не звонили в двери, но, может быть, на этот раз попались особенно наглые?

Грачев нехотя пошел открывать, велел Фарзана не выходить из спальни, где она уютно расположившись на матрасе, делала уроки. За дверью стоял полицейский чин в красивой изумрудно-зеленой форме и двое в штатском.

Они поздоровались с юношей за руку, и он, недоумевая, проводил странных гостей в большую комнату, где только что сидел за компьютером.

– Этот дом снят на имя господина Сардариева? – спросил человек в штатском. Русифицированная фамилия явно давалась ему с трудом.

– Да.

– А вы – его ученик?

– В общем-то да.

– Вам известно, что случилось с вашим учителем?

– А что с ним случилось?

– Он вам говорил что-то о своих планах на сегодня?

– Нет... и вообще я не видел его со вчерашнего вечера.

– Мне тяжело сообщать вам прискорбную весть... но господин Сардариев погиб два часа назад.

– Как это?..

– В результате взрыва, устроенного в его машине на площади Имама Хусейна. Чуждом никто больше не пострадал.

Полицейский добавил, не очень-то пытаясь выговорить сложную фамилию:

– Машину Сардая разнесло в клочья. Вся площадь теперь в железных осколках.

Программа для передачи сообщений недоуменно мерцала на экране компьютера: математик, наверное, задал вопрос – куда так неожиданно пропал его собеседник? Но Грачев отвечал совсем на другие вопросы. На лице его отражалось недоумение. Ответы на вопросы были честными – у Грачева сложилось в целом хорошее впечатление о полиции и других официальных структурах Узры. Взятничество и хамство были в исламском государстве не в чести.

А там, на площади Имама Хусейна, откуда несколько месяцев назад они с Сардариевым в первый раз вместе отправились в пустыню, наверное, все так же стояли нелепые пластиковые пальмы, а по краям площади полоскались по ветру недавно установленные длинные шесты с разноцветными флагами-полотнищами. А тогда, когда Грачев подтаскивал тяжелые белые канистры к черной машине, их еще не было. А может, сейчас нет уже ни флагов, ни пальм... Как нет и черной машины.

Нет, господин Грачев ничего не знает о политических пристрастиях потерпевшего и сомневается, что таковые вообще имелись. Со слов потерпевшего, он уже давно не вел никакой подрывной деятельности против Российской Федерации. Насколько давно? Несколько лет, наверно. Вопросы убаюкивали, хотя русский понимал, что надо держаться настороже, какими бы ни были приятными службисты.

Про запечатанный конверт с бумагами Грачев ничего не сказал, точно так же как и об оружии Сардариева, спрятанном в небольшом тайнике, – благо про оружие у рус-

ского не спросили. Он лишь показал человеку в штатском, очень заинтересовавшемуся почему-то темой последних исследований Сардариева и Грачева, таблицы с распечатками исследований цифровых свойств Имен Божьих. Человек задумчиво повертел их в руках и очень вежливо попросил позволения забрать их с собой. Грачев пожал плечами и согласился – данные хранились в компьютере и на нескольких серверах в разных концах мира, куда бережливый юноша их предусмотрительно заслал.

Когда после долгой беседы официальные люди ушли, Грачев выждал на всякий случай час, посматривая на часы, и вскрыл конверт. Наряду с завещанием там сверху лежал еще листок бумаги – небольшое послание, адресованное лично Грачеву. Наверну, конечно же, было выведена «бисмилля» – во имя Божье.

«Салам, Махди! Надеюсь, моя смерть не слишком подпортит наши планы. Я сделал максимум для того, чтобы тебя поменьше коснулись мои проблемы после моей гибели. Но извини – я не могу обещать тебе этого на сто процентов.

Извини – слова мои скупы, и я не могу описать свои дружеские чувства. Ты скрасил последние дни моей жизни. Большую часть своего имущества я оставляю тебе. На Востоке принято давать советы. Дам и я: никогда не бойся и не ненавидь ничего, кроме собственной глупости».

Грачев посидел немного над бумагами, потом пошел в большую комнату и включил диск с песнями Сардариева. В последнее время чеченец морщился, когда слышал их. Диск Грачев раздобыл у познакомивших их парней-дагестанцев. Теперь он включил самую любимую свою песню – длинную, минут на десять. Голос юного Сардариева пел про какую-то особенно священную мечеть, которую нужно было освободить от врагов, пройдя через все круги ада. Грачев не спрашивал, где находится эта мечеть, действительно ли ее нужно освобождать и от кого, ему это было совершенно не интересно. Просто ему сразу понравился красивый образ и страстный в религиозном исступлении голос Джалаладдина.

Теперь Грачев полулежал на небольшом диванчике, вперив взгляд в потолок, и слушал про то, как праведные правоверные таки вознесут черный флаг над шпилем мечети. Вот про цвет флага Грачев как раз и спросил у Сардариева. Тот, помнится, ответил:

– Вообще-то во времена нашего Пророка шли в бой под любой окрашенной тряпкой, которую могли достать... В бедной аравийской пустыне с красителями было не очень. Первые мусульмане ходили в бой и под зеленым, и под красным, и под черным флагом... Но черный имеет и еще один смысл – черного божественного света, помнишь?

Грачев встал с дивана, подошел к металлическому книжному стеллажу. Деревянной мебели на Востоке мало, ибо дерево дорого. Грачеву были видны массивные полки из листовой стали и крупнокалиберные шурупы. Теперь ему казалось, что знание приобрело зримый вес, слившись с этими плитами, похожими на броню танка или обшивку космического корабля. И еще можно было подумать, что мистическое знание было слишком опасно для этого хрупкого мира, так что нуждалось в столь прочном обрамлении.

Он снял с полки книгу, которую читал ему Джалаладдин на заре их совместных изысканий, и прочитал те самые строки, которые были прочитаны ему тогда:

«Все миры черным Светом освещены, все вещи в цвете этого Света, и опьяненный нищий тонет в Свете этом, и нити из Света ко мне привязаны, и быстро меня вверх тянут. Тысячу лет путешествовал я к первому миру и чудеса многие созерцал. Так между небесами странствовал и чудеса бесчисленные наблюдал, пока области Трона Господня не достиг. Тогда Свет Божий на меня ни с какой стороны без пределов воссиял, и святую Истину я увидел, и растворился я в ней без остатка!»

Грачев захлопнул книгу. В этот момент черный свет представился ему в виде черных слез Бога.

Смерть Сардариева ввергла его в какое-то оцепенение. Завещанное Джалаладдином дело он продолжал, и довольно энергично, появились и первые результаты работы украинского математика. Но все это Грачев делал, не выходя из состояния оцепенения, которое развеивалось только дома по вечерам, во время общения с Фарзанае.

Обстановка вокруг тоже была нерадостной. Даже посторонние, прибыв в Узру или какой-нибудь другой из находящихся рядом городов, ощущали разлитое в душах людей беспокойствие. Воздух был насыщен какой-то недоброй энергией. Появилась новая угроза – на границе с соседней страной, с которой имелся давний территориальный спор, возобновились перестрелки. Страна эта, подстрекаемая своими кредиторами, недовольными существованием исламского государства, надеялась на нетвердость его нового правительства. Спорная земля располагалась не так далеко от Узры.

Вскоре Грачев вновь попал в больницу – его стали терзать сильные головные боли, последствие падения с монорельса, и пришлось отправиться на обследование и лечение, благо Бурмистров заключил на себя и своего работника страховой договор.

В больнице к нему однажды подошел человек из соседней палаты. Грачев лежал на кровати и читал книгу комментариев к одной из глав Корана – книгу из библиотеки Джалаладдина. Речь шла о суре «Йусуф» – Сардариев очень рекомендовал обращать на эту часть Корана побольше внимания. Само имя Йусуф символизировало красоту земного мира – согласно науке абджада оно имело числовое значение ровно в три раза больше, чем Божественное «Я». Джалаладдин говорил, что именно отсюда взялась мысль о Троице, которую потом уже люди связали с Иисусом.

– Эта тройственность в действительности означает, – Грачев как будто слышал голос умершего Сардариева, – что красота Господнего «Я» три раза отразилась в мире... То есть, конечно, Оно отражается бесконечное число раз... но главных отражения – три.

Тогда Джалаладдин оборвал свою речь, и Грачев не догадался спросить его, какие именно три главных отражения Бога, а теперь очень жалел об этом.

В книге, которую он читал в больнице, приводилось множество легенд об Йусуфе. Когда к Грачеву подошел незнакомец, русский как раз дочитывал такую: за много лет до Йусуфа Прекрасного жил на земле великий мудрец, который, вычитывая и сравнивая пророческие книги («Наверно, с помощью абджада», – подумал Грачев), узнал о том, что некогда появится на Земле самый красивый человек, и его имя будет Йусуф. Тогда мудрец взмолился к Богу, чтобы Он явил чудо и позволил мудрецу увидеть прекрасного юношу. Господь привел алчущего в пустыне к тому самому высохшему колодезю, куда братья должны были бросить Йусуфа. Мудрец без сомнений бросился в этот глубочайший колодезь, и Бог чудесным образом вырастил для него в глубине колодца гранатовое дерево. Дочитав до этого места, Грачев окончательно понял, что все

написанное похоже на правду, ибо во время странствий по пустыне сам видел такие странные деревья, который росли в бесплодной вроде бы пустыне в глубоких впадинах. Местное население очень почитало такие деревья, и многие смельчаки спускались вниз и навешивали на их ветви цветные атласные ленты.

На ветвях того чудесного дерева каждый день вызревал один гранат, который и съедал мудрец, не имея иной пищи, время же проводил в молитвах и размышлениях. Так, день за днем, прошло без малого тысяча двести лет, после чего сверху в колодезь был сброшен Йусуф. Мудрец посадил его рядом с собой, прошептал: «Вот и ты», – наверное, с трудом, ибо давно уже отвык от слов, – поцеловал прекрасный лик и немедленно умер.

Грачев отвел глаза от книги. «А каково же Йусуфу было оставаться рядом с покойником, – подумал он. – Наверно, так же, как и мне». Потом направление мыслей юноши стало чуть оптимистичнее, ибо он стал размышлять, что же по абджаду означает число тысяча двести. Ведь древняя наука числовых соответствий умела не только превращать буквы в числа, но и наоборот. Сардариев еще недавно приводил Грачеву пример: наверное, миллиард мусульман в мире знают известнейшее изречение пророка Мухаммада о том, что двум верующим, сказавшим друг другу «салам алейкум», посылается с неба семьдесят благословений, причем шестьдесят девять адресовано тому, кто поприветствовал первым, и лишь одно тому, кто ответил. Именно поэтому каждый мусульманин, обращаясь к другому человеку, всегда спешит сказать «салам» первым.

– Но никто не задумывается, что же означает число шестьдесят девять. Это – среднее арифметическое между «джамолем» и «джалолем», то есть творящей и возвращающей красотой. Шестьдесят девять – та срединная красота, которая чаще всего и нужна человеку.

– Ага, – ответил тогда, помнится, Грачев, – а в своих молитвах люди небось хотят только доброй красоты!.. А джалоля никто не хочет ни капельки.

Грачев продолжил читать книгу об Йусуфе, когда пришелец обратил на себя его внимание. Сначала юноша подумал, что это медбрат пришел померить температуру, но, оторвав взгляд от книги, понял, что ошибся. Русский не видел его до сих пор в больнице – но лицо этого пожилого человека Грачев как будто видел раньше, хотя и не мог вспомнить, при каких обстоятельствах.

С бесцеремонностью, свойственной на Востоке простому народу, пришелец уселся на край постели Грачева и уж тогда поздоровался.

– Не узнаешь меня? – спросил он после ответа на приветствие.

Тут Грачев сразу вспомнил, где видел этого человека.

– Вы были там, когда меня боднул козлорогий... и потом, на других радениях.

– Да. Ты еще дружил с моим старшим сыном... с Мусайлимой. И что теперь с тобой? Как ты себя чувствуешь?

– Да вот, упал с моста, теперь голова сильно болит. А вы?

Незванный гость как будто постарел с того времени, когда его видел Грачев. Острая борода затупилась и приобрела вид более солидный, но менее боевой. Старик уже меньше походил на стремительного коршуна, чем раньше. Возможно, его подкосила какая-нибудь болезнь, а может быть, поражение детей Ангела-Павлина, вынужден-

ных бросить своего идола. Он проигнорировал вопрос о собственном самочувствии и сказал:

– Тебя перетянули к себе эти столичные хлыщи. Неудивительно, что ты разочаровался в нашей вере. То, что ты видел у них, – это ненастоящее поклонение Ангелу-Павлину!

– Да уж, – сказал Грачев, вспомнив убийство мальчишки-полицейского. Затем русский полюбопытствовал:

– А какое же настоящее?

– Настоящее поклонение основано на глубокой традиции, идущей из глубины веков, от праотца нашего Адама. Его первой женой была прекрасная Лилит – великая женщина, не чета Еве, лицо которой было испещрено морщинами с самого ее рождения. Лилит же была свободной, и мы – ее дети.

– Ого!

– Нашу религию в таком виде, в котором ты ее видишь, воссоздал Великий Шейх около тысячи лет назад. Он пришел издалека на наши земли, он был самым великим мыслителем и философом. Мы разделены на четырнадцать родов, среди которых есть род шейхов, его самых прямых наследников, – это мой род. Только мы, шейхи, можем учить религии мирян, ибо имеем особую благодать... Каждый, кто рождается среди нас, получает своего духовного отца и брата – того и другого из рода шейхов, причем каждый род мирян связан с одной из семей шейхов, и в том отражается высшая целесообразность. Ведь все это происходит по пришедшим от сотворения мира законам, а не по своеволию... Потому наши дети почтительны, а женщины скромны.

– То есть Лилит не была забитой, она была гордой, а своих женщин вы воспитываете плеткой. Ваш первый шейх пришел издалека и вовсе не был из ваших, он был вольным философом и основал вашу красивую религию только силой своей мысли, а вы все вбили в наследство и традицию, потеряв высшую игру!..

Шейх помолчал, потом медленно сказал:

– Ты ел и пил в нашем доме, а теперь оскорбляешь высшую истину, которую не в силах понять. Я еще не окончательно отступил от тебя лишь потому, что завтра – великий праздник, и потому должно быть особенно милостивым.

– А что за праздник?

– Мы празднуем его в честь завершения создания Господом высшего Его творения – человека. Творение продолжалось ровно семьдесят пять дней, не больше и не меньше.

– Да нет же, – страдальчески сморщился Грачев, – семьдесят четыре!

– Откуда ты можешь это знать?!

– Я и правда никогда не слышал, сколько дней ушло на сотворение человека, я не думал об этом... Но из ваших же слов следует, что тут все уложилось в семьдесят четыре дня!

– Это почему же?

– Я занимаюсь абджадом... то есть мы с моим учителем занимались такой наукой, которая изучает числовые соответствия. Там красота, проявляемая Богом при творении, называется «джамоль», и сумма ее букв равна семидесяти четырем. Наверное, когда-то от вашего первого шейха шла эта ваша глубокая традиция, но вы, видать, в каком-то колене один день случайно надбавили!..

Отец Мусайлимы встал с постели Грачева, лицо его было перекошено яростью:

– Безумный мальчишка, не способный даже сохранить религию своих предков! Как ты смеешь судить о чужой...

Грачев не выдержал и рассмеялся. На них уже стали оглядываться другие больные. Шейх резко развернулся и почти бегом вышел из палаты.

«Интересно, – подумал Грачев, – а как же Мара и Арзу... как же у них со скромностью? Надо было спросить у него. Хотя уверен, жена этого шейха – сама скромность и дрожит своим уродливым лицом от его магнетического взгляда. Наверное, Мару и Арзу – какой-то особенной род из четырнадцати или вообще помесь и изгойки какие-нибудь...»

(Окончание следует)

Беседа птиц

«ИМЯ ЕГО НЕ УМРЕТ ТЕПЕРЬ НИКОГДА...» Татьяна Котюкова*

Участие великого князя Николая Константиновича в орошении Голодной Степи

14 апреля 1874 года в Мраморном дворце произошло событие, затрагивавшее честь императорской семьи. Из семейной иконы великокняжеской четы Константина Николаевича и Александры Иосифовны исчезли крупные бриллианты. Была вызвана полиция, и вскоре пропажа была обнаружена. История оказалась крайне запутанной. В круг подозреваемых попал великий князь Николай Константинович.

Сразу возникла версия, что деньги князю понадобились для американской куртки Фани Лир, из-за связи с которой он уже однажды был удален из Петербурга и участвовал в русском походе на Хиву в 1873 г. Николай Константинович отрицал свою причастность к краже. Дело зашло в тупик. В итоге, чтобы спасти престиж царской семьи, на семейном совете было принято решение признать великого князя безумным. Отныне он должен был находиться на принудительном лечении под стражей. В бумагах, касавшихся царствующего дома, запрещалось упоминать его имя, он лишался званий и наград и, наконец, высылался навсегда из Петербурга и был обязан жить под арестом в том месте, которое ему предпишут. Однако за ним был сохранен титул великого князя.

В этой детективной истории до сих пор вопросов больше, чем ответов. В последнее десятилетие интерес к ранее практически малоизученной и незаслуженно обойденной вниманием фигуре великого князя Николая Константиновича Романова проявляется все активнее. Однако публикации эти посвящены главным образом скандальной истории с похищением фамильных реликвий, достаточно экстравагантной семейной жизни (две жены одновременно) Николая Константиновича в туркестанской ссылке и не до конца ясным обстоятельствам смерти в 1918 г.¹

В отделе письменных источников Государственного исторического музея среди документов, составляющих фонд Н.И. Гродекова, сохранился удивительный сти-

* Татьяна Викторовна Котюкова (р. 1976) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского Центра военной истории Военной академии ГШ ВС РФ.

¹ Салоникес М.И. Самарская ученая экспедиция 1879 г. // Вопросы истории. – 1996. – № 1. – С. 152–157; Фарид А., Бирюков В. Бриллианты от Великого князя // Труд. – 2000. – № 18; Герчиков О. Августейший домшник // АиФ. – 2002. – № 35; Корнеев В.В. Изгой. За что царского племянника объявили душевнобольным // Родина. – 2002. – № 1. – С. 37–41; Третьякова Л. Изгнанник из рода Романовых // Вокруг света. – 2003. – № 4. – С. 30–36; Котюкова Т.В. «Гриппозное воспаление обоих легких ...» От чего умер «изгой» из дома Романовых // Родина. – 2009. – № 10. – С. 110–111; и др.

хотворный текст (перевод с одного из среднеазиатских языков), который с полным основанием можно назвать одой великому князю Николаю Константиновичу Романову. Он озаглавлен «Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю Константиновичу» и начинается строками: «Трудное – легко могуществу Царя!» Эти строки натолкнули нас на мысль попробовать рассказать о другой, созидательной, стороне жизни великого князя.

Николай Константинович считал себя несправедливо обойденным при коронации Александра II². Это обстоятельство делало Николая Константиновича слишком «беспокойным лицом» при дворе.

После истории с фамильными драгоценностями его удалили в Оренбург, где он женился на дочери простого казачьего офицера Надежде Александровне Драйер. За этот морганатический брак Николая Константиновича подвергли более суровому наказанию – бессрочной ссылке в Ташкент. Опала частично распространилась и на Надежду Александровну – «княгиню Искандер». Этот «титул» придумал для нее и оформил сам Николай Константинович в честь Александра Македонского, которого на Востоке называли Искандер Зулкарнай³.

Княгиня Искандер была венчаной, но не единственной женой великого князя. Еще одна казачка, Дарья Алексеевна Часовитина, стала его гражданской женой. Очевидцы событий отмечали, что с Часовитиной он часто показывался на людях, катался по городу в коляске или сидел в «кинематографе».

О Николае Константиновиче в Ташкенте ходило множество легенд. Бывший начальник Управления земледелия края, А.А. Татищев, отмечает в своих воспоминаниях сильное пристрастие князя к красному цветку. «Даже аллея перед его домом, – писал он, – была посыпана красным песком. На людях его часто можно было встретить в некоем подобии туземного халата с киргизской войлочной шапкой на голове»⁴. Своим гостям после изрядных возлияний великий князь традиционно задавал вопрос, признают ли они его законным претендентом на престол. Вопрос подкреплялся демонстрацией заряженного револьвера или угрозой прибегнуть к физическим мерам воздействия на несознательного посетителя⁵.

Ежегодно из казны на расходы Николай Константинович получал деньги. При этом князь занимался коммерческой деятельностью. В Ташкенте, например, он владел хлебопекарней. Но наиболее доходным предприятием и самым популярным у горожан был «кинематограф» великого князя, открытый в 1909 г.

Великий князь был деятельным и увлекающимся человеком. На его деньги в Средней Азии было организовано несколько научных экспедиций. Одна из них, Самарская

ученая экспедиция 1878 г., всерьез занималась изучением вопроса судоходности Амударьи и поворота ее по старому руслу – Узбою – в Каспий.

Но, пожалуй, самой важной сферой приложения великокняжеского интереса были ирригационные работы. По его инициативе и на его же деньги в Голодной Степи⁶ осуществляется строительство оросительного канала имени императора Николая I.

Для своего дальнейшего развития хлопководство в Туркестане настоятельно требовало создания новых оросительных систем. Но денег у правительства не было, интерес же русских предпринимателей по вложению капитала в орошение Туркестана был чрезвычайно низок, и дело не двигалось⁷. Иностранный капитал, из соображений государственных стратегических интересов, к делу орошения не привлекался, хотя отдельные коммерсанты предлагали свои услуги.

Что касается орошения края, то полвека тянулись бесконечные разговоры, неоднократно разрабатывались законодательные предложения, создавались грандиозные технические проекты, но все они остались неосуществленными. За исключением нескольких в Мургабском государевом имении⁸ и канала имени императора Николая I в Голодной Степи⁹. Ежегодно до 1910 г. на поддержание канала имени императора Николая I в рабочем состоянии расходовалось от 7 до 10 тыс. рублей.

В 1911 г., при рассмотрении законопроекта об отпуске средств на окончание работ по орошению северо-восточной части Голодной Степи, Государственная дума высказала следующие пожелания: сохранить самостоятельное значение за каналом имени императора Николая I и развить систему орошения этого канала. Но в период составления проекта по переустройству выяснилось, что придется вносить существенные коррективы. Не вдаваясь в технические подробности, скажем, что общая стоимость проекта Главного управления землеустройства и земледелия исчислялась в сумме 1 230 020 рублей. Бюджетная комиссия на своем заседании 5 июня 1914 г. сократила сумму почти вдвое – до 731 570 руб. – и постановила: расширение магистрального канала отложить на неопределенное время¹⁰. Обострение обстановки на Балканах заставляло менять планы.

7 марта 1914 г. в сельскохозяйственную комиссию Государственной думы был передан законопроект «Об отпуске средств на переустройство канала императора Николая I в Голодной Степи»¹¹. Канал был сооружен на собственные средства великого князя Николая Константиновича и оросил 7 тыс. десятин земли. Его постройка была закончена в 1897 г. В 1899 г. канал был принят в ведение Главного управления землеустройства и земледелия. При этом великому князю частично были возмещены его расходы.

⁶ Голодная Степь – обширная территория, лежащая между густонаселенными оазисами – Ташкентом, Ферганой и Самаркандом. На западе Голодная Степь граничит с пустыней Кызыл-Кум, северную и восточную границу омывает Сырдарья.

⁷ Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). – М., 1929. – С. 110–111.

⁸ Имение располагалось на территории Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства, на реке Мургаб, от которой и получило свое название.

⁹ Аминов А.М. Основные линии экономической политики царской России в Средней Азии // Научная сессия АН Уз ССР. – Ташкент, 1947. – С. 423.

¹⁰ Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв, сессия II, 1913–1914. Выпуск IX. (№№ 767 – 849). – СПб., 1914. – № 843/IV/2.

¹¹ Голодная Степь 1867–1917. История края в документах. – М., 1981. – С. 161–168.

² По действовавшим в Российской империи юридическим нормам престолонаследия, законным преемником царя признавался тот из его сыновей, который родился у него, когда он уже был государем или хотя бы наследником. Старший сын Николая I, будущий Александр II родился в 1818 г., когда Николая I не был еще ни царем, ни наследником. Второй сын – Константин Николаевич родился после коронации в 1827 г. Поэтому великий князь, считал и открыто говорил, что его дядя Александр II, а затем и двоюродный брат Александр III незаконно занимали царский трон.

³ Зулкарнай – «двурукий».

⁴ Татищев А.А. Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). – М., 2001. – С. 93.

⁵ Массон М. «Ташкентский» великий князь. Из воспоминаний старого туркестанца // Звезда Востока. – 1991. – № 12. – С. 121.

Канал являлся одним из первых удачных опытов орошения пустынных земель в Туркестане, но вместе с тем обладал значительными техническими недоработками. Поэтому было признано необходимым заменить в ближайшем будущем этот канал новым, с площадью орошения в 45 тыс. десятин.

Еще одно крупное ирригационное сооружение, построенное великим князем, – Искандер-арык. После проведения Искандер-арыка было заложено великокняжеское селение с одноименным названием, в котором разместились высланные с Кавказа молокане¹². Селение вскоре превратилось в одно из зажиточных. Кроме того, великий князь инициировал и финансировал строительство двух мостов, один через реку Сырдарья, другой – через реку Чирчик¹³.

Он основал несколько поселков для русских крестьян-переселенцев. В одном из них, Княжеском городке, или Княжеском поселке, разбитом на месте ташкентских трущоб, он возвел 200 типовых домиков для беднейшего населения города¹⁴.

«Вскоре после переезда нашего с Надеждой Александровной ... в Ташкент (1881) ... дано было мне высочайшее соизволение, – вспоминал Николай Константинович, – на свои собственные средства определить возможность орошения предгорий Искандера¹⁵, Голодной Степи и песков Кызыл-Кума¹⁶. Заранее отказался я, при этом, в пользу русских переселенцев, от прав на воду и землю, зная, что закон и обычай мусульман (шариат и адат), со времен владычества арабов, даруют в награду оросителю оживленную им часть мертвой пустыни от имени хорезм-шаха¹⁷, “тени Бога на земле”.

В течение 20 лет (1881–1900) у Искандерских стремнин горного потока Чирчик и у Беговатских порогов¹⁸ Дарьи (Яксарта)¹⁹ на местах, где были в древности две “Александрии” Александра Македонского²⁰, основались два рабочих городка – Старый и Новый Искандер²¹, построены каменные головные плотины, деревянные мосты на ряжах²² через обе реки для доставки камня, домики и землянки для тысячи рабочих-мусафиров²³; проведены арыки Искандар, Ханым и стоверстный водолей императора Николая I²⁴, впервые ожививший жизнь в Голодной Степи, – стоивший два миллиона рублей и оросивший все вместе (три куба воды) 40 000 десятин плодородной земли, ценностью до сорока миллионов рублей; где возникли 12 русских поселков,

¹² Молокане – разновидность духовного христианства, а также особая этнографическая группа русских.

¹³ Чирчик – река на территории современной Ташкентской области Республики Узбекистан.

¹⁴ ГАГТ. Ф. 10. Оп. 13. Д. 84. Л. 5–6.

¹⁵ Искандер – горный хребет на территории современной Ташкентской области, у подножия которого располагался одноименный поселок и имение Великого князя Николая Константиновича.

¹⁶ Кызыл-Кум – пустыня в Средней Азии в междуречье Амударьи и Сырдарьи.

¹⁷ Хорезм-шах – титул феодального правителя Хорезма.

¹⁸ Беговатские пороги – образуются при выходе Сырдарьи из Ферганской долины при прохождении Фархадских гор.

¹⁹ Вообще слово «дарья» в переводе означает «река». В данном случае речь идет о Сырдарье.

²⁰ Имеются в виду два города, построенные в Средней Азии во времена Греко-македонских завоеваний 339–327 гг. до н.э., – Александрия Эсхата (Александрия Крайняя) и Александрия Окская.

²¹ Речь идет о двух поселках, построенных Великим князем вблизи одноименного княжеского имения.

²² Ряжи – прямоугольный сруб из дерева, заполненный внутри камнем и служащий опорой для мостов и плотин.

²³ Мусафир – в переводе с арабского «путник», здесь – наемный рабочий.

²⁴ Имеется в виду оросительный канал имени императора Николая I (Николаевский канал), построенный Великим князем Николаем Константиновичем.

опытные поля и Троицкий лагерь²⁵ для Туркестанских войск в 25 верстах от Ташкента. «Царь-плотина», у скал Фархата²⁶, подняла уровень Дарьи²⁷ на одну сажень²⁸, но проведение воды к Бухаре, по саям²⁹ Дарвазакум и Арна, не удалось окончить.

Сдавая постепенно в казну все новые арыки³⁰ и поселки, я думал передать тогда же и оба принадлежащих мне 20 лет Искандера в обмен на равноценные пустыни Голодной Степи, где у Золотой Орды³¹, вдоль Средней железной дороги³², при главном начальнике края С.М. Духовском пожалованы были мне 2085 десятин заповедной земли и ¼ куба воды из Николаевского канала, – но временный отъезд мой в Тверь и Балаклаву (1901) надолго затормозил исполнение моего желания³³.

В 1915 г. А.А. Татищев, уезжая в Петроград, написал великому князю, что считает своим долгом доложить новому министру³⁴ о выгодах, какие получит казна, приняв его предложение об обмене уже орошенных земель на неосвоенные.

Николай Константинович, конечно, не имел специальной научной подготовки, но десятилетия жизни, проведенные в Туркестане, не прошли бесследно. Он полюбил этот загадочный край и очень много сделал для его экономического и культурного развития.

(Документ публикуется в соответствии с правилами современной орфографии)

²⁵ Военный лагерь под Ташкентом.

²⁶ Фархадские скалы (горы) – расположены в Ферганской долине, один из отрогов Ферганского хребта.

²⁷ Здесь имеется в виду Сырдарья.

²⁸ Сажень – древнерусская мера длины, приравненная к двум метрам и применявшаяся в основном для измерения земельных участков.

²⁹ Сай – горная речка.

³⁰ Арык – в Средней Азии местное название канала оросительной сети.

³¹ Золотая Орда – имение великого князя Николая Константиновича Романова под Ташкентом.

³² Имеется в виду Среднеазиатская железная дорога.

³³ ЦГА РУз (Центральный государственный архив Республики Узбекистан) Ф. И–40. Оп. 1. Д. 454а. Л. 5–6. Цитируемый отрывок взят из так называемого «завещательного письма», написанного великим князем в 1916 г. Этот документ интересен тем, что является, по сути, одновременно и завещанием, и мемуарами.

³⁴ Имеется в виду А.Н. Наумов, министр земледелия России с 1915 по 1916 гг.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ *Майлы*

Трудное – легко могуществу Царя!
От подобного дела останется слава потомству Его.
Я воспеваю величие Князя,
Который, проведя воду, облегчил трудное дело.

* * *

В наш век не встретили доблестного мужа, как Князь,
Он провел воду – оживилась природа!
Засим пойдут там заселения,
И название «Князь-арык» будет жить века!

* * *

От Князя остаются памятники на скалах, –
Имя Его не умрет теперь никогда, –
И памятники те останутся до конца света,
Уверены в том очевидцы дела его.

* * *

Берусь за перо и бумагу, –
Высказать истину. Сомнения прочь!
О, цветистый язык! Помоги мне воспеть как соловей,
Да удивится мир его славой!

* * *

Арык начат с Газалкента¹ – Чимбайлыка²,
Что не сумел сделать прошлый люд.
Бежит ныне вода по местам сим недоступным,
Воздвигнется град, достойный имя Его.

¹ Газалкент – город, центр Бостанлыкского тумана (района) Ташкентской области Узбекистана. Расположен в отрогах Тянь-Шаня, на левом берегу реки Чирчик.

² Чимбайлык – поселок, расположенный в окрестностях Газалкента.

* * *

Вот что глаголют сладкозвучные слова песнопевцев
И еще имеемые нами на руках летописи и предания:
В древности три доблестных мужа провели арыки,
На которых и возник наш град.

* * *

Да, три мужа проложили три арыка,
А град сей получил название «Нового Ташкента»³.
Один из мужей, проводивших арык, был царь,
А два других – принцы-богатыри.

* * *

Были они: военачальник Рустем, Зал и Кайкавус⁴.
От них-то и остались нам три арыка.
Зал искусно провел один из них,
Воду которого, названного Зах-арыком, пили массы народу.

* * *

Был вождем сказочный герой Рустем.
Нет на свете богатыря доблестнее его.
Проведен им арык другой,
Который назван водой Салара⁵ с самого начала.

* * *

Да и царь Кайкавус провел арык,
Прорезывающий Ташкент в середине его.
Называют этот арык водой Кайкавуса⁶,
И извлекли из него пользу сарты городские⁷.

³ «Новый Ташкент» – после завоевания Российской империей Средней Азии древние города последней в административном смысле были поделены, каждый, на «старый» (исторический город, где проживало коренное население) и «новый» (проживало европейское население). В данном случае выражение «новый город» является погрешностью перевода.

⁴ Рустем, Зал и Кайкавус – эпические герои.

⁵ Салар – древний оросительный канал (арык) на территории Ташкента.

⁶ Кайкавус – древний оросительный канал (арык) на территории Ташкента.

⁷ Сарты – этнографическая единица, изъятая из национальной классификации населения Средней Азии в 20-е гг. XX в.

* * *

Они были лучшими людьми древности,
 Основали Ташкент и развивали его.
 Они были царями Сейстана⁸ и Гуйстана⁹,
 Когда в отечество свое возвратились отсюда впоследствии.

* * *

Все трое были из сынов Ирана,
 Основавшие Ташкент своим счастливым приходом.
 Все они из рода великого царя Джамшида¹⁰,
 Век существования которого близок к прадеду Адаму.

* * *

Они оставили здесь славу о себе по добрым делам.
 Хотя были рода чужого, не из Турана¹¹.
 Силой трех арыков, ими проведенных,
 Град Ташкент вырос в пустыне голой.

* * *

Последующие ханы Ташкента
 Пожелали совершить такое же дело в степи, окружающей его,
 Но никто не смог выполнить его,
 Что мы видим из исторических летописей Ташкента.

* * *

Обладательница больших богатств, некая жена по имени Ханым,
 Приложила также руку, не соразмерившись со своей силой.
 Жизнь ее протекла в сокрушении по неудавшемуся арыке,
 Следы которого видны и поныне.

* * *

Князь задумал думу недаром.
 Он задумал вполне облагодетельствовать народ
 И приступил для этого к прорытию арыка выше всех,
 Со стороны Каракия¹², Газалкента.

⁸ Сейстан – Систан, Сеистан, историческая область в Азии, на границе современного Ирана и Афганистана.

⁹ Гуйстан – возможно, нераспространенное в источниках название одной из историко-культурных областей Средней Азии или ошибка, допущенная при переводе.

¹⁰ Джамшид – в древнеперсидской мифологии шах, правивший в период «золотого века», герой-просветитель; его сумел искусить Ахра-Майню, что привело к концу «золотого века» и началу тысячелетнего царства зла.

¹¹ Туран – общее название земель, где обитали иранские племена. Расположена на севере и северо-востоке от Ирана. В основе топонима лежит этноним «тур», являвшийся общим племенным названием древних кочевых и полукочевых иранских народов.

¹² Каракия – Кара-Кия, горная впадина в долине реки Ангрен, расположена в Ташкентском вилояте (области) Узбекистана.

* * *

Глас народа о необъятности ума Князя
 Дошел до нашего слуха давно.
 Когда стали чувствовать, что арык не проведется,
 Он перевалил его через высоты Александра Великого¹³.

* * *

Затем пустил воду по Табаку¹⁴.
 Она устремилась по арыку вперед,
 Но трудное это дело поддалось ему лишь тогда,
 Когда он провел воду через Черные скалы Азадбаса¹⁵ на рассвете.

* * *

Мы поражены обширностью его ума
 И тем, что он, каким-то чудом, проложил путь воде.
 Ныне удивление наше сменилось благоговением
 Пред осуществлением великой добродетели его.

* * *

Птицы небесные и звери земные – все преисполнены надеждой,
 Что облако светлое озаряет блеском наш край.
 Достоин он звания великой фамилии,
 Дивящийся своим громом народы мира.

* * *

Тень Князя подобна облаку,
 Под которую каждый старается встать,
 А те, которые, поселившись, будут пить воду из его арыка,
 Не забудут никогда доброго дела Его.

* * *

Воспеваю величие его, которого свидетель сам
 И которое разлилось милостью на бедный люд,
 За что весь народ творит молитвы
 О сохранении Великой династии и существа Его, дорогого.

¹³ Имеется в виду хребет Искандер.

¹⁴ Табак – видимо, древний оросительный канал (арык).

¹⁵ Отроги Тянь-Шаня.

* * *

Арык его окончательно проведен ныне,
Прорезавши многие возвышенности, к удивлению всех,
О! Бог привел его сюда из столицы
На счастье племен, неимущих воды и земли.

* * *

Он способом необыкновенным провел арык,
Возносят моления за это дело стар и млад.
По примеру великого прадеда своего Петра I
Князь сим делом дает пример грядущему поколению.

* * *

О, Великий князь! Ты согрел своим лучом неимущий люд.
Несу поздравление свое с удавшимся делом.
О, Ты разгадал более древнего мыслителя Платона,
Чем можно сильно оживить природу.

* * *

Став высоко по щедрости, наравне с Хатамтаем¹⁶,
Ты ищешь довольствия своего народа.
Да поддержит твою славу сей арык твой.
До прекращения рода людского.

* * *

Великий Князь, делая благодеяние Курам,
Уповает на единосущего Бога,
А Ты, о, Боже, привел его сюда
Для осушения слез плачущих.

* * *

Ум Его, как и деяния, велик.
Совершил он славное дело – имя его бессмертно.
Да и мы видим Вас, заботящегося о народе,
С тех пор, как сей край обратил взор к Белому Царю¹⁷.

¹⁶ Хатамтай – Хатам-Тай, герой народных преданий.

¹⁷ Белый Царь – так коренное население Средней Азии называло русского императора.

* * *

Великодушие Ваше велико, как высочайшая гора,
Превосходно Ваше и намерение,
Благословен и труд Ваш ныне
Наполнением дела, Вашего имени достойного.

* * *

Хлынет вода Чирчика по арыку неудержимо,
Стремясь проложить себе внизу путь к Сыру¹⁸.
Превратит она в золото глину пустыни,
Присоединив большую полосу культурную.

* * *

О, Великий Князь! Вы обладаете большим даром,
От которого повеяло народу добром,
Вы обезземелили обезземеленных, Вы обводнили безводных.
Благословен Ваш счастливый сюда приход!

* * *

Негостеприимная пустыня превратится в цветущие сады,
На которых воздвигнут курган киргизы и ногаи.
О, Великий Князь! Настойчивостью своею Вы облегчили трудное дело,
Непосильное нашему уму.

* * *

Забота Князя – благоденствие народа!
От этой заботы приобрел убежища бедный наш люд.
Внимая гласу народа,
Воспроизвел сию песню импровизатор Майлы.

1885 год, перевод

ОПИ ГИМ Ф. 307. Ед. хр. 43. Л. 99-107

¹⁸ Сыр – имеется в виду река Сырдарья.

Андрей Битов*: ВОТ ВАМ И ВСЯ АНАФЕМА!

– Андрей Георгиевич, в своих интервью вы не раз говорили, что Коран был вашей настольной книгой едва ли не с самого детства. Что для вас Коран сейчас – источник вдохновения или моральный ориентир?

– Я человек своего поколения. Вера тогда не поощрялась, тем более в сталинской школе. Коран оказался моей настольной книгой, но в буквальном смысле – он лежал на столе. Я всегда мог его раскрыть. Тогда не было принято иметь дома церковные книги. Моя бабушка по матери была урожденная лютеранка, принявшая православие в 1900 году, чтобы выйти замуж за моего деда. У нее было Евангелие, но на немецком. От нее мне и достался Коран в переводе с французского. 1864 года. Перед тем как отправиться в армию, я открыл наугад страницу и ткнул пальцем. Попал на стихи: «Мы предписали вам войну, и вы приняли ее с отвращением». Сначала я рассмеялся, но потом мне было не до смеха, потому что попал я в стройбат. Позднее, когда мне было 27 лет, у меня появилось наконец и Евангелие на русском (западное. подпольное издание... подарил мне его, что любопытно, Камил Икрамов, восточный человек знаменитого рода). И я понял, что уже почти все знаю из того, что там написано, благодаря русской литературе. Значит, она, прежде всего, христианская. Я берегу это издание, как Коран. Значит, у меня две «настольные» книги.

– То есть вы хотите сказать, что русская литература – это православная литература по преимуществу?

– Бог един – я так считаю. Кто открыл единобожие – фараон Эхнатон, Моисей, Магомет или Христос, – вопрос для историков. В последнее время я стал лояльнее даже относиться к многобожию еще и потому, что оно демонстрирует внимательное отношение к миру и природе. Человек в наши дни перепутал себя с Богом и Бога с собой. Я решительно против того, чтобы делить людей и писателей по конфессиональному признаку. Для меня заниматься конфессиональными различиями так же неприлично, как заниматься национализмом. Я считаю, конфессии должны видеть свою общность, а не различия, а народы – жить в пределах своих исторических возможностей.

* Андрей Георгиевич Битов (р. 1937) – писатель. Литературный дебют состоялся в альманахе «Молодой Ленинград» с рассказом «Большая пиала». Член Союза писателей СССР (1965). Один из создателей бесцензурного альманаха «Метрополь» (1979). С 1991 г. – президент Русского Пен-клуба. Награжден Орденом искусства и литературы Французской Республики, а также несколькими международными премиями, среди которых Пушкинская премия (ФРГ).

Что до литературы, то есть просто хорошие писатели. Все, что написано ими, написано о человеке, а не о конфессиональных различиях. Утверждения о конфессиональности идут от безграмотности. Я, правда, тоже безграмотен, но я соглашаюсь с этим. Есть образованщина, а есть просвещенность. Вот я считаю, надо быть просвещенным. Для меня в русской литературе главным ориентиром является не конфессиональность, а русский язык.

– Что же тогда подтолкнуло вас обратиться к переводу отдельных глав Корана?

– Что касается этих переводов, так вышло, что году в 1994 я отдавал Богу душу. Потом у меня была счастливая операция на голове. Я уехал на реабилитацию. Бог послал мне удачные поездки в Штаты, Иерусалим и Италию. И там я восстановил свою бедную голову. И вот в Штатах мне важно было понять: могу ли я что-то делать дальше как писатель, и я прихватил с собой маленькое зелененькое такое изложение смыслов Корана Пороховой. Я нашел там несколько сур, которые мне понравились. Потом я, правда, потерял одну суру. Она была посвящена неагрессивности. Это была миротворческая сура, но я не мог ее тогда найти, поэтому ограничился четырьмя. Я стал переключать эти суры. И с этого момента я стал восстанавливать свою голову. С этих пор она уже пятнадцать лет работает. Так что Коран, можно сказать, помог мне вернуться к творческой жизни.

– Можно ли также сказать, что с этого начался ваш поэтический опыт?

– В принципе я не поэт. Я прозаик. Импульс переводить, вернее, переключать, некоторые суры, связан с поэтикой Корана. Как отметил Пушкин в примечаниях к своим «Подражаниям Корану»: «Слабая метафизика, зато какая поэзия!» В священных книгах метафизика, бывает, слаба, зато сильнее поэзии не бывает. Я ослабил ее в своих стихах, сделал более простой. Это переложение с переложений на русский язык, а не перевод.

Надо сказать, что с мусульманским Востоком у меня связаны не только переложения Корана. Есть у меня повесть «Обоснованная ревность». Дело происходит в Хиве. Там много всяких суфизмов, если каламбурить. В 1970-е годы (не знаю, чем это было вызвано – видимо, «дружбой народов») была издана книга с выдержками из трудов среднеазиатских ученых. В философской серии. Так вот, я надергал себе оттуда цитат для повести «Обоснованная ревность» и из-за них впервые столкнулся с живым цензором. Повесть долго не печатали. Наконец кто-то передал ее в журнал «Памир». Последняя надежда на публикацию, но и там ее не напечатали. В цензурном списке она значилась под своим первым названием «Наш человек в Хиве». Мне посоветовали: переименуй и подавай снова. Я так и сделал, и она прошла в «Дружбе народов». Тогда меня вызвал к себе цензор. Она оказалась нестрашной дамой с университетским значком-ромбиком. Я думал, я попался: запрещенную повесть протащил. Но, к счастью, ее интересовали лишь источники цитат, чтобы я не приписал свои слова реальным лицам. Там, в этой повести, много среднеазиатских реалий. Я был там в 1970-е годы. Еще раньше, в молодости, я работал буровиком. Но еще раньше, летом 1943-го, я был в эвакуации в Ташкенте с мамой. Кстати, моя мама родилась в том же Ташкенте. Дед (ее отец) работал там директором реального училища. То есть какие-

то нити со Средней Азией у меня уже существовали. Мама была красавицей, внешности вполне европейской. Отец тоже. А я родился с восточной внешностью.

«Извините, – сказал маме врач в роддоме, – разве ваш муж нацмен?»

В Ташкенте ей говорили на базаре: «Вы русская, а ваш сын узбек?» Потом сгладились с возрастом, а к старости я опять приобрел восточные черты. Не в мать, не в отца, но и не в прохожего молодца.

– Я знаю, у вас есть кавказские корни.

– Это и впрямь удивительная история. Фамилия моя, такая простая, такая русская, всегда перевиралась: Батов, Бытов, Бутов, Битков... И однофамильца ни одного. Так я прожил всю свою жизнь, как вдруг раздался звонок от черкесов. Фамилия-то оказалась черкесская! Даже отец об этом ничего не знал. Я, получается, черкес в 5-м поколении и, несмотря на всего 3 % крови черкесской, во мне выскочил этот ген. Кстати, как призналась незадолго до смерти мама, зачали меня не где-то, а в Анапе – исторической родине черкесов. Вы знаете, я как-то сразу поверил в это родство. Черкесы – простые, ясные, милые люди. Приехал мой новый соплеменник – Заур – и отвез меня в станицу, где живут Битовы. Много Битовых. Надо сказать, мне не понравилась эта станица. Не хотелось верить, что это моя прародина. Они свезли меня в другую, исходную, станицу. Беноково называется. Там они жили до выселения. Черкесы претендуют на геноцид, потому что в XIX веке их насильно выселили с мест, где они жили. Во время моей поездки в Черкесию я многое узнал, о чем до этого понятия не имел. Меня это устроило почему-то.

Они (черкесы) помнили все 200 лет того мальчика, которого спасли от кровной мести и вывезли в Россию. Это был Яков (возможно Якуб) Битов. Его вывезли на север. Там Яков женился на поморке. Мой прадед Иван Яковлевич тоже был женат. Также на поморке. А вот дед Леонид Иванович был женат уже на католичке. Конфессии в империи перемешаны не меньше, чем крови. Как говорят, «поскреби русского...»

И крещен-то я был хоть и в православии, но в Грузии и довольно поздно. У меня немецкой крови много, но русской все равно больше. Я верующий – это для меня главное, но обращаюсь к Богу как православными, так и своими молитвами. Есть такое понятие – исихазм. Может, оно.

Благодаря внезапному черкесскому родству я понял, что в генах есть историческая память: вот почему меня с детства тянуло к горам, на Кавказ. Я чувственно реагировал на восточные мелодии.

– Отсюда, наверное, родилась ваша идея читать ваши переложения сур Корана под музыку?

– Я не стилизовал Коран специально, поскольку я не знаю его реальной музыки. «Стамбул гяуры нынче славят», – писал Пушкин. У него слух на музыку был. Как я уже говорил, это я сделал для себя.

Была у меня еще одна занятная история, которую здесь, может, стоит рассказать. Когда случилось 11 сентября, напряжение в мире росло. В Персидском заливе стояли корабли, а я был в Страсбурге. Там был довольно унылый фестиваль.

Из Восточной Европы собрались писатели. Повели нас в библиотеку старинную, и там должен был играть замечательный саксофонист. А мне по программе нужно было что-то читать. Я уже тогда знал, что с хорошим музыкантом можно легко договориться. Я ему говорю, саксофонисту: «Я прочитаю стих, а ты мне подыграешь». Я прочитал одну из сур Корана, а саксофонист подыграл. Он оказался замечательным. Этот опыт подсказал мне, как выступать на последнем заседании. Я не стал возиться с переводчиком и объяснил им по-английски, что первая сура о том, что человек забыл свое предназначение, в другой суре ангелы предупреждают, но не карают, третья – это Апокалипсис. Четвертую я опустил и прочитал те три в той последовательности, которую вам перечислил. «В тот день, когда вскипит Земля. Аззальзала!» И – замолчал. И музыкант замолчал. А зал-то не знал, не мог понять, кончилось или не кончилось представление. Я как артист уловил момент и продолжаю молчать. Я молчу, музыкант молчит, зал молчит. У меня спина даже зачесалась – какую паузу я выудил! Стало уже невыносимо. И тогда я вышел на край сцены и произнес слово «конец» в самом грубом русском выражении. Сорвал овации. Я бы всему этому не придавал такого сакрального значения, если бы это не была ровно та самая минута, когда американцы начали бомбить Афганистан. Этим я себя оправдываю.

– Андрей Георгиевич, мы готовим номер, посвященный столетию ухода Толстого из Ясной Поляны. Я заготовил для вас несколько вопросов, затрагивающих такую деликатную тему, как Толстой и религия, но ваши слова, сказанные ранее, снимают эти вопросы. И все же. Сейчас, накануне этой памятной даты, не утихают споры о той самой анафеме, которой великого писателя предала православная церковь.

– Толстой – это прежде всего человек пути. Те, кто спорит о его «противоречиях», в т.ч. религиозных, все еще следуют определенным церковным и советским клише. Это мы противоречивы, а Толстой вполне последовательный человек. Я только что вернулся из Ясной Поляны очень воодушевленным. Удалась идея, о которой я мечтал 15 лет: установлен памятник Хаджи-Мурату. Договорился с правнуком Толстого – Владимиром Ильичем. Хаджи-Мурат был любимым произведением Толстого. Он его не публиковал, держал до конца. Это уникальное произведение в мировой литературе. Здесь описывается, как пришел замысел самого произведения, начиная со сломанного репейника, на который глядит автор. Я спросил правнука Толстого, можно ли найти то место, где Толстой этот репейник описал. И мы нашли это место. Соседнее имение Пирогово – оно принадлежало сестре Толстого. Он любил его даже больше, чем Ясную Поляну.

Но затея с памятником не удалась бы, если бы не один замечательный человек – Геннадий Опарин. Он – бывший офицер. Я убедился, что офицеры все-таки годны на последовательные поступки. Он хотел сделать могилу Хаджи-Мурата. Он сдружился с аварцами, и они под могилу Хаджи-Мурата подарили священный камень. Тридцать с чем-то тонн. Этот камень с Кавказа видел и Хаджи-Мурата, и Шамиля, и императора Александра, когда ему дорогу прокладывали. Сам репейник для памятника был выкован тульским кузнецом. Хотелось открыть в день столетия ухода Толстого. Мы боялись, что не выйдет, не успеем в срок.

Памятник будет открыт 6 ноября – акkurat к 93-й годовщине Октябрьской революции. Когда вы подойдете к памятнику, вы увидите все, как описал Толстой. Осталось только доделать первую страницу из «Хаджи-Мурата» на тыльной стороне памятника.

Во время ежегодного съезда Толстых в конце августа произошло знаковое освящение памятника Хаджи-Мурату, у основания которого лежит плита с надписью: «Да примирит и упокоит Всевышний души всех богибших в кавказских войнах» на арабском и русском языках. Сошлись и пастор, и бабушка, и муфтий, даже ребе собрался, но день пал на субботу. Не хватало, пожалуй, буддистов. Вот вам и вся анафема!

(Беседовал Ренат Беккин)

ИЗ КОРАНА

Андрей Битов

Стихотворное переложение отдельных сур

СУРА 36. О, ЧЕЛОВЕК!

Ужель не хочет человек
Понять, что он из капли создан,
С Творцом торгуясь весь свой век,
Забыв, что есть вода и воздух?

Он предлагает притчи нам,
Как будто послан мимо цели –
Кто может жизнь сухим костям
Вернуть, когда они истлели?

Создатель Неба! Ты один
Исполнен необъятным знаньем.
Ты – моей воле Господин,
И ты – узда моим желаньям!

Иначе – только взблеск и вскрик –
И помыслы мои иссякли...
Все это длилось сущий миг,
И бритва воплотилась в капле.

СУРА 77. ОТСРОЧКА

Нас шлют вдогонку друг за другом,
И мы летим во все концы,
Оповещаая круг за кругом
Весну конца. Конца гонцы,

Мы чертим грани различенья
Добра и зла между собой,
Предупрежденья иль прошенья,
Не возвестив своей трубой.

Но что обещано, то будет...
Но не сегодня, не сейчас.
И грешник все еще подсуден
Лишь в смерти. Как один из вас.

А то, когда погаснут звезды
И распадется небосвод,
Вам не страшней шипов у розы,
Что преподносит вам Господь.

Сура 94. Ашшар

Не мы ль раскрыли грудь тебе?
И залили душой пожар?
Не уступи свой мир борьбе!
Аллаху Слава! И ашшар!

Не мы ль возвысили ту честь,
К которой частью ты приставлен?
Сумей же дни свои прочесть,
Пролистывая список Славы...

Как вдох и выдох, мир живет:
Наступит время сбросить ношу,
И облегчение придет
И тяготы твои раскрошит.

Да, облегчение придет!
Тащи же ту же тяжесть в гору
За высью высь, за годом год...
Нет связи между них, ни спору.

Трудись! Пока спекутся жилы
В броню от неустанных битв...
Отдай свой долг – верни все силы:
Труд – продолжение молитв.

Сура 99. Аззальзала

Когда в конвульсиях Земля
Извергнет бремя,
И будет повернуть нельзя
Вспять время,

То будет явленная речь
Земли и Неба,
И в ней дано будет испечь
Подобье хлеба...

Разделится, толпа с толпой,
Людская лава,
Как разлучает нас с тобой
Здесь – слава.

Добра горчичное зерно
И зла пылинку
В одном глазу и заодно
Узришь в обнимку.

С терновым лавровый венец
В одной посуде...
И сварят из тебя супец,
А не рассудят.

В тот день, когда вскипит Земля...
Аззальзала!

(1995–1996)

ПАМЯТНИК ПОСЛЕДНЕМУ ТЕКСТУ

Андрей Битов

Отрывок из книги «Текст как текст. Сборник эссе». – М.: ArsisBooks, 2010*

Писатель дворянского класса
Граф Лев Николаич Толстой
Не кушал ни рыбы, ни мяса,
Ходил по аллеям босой
Жена его, Софья Андреевна,
Обратно, любила поесть.
Она не ходила босая,
Спасая дворянскую честь...

И т.д., до бесконечности. (Ныне в Интернете под текстом стоит дата 1947–1951, т.е. что ни на есть текст из зоны, но я подозреваю, что он слагался еще раньше, до 1917-го).

В любом случае, это фольклор, т.е. наиболее народная реакция на образ его величия.

И это еще до того, как мы стали его «проходить» на уроках литературы, где он нам особенно надоел уже не только боролатыми портретами, но с помощью Горького и Ленина: «Эдакий человечиче!» и «... как зеркало русской революции».

А ведь не было еще и слов-то таких, как «диссидентство» или «имидж», а мы уже, не сговариваясь, не воспринимали ничего, что пованивало идеологией или пропагандой. И я не уверен, что теперь столько же свободы.

С этого начинается мой Толстой, и, слава Богу, что я писал в школе сочинения на тему «Наташа и Андрей» или «Наполеон или Кутузов», ни разу не раскрывая неподъемную книгу. Это был ИХ Толстой. Я лишь завидовал своему дядюшке, который с наслаждением перечитывал СВОЕГО Толстого, только что отвоевав СВОЮ войну.

Да и мне пришлось для начала окончить школу, пройти стройбат и угодить в шахтеры, чтобы на Кольском полуострове от первой до последней буквы добыть для себя золото войны и мира. Преодолеть этот текст было не легче работы в забое, но какой же это был восторг для тайком уже пописывающего автора!

* Печатается с любезного разрешения автора.

Прошло уже полвека, а я все еще надеюсь успеть перечитать эту книгу.

И именно тогда меня восхитило не только богатство, но и необычайно художественная жадность Толстого. Например, княжна Марья, благословляя брата Андрея на войну, надевает ему на шею простенький серебряный крестик, а мародер-француз сдирает с него убитого тот же крестик, уже золотой.

И это был уже МОЙ Толстой.

Невозможно постичь, что нам нравится и за что. Особенно в литературе. У одних прекрасна краткость, у других – наоборот. Т.е., мы не понимаем. Это – вера. Мы пытаемся объяснить ее себе, как оправдаться. Слов получается все больше, т.е. мы от нее (веры) удаляемся.

Вера – это точка. Точка, из которой мы вышли, а потом все хотим в нее вернуться, навсегда запомнив, что она таки была и есть. Бог не требует доказательств, а мы все их ищем, а не Его.

Толстого попросили сформулировать смысл романа в двух словах. Я бы на его месте ответил, что он и так в двух словах, если И не считать. Он же, если я правильно помню, ответил: «Если бы я мог короче, то и написал бы короче, а мне потребовалось столько, чтобы сказать всё как можно короче».

Примечательно это ВСЁ. Эпос как раз и рассказал всё, в еще дописменном виде. Книга – гениальное обретение цивилизации, но именно она погубила эпос, разбив его на кирпичики историй, сюжетов (книжек), из которых эпос можно сложить лишь в библиотеку, погребая в себе явленный нам цельный мир. Ужас! Однако пафос Библии, одной книги как Всего и единого целого, сохранился как подсознательная литературная амбиция. Но всюду это уже как бы с пародийным оттенком, не говоря о «Гаргантюа» и «Дон Кихоте», даже у серьезнейшего Данте это «комедия».

Усилие собрать мир воедино становится не только непосильным, но и несерьезным: у Бальзака и Гоголя пародируется уже Данте.

Насколько же простодушной и детской должна сохраниться вера в возможность воссоздать нормальное и очевидное!

Наверное, это и называется «идеализм». Однажды мне пришлось наобум рассуждать о немецком менталитете и, опровергая миф (что всегда безнадежно) о пресловутой скупости и экономности, мне удалось додуматься и до счастливой формулы: только идеалист способен пожалеть материю (недавно, рассуждая с водителем о надежности немецких автомобилей, я понял, что и она от жалости к металлу). Русский идеализм весь растворен в категории честности (которой так мало).

Сколько же может быть идеала и нормы в одном человеке? Представьте себе тако-го преувеличенного не в возможностях гения, а в возможностях нормы человека – получите Толстого. Такой невозможный раздутый младенец, как реклама «Мишлен». Зрелище не для слабонервных. А каково было ему самому?!

Великое недоумение человека перед Богом, верующего перед Церковью, гражданина перед обществом, писателя перед литературой сопровождало его всю жизнь. Так что это не Толстой противоречив, а наши суждения о нем, никак его нормы не достигающие. Не по силам, не наша это мера. Нам остается, как в том замечательном рассказике Куприна, перепутать анафему с аллилуйей.

Подайте, подайте ж, граждане,
Я сын незаконный его².

P.S. Набоков проиллюстрировал это для витаминных американских студентов наглядно. Войдя в аудиторию, чтобы объяснить им, что такое русская литература, он распорядился поплотнее задернуть шторы. Темно? – спросил он и, получив подтверждение, попросил включить один софит. Стало светло? – спросил он. – Это Пушкин. Теперь включите второй. Светлее? Это – Чехов. Теперь раздерните шторы. В аудиторию ворвался солнечный свет. Это – Толстой!

(Думаю, что для Набокова, хотя и модерниста, еще не существовали слова *happening* или *performance* в современном значении.)

Толстой признан как эпик и как классик-реалист. Я хочу здесь немного сказать о нем как о модернисте.

Недавно, по примеру Набокова, я решил на подобный хэппенинг. Директор Музея изобразительных искусств имени И.В. Цветаева в Москве пригласила меня поучаствовать в вечере, посвященном Прусту (в связи с экспозицией импрессионистов «в сторону Бергота»). Сначала шли артисты, интеллектуалов оставили под конец, чтобы публика не начала выходить раньше срока. Я был последним. Приготовил, как выражаются музыканты, «фишку».

Помогла мне в этом Лидия Гинзбург (1902–1990). Я вспомнил ее рассуждения о том, что Пруст со своим психологизмом может быть рассмотрен как продолжатель прозы Льва Толстого, что и пресловутый поток сознания найдем мы у него задолго до Джойса. В доказательство приводились неоспоримые «Война и мир» и «Анна Каренина», но так же была упомянута некая самая ранняя неоконченная проза. С этим смутным воспоминанием позвонил я просвещенному другу Сергею Бочарову с вопросом, что Л.Я. Гинзбург могла иметь в виду. Бочаров уверенно назвал «Хронику вчерашнего дня», первый суперзамысел юного Толстого: просто-напросто и всего лишь взять и описать полностью один день. Это был прустовский по блистательности текст, захлебнувшийся в замахе «Улисса». Описание бала (будущий бал Наташи Ростовской?), всего лишь проба пера молодого офицера за несколько лет до «Севастопольских рассказов».

Бочаров передо мной прочитал свой уточненный и утонченный перевод из Пруста (смерть Бергота), и я подхватил эту линию: мол, и я перевел, несмотря на никакое знание французского, неизвестного русскому читателю совсем уж раннего Пруста, мол, простите и его и меня. И я прочитал им «Хронику одного дня».

Конечно, «элитная» публика, в основном, не читала ни Пруста, ни даже Толстого. Но те, кто читал, не знали этого текста и не заметили подвоха: сочли меня эрудитом по Прусту.

² Выступление на конференции «Мой Толстой» 15.11. 2008 в Харденберге (Германия).

Зал однако продолжал ждать от меня еще чего-то. И я прибавил Прусту еще и будущие заслуги Джойса.

Но и этого было мало. Я молчал, но и пауза не помогла. Тут меня осенило.

«А вообще-то, – сказал я. – Пруст тут ни при чем. Не его мы любили, а запрет на него. И знаете за что мы вообще любили переводную литературу? За то, что нас не выпускали за границу».

Зал начал оживать. Это меня смутило.

– Нет, я не о том, что вы подумали... на самом-то деле, мы любили иностранную литературу за то, что в ней в советских условиях сохранился нормальный русский литературный язык; именно в нише перевода укрылась недобитая интеллигенция, еще помнившая языки. Это подозрительное знание давало ей кусок хлеба, которым она исподволь накормила нас всех.

Зал воспринял мой пафос и заплотился, полагая, что это конец. Но я уже не унимался.

– Власть была слишком озабочена, чтобы не упустить главного: не перепутать национализацию с наследием.

Вся национализация классики выразилась в корявых предисловиях, которые никто не читал. Зато сами тексты сохранялись как достояние. Их мог бы прочесть незамутненный ум, если бы не школьное преподавание. Так что не Пруста, а Толстого уже никто не читал. Я вам только что прочитал раннего Толстого, а не Пруста. Простите.

И я сошел на сцены. Зал больше не аплодировал.

P.P.S. Моя замечательная переводчица на немецкий Розмари Титце, корпя над вторичным переводом «Анны Карениной», изучая в связи с этим все вокруг, посетила и Ясную Поляну. Она мне сообщила, что там есть беседка, в которой часто сиживал маленький Толстой. Беседка возвышалась над трактом, по которому мог проезжать Пушкин. Во всяком случае, Левушка однажды обратил внимание на одного чем-то выделявшегося курчавого пассажира. Предположение достойное мифа.

Тут припомнилось мне и собственное посещение Ясной Поляны. Правнук Толстого Владимир Ильич тогда только начинал скрытую реституцию имения в должности директора. Гены заработали, и дело пошло. Были затеяны и первые «Яснополянские чтения», приуроченные ко дню рождения Льва Николаевича. Не зная, что удастся сказать, я прихватил с собою замечательную книгу. Не знаю, как это мне в свое время свезло купить ее походя на развале за студенческую копейку. Это был том неопубликованных произведений Толстого, выпущенный сразу после его смерти. Он был объема и цвета будущего 90-томника.

Но, что меня и тогда поразило, а тем более поразило в автобусе, везшем наших писателей на поклон к классику, сколько же оказалось там всего неопубликованного! Тут и национализированный МХАТом «Живой труп», и любимое детище самого Льва Николаевича «Хаджи-Мурат», и ряд небольших произведений (рассказ «Алешка-Горшок», который Александр Блок назвал лучшим рассказом русской литературы, – по-видимому, он читал то же издание), и опубликованное разве что за границей, примечательнейшее эссе «О патриотизме»... в общем, много всего оказалось и после смерти, как и самого Толстого – много.

Волшебные сентябрьские деньки! Толстых съехалось со всего света. Писатели подозрительно косились на них, непредставленные. Их родной мужик в посконной рубахе, с нечесаной бородой, босой, с косою в руках, казался не имеющим никакого отношения к западным родственникам.

Как-то все-таки подзабылось за советское время, что он еще и граф, между прочим, и что не все бы тут при нем по его усадьбе шастали.

Наконец все чинно расселись, рассуждая о величии и значении простого русского графа. Основной мотив сохранялся: близость к простому и русскому народу. Мне нечего тут было добавить, и так само сложилось, что слово мне было предоставлено в последнюю очередь. Я не знал что, но в руках у меня был спасительный посмертный том, и я заявил, что пора бы предоставить слово самому Льву Николаевичу, и зачитал его соображения о патриотизме как о «последнем прибежище негодяев».

В Ясной Поляне меня занимало что-то свое.

Например, я как бы понимал, зачем в огромном доме граф работал в самой неудобной подвальной комнатке за самым крошечным столиком.

Или, например, зачем валялась в траве на боку пудовая гиря, с которой Лев Николаевич баловался до старости. Как же он над собой работал! ... как над текстом.

На поле между Ясной Поляной и следующим толстовским имением баловались молодежные дружины из Тулы, любители старинных битв: сражались на своих картонных мечах, целились в кочан капусты из лука. Я не попал по мишени и пошел одиноко пешочком, насколько удавалось, вдаль. Тут внезапное воспоминание привиделось мне в густой траве: будто так начинался не перечитанный мною «Хаджи-Мурат». Сломанный репейник, все еще продолжавший жить!

Нет, не даром был так прижимист с публикацией «Хаджи-Мурата»! Будто ему еще и еще раз необходимо было что-то в нем улучшить. Это уже когда он привык к упрекам, что перестал быть художником и слишком увлекается поучениями и проповедью, Лев Николаевич занял тут вполне пушкинскую позицию:

... Ты сам свой высший суд,
 Всех лучше оценить умеешь ты свой труд.
 Ты им доволен ли, взыскательный художник?
 Доволен? Так пускай толпа его бранит
 И в детской резвости...

«Детская резвость» новой толпы уже мало волновала великого старца, и он свысока не захотел переубеждать ее. «Хаджи-Мурат» слишком нравился ему, и он охранял его как доказательство художественной состоятельности.

Идея «Памятника последнему произведению», приуроченного к столетию со дня смерти Льва Толстого, восхитила меня. Исподволь я расспросил правнука, можно ли установить место, где Льва Николаевича посетил замысел «Хаджи-Мурата», ведь оно с такой выпуклостью описано на первых страницах повести.

Владимир Ильич согласился со мною.

Памятник, в моем представлении, должен был бы представлять стоящий на стеле кованый сломанный репейник, эскиз которого так точно выписан Толстым³. К этому можно было бы приурочить факсимильное издание посмертного тома 1911 года.

Исполнитель тут как тут. Алексей Лукьянов, кузнец из Златоуста, кстати отличный прозаик.

«Летят за днями дни»... и вот уже только год остался на исполнение замысла.

Хотя бы раз в жизни успеть что-либо вовремя!

7 сентября 2009 г.

P.S. Успели! Спасибо Геннадию Опарину и Владимиру Ильичу.

12 сентября 2010 г., Пирогово – Ясная Поляна

Искры огнива

³ «... Куст "татарина" состоял из трех отростков. Один был оторван, и, как отрубленная рука, торчал остаток ветки. На других двух было на каждом по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела внизу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал вверх».

ТОЛСТОЙ И ИСЛАМ – ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Павел Башарин*

На пике критического отношения к церковному православию Толстой обратил внимание на «магометанство», найдя в нем гораздо больше достоинств и внутренней логики. «Если человеку поставлено только два выбора: держать-ся церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата единого Бога и его Пророка вместо сложного и непонятного богословия – Троицы, искупления, таинств, Богородицы, святых и их изображений и сложных богослужений», – писал Лев Николаевич в Ясной Поляне 15 марта 1909¹.

Симпатии к исламу Толстого в этот период, подтверждаемые в основном его эпистолярным наследием, вызвали ответную реакцию мусульман Российской империи, главным образом среди интеллигенции и торгового сословия. В Ясную Поляну от них стали приходить письма по широкому кругу вопросов.

В последнее время, особенно в мусульманской среде, заинтересованное отношение Толстого к исламу не только получило широкую известность, но подчас является поводом для сомнительных спекуляций, при том, что серьезные исследования по самой проблеме восприятия Толстым ислама практически отсутствуют. Предлагаемая читателю публикация никоим образом не претендует на глубину и основательность, поскольку ограничивает текстологическую базу единственным текстом, который, однако, следует рассматривать как один из ключевых в освещении этого непростого вопроса.

В 1910 г. в издательстве «Посредник» в Москве вышла брошюра «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л.Н. Толстым. Перевод с английского С.Д. Николаева», насчитывающая 31 страницу. В 2008 г. издательство «Диля» осуществило ее репринтное издание, благодаря чему современный читатель получил возможность ознакомиться с этим текстом.

* Павел Башарин (р. 1980) – исламовед, иранист. Руководитель научной программы «Классическое богословское и религиозно-философское наследие ислама» Фонда Марджани. Область научных интересов: исламоведение, мусульманская доксография, история и философия суфизма, мусульманская демонология, религии домусульманского Ирана, сравнительно-историческое языкознание. Кандидат философских наук, автор ряда публикаций по истории и философии суфизма и пр. мистических течений в исламе, религиям Ирана, сравнительно-историческому языкознанию.

¹ Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л.Н. Толстым. Репринтное изд. – СПб., 2008. Текст эрзаца.

История его появления на свет вкратце такова. 31 декабря 1907 г. Абдуллах ал-Ма`мун ас-Сухраварди, индийский ученый-мусульманин, доктор философии, живший в Калькутте, прислал Толстому свою брошюру «The Sayings of Mohammed» вместе с письмом. Именно она повлияла на фундаментальное представление писателя об исламе и послужила основой для составления упомянутой книжицы, в которую вошли 19 изречений Пророка, избранных Толстым.

Чем же привлекла книга ас-Сухраварди Толстого? В кратком предисловии от переводчика сказано, что в «Изречения Магомета» вошли «содержащие в себе наиболее общие всем религиозным учениям истины»². В этом, как кажется, и заключается ответ на вопрос. Именно близость ислама к «универсальным истинам», общим для всех религий, способствовала развитию этого интереса. Уже в предисловии к книге ас-Сухраварди «Кто был Магомет», отредактированном Толстым, мы не встретим конкретных деталей жизнеописания Пророка и его учения. При том, что они были хорошо известны уже Гоголю не говоря уже о том, что за прошедший со времен соответствующих гоголевских текстов возникло и развилось отечественное исламоведение. То есть возникло большое количество текстов по истории раннего ислама на русском языке. Ограничимся упоминанием только одного факта: уже в 1895 г. появляется перевод знаменитого труда А. Мюллера «История ислама», ставшего ключевым исследованием на период начала XX в. Тем более что Толстой мог почерпнуть эти сведения и из западной литературы. Кроме того, посвятив годы изучению арабского и турецкого («турецко-татарского») языков до поступления в Казанский университет и в дальнейшем во время учебы, он имел представление об исламе и мог черпать информацию и из первоисточников³. Отметим, что он прибегает к индийской брошюре и довольствуется исключительно этим.

В предисловии сообщается, что Магомет был пастухом, с юных лет любил уходить в пустыню и размышлять там о Боге. Далее следует весьма туманное описание язычества, распространенного в Аравии, и арабов, которые «признавали многих богов» и приносили им жертвы, говорится также о неприятии этого Магометом. Сущность ислама объясняется с помощью довольно общих тезисов: «что Бог один, и потому не следует кланяться многим богам, что Бог милосерден и праведен, что судьба каждого человека зависит от него самого: если он исполняет закон Божий, то в будущей жизни он получит награду, а если не исполняет закона, то будет наказан... что все земное приходит и исчезает; только Бог существует вечно, что без веры в Бога и исполнения его заповедей не может быть истинной жизни... что Бог требует от людей любви к Богу и к ближнему. Любовь к Богу – в молитве, любовь к ближнему – в сострадании, в помощи и в прощении... что, познав истинного Бога, люди должны стараться

² Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л.Н. Толстым. Репринтное изд. – СПб., 2008. – С. 3.

³ Подробнее об этом см., например: Михайлов М.С. Л.Н. Толстой и языки тюркской семьи // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: Сборник статей. – М., 1953. – С. 196–197. Там же – ссылки на литературу. Правда, как общал друг и врач Л.Н. Толстого Д.П. Маковицкий, позже писатель не пользовался уже этими языками. В числе языков, на которых он читал, арабский вообще не упоминается. Упоминается только татарский, который Толстой «знал когда-то, потом уже, вероятно, позабыл» [Там же. – С. 196].

устранять все, что способствует развитию страстей в человеке. Не должны служить телу, а [должны] духу. Должны быть воздержанны в пище. Не употреблять спиртных и возбуждающих напитков. Должны жизнь проводить в труде, и т.п.⁴ Именно эти максимы, по мнению Толстого, относятся к числу универсальных религиозных истин, общих для всех религий.

Далее говорится о вере в библейских пророков – Моисея и Иисуса, а также о том, что в процессе проповеди новой веры Магомет претерпел гонения (которые, впрочем, не описываются), а его сторонники составили новую общину, отличавшуюся от других добродетелями. Говорится также и об их священной войне за веру: «отрицая войну и насилие в делах общественных, материальных, они допускали воинственные действия в делах веры, думая, что они угодят Богу тем, что приведут к Нему больше людей силой, а не убеждением». Этот принцип стал основополагающим в деле распространения ислама, но именно он, при попытке воплотить его на практике, встретил отпор «у кротких буддистов и христиан»⁵.

Текст представляет собой традиционный подбор *матнов* (содержания) *хадисов*, среди которых встречаются как достоверные, так и недостоверные. То есть в самом оригинале выбор определяли не *иснады* (цепочки передатчиков), а *матны*. Теперь о корпусе отобранных изречений. По избранным речениям и историям видно, что они демонстрируют любовь к истине, «даже если она горька»⁶. Больше всего изречений о любви к Богу и к людям, к ближним, к единоверцам, даже если они являются угнетателями, о пользе добрых дел, милостыне, милосердии, кротости и смирении, вреде злословия. Есть изречения о воздержании в пище и питье, скромности и целомудрии, вреде стяжательства, прелюбодеяния, о преимуществах бедности. О молитве говорится как о средстве приближения к Богу. Встречаются изречения о смерти и бренности земного мира. Эсхатологические мотивы встречаются только в рассуждении о порче нравов. Отсутствуют речения о слепой покорности Богу и предопределении. В выбранных текстах проводится мысль о разумном полагании на Бога, пример тому – созвучное русской пословице высказывание «На Бога надейся, но привязывай своего верблюда»⁷. Есть основания полагать, что особо импонировал Толстому высокий статус знания в исламе и призыв сочетать его с деянием.

Интересно, что Толстой отбирает один знаменитый *хадис кудси* (т.е. речение Бога от первого лица): «Бог говорит: “Для возлюбленного Мною Я – слух, которым он слышит, Я – зрение, которым он видит, Я – руки, которыми он берет, и ноги, которыми он ходит”»⁸.

Характерно, что в тексте не встречается ни одного упоминания о джихаде (не являющемся истиной, общей для всех религий), за исключением *хадиса* о «большом джи-

хаде», который находит следующее толкование: «Самая святая война – та, в которой человек побеждает самого себя»⁹.

Толстовскому мировосприятию были близки и такие изречения: «Нет совершенной веры у того, кто не желает брату своему того же, чего он желал бы себе». «Бог сам кроток, исполнен кротости; Он и дает кроткому то, чего не дает жестокому». «Богатство бывает не от изобилия мирских благ, а от довольства духа». «Отдавай работнику плату его прежде, чем высохнет его пот»; «Наиболее почитаем у Бога тот, кто прощает обидчику, находящемуся в его власти»¹⁰ и т.д.

В избранных изречениях отсутствуют характерные для практики ислама детали, отличающие его от других религий. Особенно это касается обрядовых деталей, вызывавших неприязнь у Толстого. Он специально выбирает речение: «Исполнение религиозных обрядов не искупит вины злоречивого языка», или речение о вторичной роли поста, милостыни и молитвы по сравнению с примирением с ближним¹¹. Даже слово «Коран» ни разу не упомянуто в отредактированном предисловии, а в отобранном корпусе встречается только один раз.

Все эти особенности толстовского подхода к исламу предопределили его обращение к тексту именно индийского автора (составителя). Дело в том, что Индия в XIX в. стала первой страной Востока, где привились и дали плоды принципы европейского образования и просвещения. С 1813 г. индийские колониальные власти взяли на себя заботу об образовании. Открылся ряд колледжей, а с середины века в Калькутте, Бомбее и Мадрасе появились и университеты по образцу Лондонского. Прозорливые коммерсанты – индуисты, мусульмане, парсы, – отдавая должное системе британской торговли, представленной в Индии Ост-Индской компанией, все чаще связывали рост своего благосостояния с вписанностью в эту систему. Поэтому они стремились дать своим детям европейское образование.

Как правило, молодые люди из обеспеченных семей отправлялись в Старый Свет не только за техническим, но и за гуманитарным знанием. Стажируясь у знаменитых английских, французских, немецких профессоров, которые с живым интересом смотрели на Индию как изобильный источник рукописных памятников, они часто стремились получить знания в области своей собственной религии, которые разительно отличались от прививаемых религиозной традицией догм. Индуисты интересовались индологией, мусульмане – исламоведением, парсы – иранистикой (изучением Авесты и пехлевийских зороастрийских текстов). В результате к концу XIX в. появился ряд индийских ученых, воспитанных в лучших традициях европейской академической науки. Феномен их состоял в том, что они могли оперировать как научными критическими методами, так и традиционной экзегезой. Многие исследования этих ученых и по сей день составляют золотой фонд востоковедения. Например, выдающихся результатов добились ученые парсы (М. Дхалла, Б. Анклесария, И. Тарапорева, К. Джамасп-Аса, Ф. Котвал, Дж. Джамасп-Асана и пр.), осу-

⁴ Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л.Н. Толстым. Репринтное изд. – СПб., 2008. – С. 5–6.

⁵ Там же. – С. 6–8.

⁶ Там же. – С. 11.

⁷ Там же. – С. 24.

⁸ Там же. – С. 29.

⁹ Там же. – С. 20.

¹⁰ Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л.Н. Толстым. Репринтное изд. – СПб., 2008. – С. 26–27, 30, 31.

¹¹ Там же. – С. 26.

ществившие издание большого количества монографий и статей, изданий авестийских и пехлевийских текстов, которыми современные исследователи пользуются до сих пор. Ряд трудов, естественно, утратил свою научную ценность уже к середине XX в. и представляет интерес только для истории науки.

Часто особенностью этих исследований являлся специфически «индийский» подход: уникальная среда, сформированная условиями многовекового религиозного синкретизма, влияла и на новых ученых, рассматривавших свой предмет сквозь призму органического сплава традиций. Поэтому, когда индийские исламоведы публиковали свои работы по исламу, это был индийский ислам – со сглаженными шероховатостями, претерпевший многовековую адаптацию в условиях поликультурного региона. В рамках Индостанского субконтинента даже отдельные религиозные направления неофициально обретали статус религии. Например, до сих пор суфизм в Индии в глазах простого народа не ассоциируется с исламом, а считается отдельной религией. В конце XIX – нач. XX в. в Индии издаются монографии о взаимовлиянии различных религий (например, зороастризма и ислама). Часто в них делаются поверхностные заключения, основанные на поиске похожих черт различных религий, из чего постулируется их воздействие друг на друга. Подобное направление, нужно отдать справедливость, было распространено в то время и на Западе.

Поэтому неудивительно, что ас-Сухраварди руководствовался именно такими соображениями при составлении своей брошюры. Это демонстрируют его авторские предисловия и сохраненные Толстым ремарки к тексту, проникнутые не исламским, а в большей степени индуистским и буддийским духом. Крайне показательным, например, такое суждение: «Вера наша предлагает надежду спасения для всех»¹². Сюда же можно отнести высказывание о том, что если человек живет в гармонии с мирозданьем и законами природы, то его воля будет находиться в полном согласии с Божественной, и все его пожелания исполнятся¹³.

Гораздо более показательно, почему именно эту книгу выбрал Толстой. Все объясняется его любовью к Индии, индуизму, особенно к буддизму, который больше всего импонировал мировосприятию писателя. Стоит напомнить его восторженную реакцию на «Философию йоги» Свами Вивекананды, «Философию веданты» Абхедананда Свами, симпатию к Рамакришнану, переписку с Нарайаном Бишеном, Дас Таракуатта (Таракнатх), наконец, с Махатмой Ганди («Письмо к индусу»). Именно индийские авторы подвигли его к написанию своего «Пути жизни», его последней книги, куда он включил фрагменты из пуран, Хитопадешы, Бхагавадгиты, Дхаммапады, Тирукура-ла, буддийских сутт (сутр) и многих других источников. В связи с этим кажется вполне объяснимым его интерес к брошюре именно индийского мусульманина. Кстати, это было далеко не первое его знакомство с текстами индийских мусульман.

Не интересуясь истоками проблематики жанра *хадисов*, о чем он наверняка слышал в стенах Казанского университета, Толстой обращается к знакомым ему по

буддийским преданиям мотивам. Видимо, неспроста в начале текста помещается не «мудрое речение», а рассказ о враге Магомета, Дьютуре, который порывается убить его, но, увидев кротость посланника Божия, становится его сторонником и другом¹⁴. Скорее всего, Толстой выбрал рассказ из-за того, что тот напомнил ему предание о заклятом враге Будды Гаутамы, его двоюродном брате Девадатте, часто, согласно буддийской традиции, покушавшемся на жизнь брата.

В связи со сделанным замечанием, все данные выводы нужно расценивать только как пищу для размышления в рамках даже не пролегомен, а эссе. Поэтому, надеясь, что эта тема заинтересует серьезных исследователей и знатоков письменного наследия великого писателя, вместо точки позволим себе поставить многоточие...

¹² Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избранные Л.Н. Толстым. Репринтное изд. – СПб., 2008. – С. 9.

¹³ Там же. – С. 13.

¹⁴ Там же. – С. 10.

ХИДЖРА ЛЬВА ТОЛСТОГО: ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ НА КАВКАЗ?

Джаннат Маркус*

7 (20) ноября 1910 года на железнодорожной станции Астапово (тогда Тамбовской губернии, а ныне Тульской области) завершилась земная жизнь великого писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого. Его корни – в России и в русской культуре, но влияние ширится по всему миру. Столетняя годовщина смерти Толстого собрала в Астапово, а затем в Ясной Поляне международный семинар «Лев Толстой и мировые религии», на котором ученые из разных стран рассуждали о мировоззрении великого русского писателя. У мусульман всего мира, но особенно России, к Толстому интерес особый, ибо по-прежнему горячо обсуждается вопрос: был ли Лев Толстой мусульманином? Столетняя годовщина в Астапово заставила вновь задаться вопросом: почему именно до Владикавказ, на мусульманский Восток, был куплен последний в жизни Толстого железнодорожный билет? Почему в конце жизни гений рвался в пространства своей юности – на Кавказ? Не было ли это своего рода хиджрой?

Сама постановка вопроса вовсе не искусственна – понятие «хиджра» (время самых тяжелых испытаний, изгнание из родного города, проклятие со стороны близких и родных), взятое из жизни пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!), – было привычным для русского образованного общества. Так, к примеру, Пушкин назвал свое бегство из имения отца Михайловское в соседнее Тригорское. А чуть позднее именно там, на Псковской земле, он создал свои знаменитые «Подражания Корану» и «Пророка» с его ветхозаветно-коранической образностью. Так, шутивая фраза в письме к Вяземскому от 29 ноября 1824 г. «Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину...», оказывается, говорила о духовной близости к Пророку.

Предлагаем вашему вниманию статью культуролога Джанната Сергея Маркуса, написанную специально для «Четок». Ранее совместно с профессором-востоковедом Саидом Кямилевым он работал над темой «Лев Толстой и ислам» по заказу Всемирной исламской лиги – Рабита (Джидда, Саудовская Аравия) и в 2007 опубликовал статью на русском и на арабском. Затем в дополненном виде она появилась в 2009-м, потом в 2010-м (под редакцией философа Али Вячеслава Полосина) на русском и казахском языках.

* Джаннат Сергей Маркус (р. 1955) – культуролог, журналист, поэт. Окончил Филологическую спецшколу при МГУ, затем исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (1979). Как ученик священника-богослова Александра Меня занимался у него патристикой и историей христианской церкви, в музеях «Коломенское» и Звенигорода – историей и пропагандой древнерусской культуры. Основатель и один из ведущих цикла программ о религиях мира на государственном «Радио России» (1990–2006). Автор справочника-антологии «Тува: словарь культуры» (2006). Креатив-редактор сайта «Ислам в СНГ» (с 2010). Область научных интересов: диалог цивилизаций, сравнительное религиоведение, культура ислама и христианства, тюркология.

Лишь единицы писателей становятся признанными классиками уже при жизни и известны всему миру – таковым был русский писатель граф Лев Николаевич Толстой (1828–1910 гг.). Уже к концу XIX века его имя было известно не только в самой России, где он стал любимейшим автором, не только на Западе, но и на Востоке. Огромную роль в этом сыграли его активная переписка с известными духовными лидерами восточного мира (индусом Махатмой Ганди, египтянином Мухаммадом 'Абдо и др.), а также популяризация его идей в мусульманской прессе как на арабском, так и на тюркских языках.

И творчеством Толстого, и его яркой общественной позицией интересовались миллионы – от государственных деятелей до самых простых людей. Люди на Востоке хотели знать как можно больше об этом неординарном человеке, желали поближе познакомиться с его идеями и произведениями, о которых так много писала пресса. Образованная часть восточной интеллигенции взялась за переводы работ Толстого (сначала с европейских языков, а позже – непосредственно с русского оригинала). Причем сразу переводилась как художественная проза, так и публицистика – в двух этих формах литературы великий писатель выступал одновременно и как богоискатель, и как духовный мыслитель.

Каковы же были этапы религиозных исканий Толстого, что его вдохновляло и к какому итогу он пришел в конце жизни? Можем ли мы говорить о точке в конце его пути, или он оставил поклонникам своего гения многозначительное многоточие? Наконец, каково было его понимание ислама? На эти вопросы мы постараемся ответить в этой статье. И подчеркнем, что в современной России вопрос о том, стал ли великий писатель мусульманином, актуален и горячо обсуждается! Немаловажен он и для всего исламского мира, ибо наследие Толстого давно уже стало достоянием мировой классики, и до сих пор он – один из самых читаемых и оттого влиятельных писателей мира.

Что Толстой знал об исламе и мусульманах?

Во-первых, уточним, были ли у Толстого жизненные пересечения с мусульманами и что он знал об исламе? Оказывается, личных контактов и знаний у него было, пожалуй, больше, чем у любого другого классика русской литературы.

Когда ему было 13 лет, семья переехала в Казань, древний город на Волге, бывший в Средневековье одним из мусульманских центров в Поволжье, в XVI веке покоренный царем Иоанном Грозным, но все же сохранявший своеобразие старинного исламского стиля жизни.

Именно в Казани дед будущего писателя Илья Андреевич был губернатором с 1815 по 1820 год, там и поныне сохранилась его могила в Кизическом некрополе. Он умер под следствием за служебные злоупотребления. Его внуки переселились в Казань из Москвы к новой опекунше – сестре отца П.И. Юшковой. В 1844 году юный Толстой в 15 лет, вслед за братом Дмитрием, поступил в Казанский университет на Отделение восточных языков философского факультета. Затем, правда, он перевелся на юридический факультет, где проучился неполных два года – и, таким образом, полный курс университета не окончил.

Пусть недолго, но здесь Толстой учил арабский и тюркские языки под руководством крупного ученого Мирзы Казем-Бека (1802–1870) – одного из основателей российского

востоковедения. Учил – не значит, конечно, что выучил. Поэтому мы вправе говорить лишь о его первом знакомстве с арабским и тюркским. Стоит отметить, что происходило это на единственном в России в то время восточном факультете по разряду арабско-турецкой словесности. А на вступительных экзаменах он, кстати, показал отличные результаты по обязательному для поступления «турецко-татарскому языку». Когда мы сегодня, подводя итоги тысячелетнего развития российской цивилизации, говорим о ее особом евразийском характере, о синтезе славянских и тюркских начал, такой языковой опыт молодого Толстого вполне показателен. Мир Востока не был для него «заморской экзотикой». Понимание этих родственно-соседских миров и интерес к ним были заложены именно в Казани, с юных лет Толстого. Недаром в 2010, юбилейном году в отреставрированном доме Юшковой открывается новый Дом-музей Л.Н. Толстого. И главной темой как экспозиции этого нового объекта культуры, так и будущих исследований, проводимых в нем, очевидно, станет «Толстой и ислам, русский классик и тюркское наследие вчера и сегодня».

Кавказ – война Российской империи против народов Кавказа – начало писательства

В 1851 году старший брат писателя Николай уговорил его ехать вместе на Северный Кавказ, где почти 3 года Толстой жил в казачьей станице на берегу реки Терек, выезжая в Кизляр, Тифлис, Владикавказ и участвуя в военных действиях (сначала добровольно, потом по службе). Военные участвовали, как тогда говорилось в официальной хронике, в «усмирении Кавказа» – по сути, это была борьба за колониальное владычество Российской империи на землях восточных народов, часть которых исповедовала свои древние языческие культы, часть – православие, но большая часть – ислам. Сподвижники пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!) пришли в предгорья Кавказа, в город Дербент, еще во II веке *хиджры* (то есть, в VIII веке нашей эры). Но исламизация труднодоступных горных районов Кавказа шла медленно, продвигаясь, как подсчитали сейчас историки, со скоростью 1 км в год. Лев Толстой напрямую сталкивался с людьми именно этого многонационального и сложного мира.

Сначала он прожил около 5 месяцев в Пятигорске в простой избе, в полном уединении. Здесь он большую часть времени проводил на охоте, в обществе казака Епишки (прототипа Ерочки в «Казаках»). Затем, оформив необходимые документы, осенью 1851 г. сдал в Тифлисе экзамен и поступил юнкером в 4-ю батарею 20-й артиллерийской бригады, стоявшей в казачьей станице Старогладове, на берегу Терека, под Кизляром. Забегая вперед, скажем, что позднее, в советское время, здесь будет организован уникальный музей-заповедник, посвященный кавказскому периоду жизни Толстого и воссоздающий быт станицы середины XIX столетия. Не менее уникально и то, что в огне двух чеченских войн конца XX века именно этот дом-музей бережно сохраняют почитатели таланта великого писателя – как русские, так и чеченцы.

Величественная природа Кавказа, быт и нравы воюющих сторон, характеры, сформированные «духом гор» и исламом, воплотились в автобиографической повести Толстого «Казаки», рассказах «Набег», «Рубка леса», а также в поздней повести «Хаджи-Мурат». Вернувшись в Россию, писатель отметил в дневнике, что полюбил этот «край

дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода».

До конца дней он пронес память о друзьях-кунаках из кавказцев. Однажды молодой легкомысленный граф проигрался в карты и ему грозила долговая яма, но его спас чеченец Садо Мисербиев, полностью отыгравший его долг. В Чечне помнят об этом и в наши дни. Однако здесь же развивается своеобразная новая мифология, утверждающая, будто Толстой встречался с суфийским шейхом Кунта-хаджи Кишиевым, чьи парадоксальные идеи «ненасильственного сопротивления» (в условиях Кавказской войны!) развил позднее в собственной философии «непротивления злу насилием».

Между тем текстологи утверждают, что писатель ни разу не помянул даже имени этого шейха. Потому у нас нет оснований говорить об их прямом контакте, но сходство их идей не вызывает сомнений.

На Кавказе офицер Толстой провел два года, участвуя во множестве стычек с горцами и подвергаясь всем опасностям боевой кавказской жизни. По его мнению, он вполне имел право на Георгиевский крест, но не получил его, чем, видимо, был огорчен. Однако самым важным событием кавказской жизни стало для него начало писательства – это стоит отметить особо. Да, именно в испытаниях Кавказской войны, на стыке русского и кавказского миров, родился Толстой как писатель. В глухой станице молодой Толстой обрел лучшую часть самого себя: он стал писать. В 1852 г. отослал в редакцию петербургского журнала «Современник» первую часть будущей трилогии: «Детство».

Крым – татары Крыма – переводы на тюркские языки

В конце 1853 года разразилась новая, именуемая в русской историографии Крымской, в тюркской литературе – Восточной, война, точнее очередной виток военного противостояния Российской и Османской империй. Толстой перевелся в Дунайскую армию, участвовал в сражении при Ольтенице и в осаде Силистрии, а с ноября 1854 по конец августа 1855 г. воевал в самом Крыму, в Севастополе.

Знаменитые «Севастопольские рассказы» написаны Толстым в Крымскую войну, там в осажденном англичанами Севастополе молодой офицер-писатель командовал артиллерийской батареей, проявив редкую личную храбрость, за что был награжден орденом Святой Анны и медалями. В Крыму он познал не только героизм и трагизм войны, но и нравы крымских татар, коренного мусульманского населения этого края. Более того, часть важнейших замыслов, появившихся в те годы, позволяют угадывать в молодом офицере позднего Толстого-проповедника: в Крыму он стал мечтать об «основании новой религии», очищенной от позднейших наслоений и «практической» религии Христа.

Удивительно тесным стало общение Льва Толстого с мусульманами-тюрками. Можно обобщенно сказать, что его нравственная проза, а затем и публицистика, обличавшая пороки российского общества и позицию руководства православной церкви, которая в противостоянии народа и правительства чаще занимала сторону последнего, вызвали бурю симпатий у мусульманских тюркских народов Российской империи.

Первыми в 1896 году стали активно переводить Толстого на свой язык азербайджанцы. Он переписывался и лично общался со многими татарами, как сторонни-

ками традиционного мусульманства, так и обновителями. И эта сторона его жизни – диалог с татарами – тоже отдельная увлекательная тема. Если с носителем арабской учености – одним из наиболее ярких реформаторов-муджадидов Нового времени Мухаммадом 'Абдо (1849–1905), который был в 1899–1905 гг. главным муфтием Египта, – Толстой мог только переписываться, то с татарами – неоднократно общаться лично. По словам современного исследователя Азата Ахунова (Казань), «в татарской прессе 1905–1907 годов, в пору бурного национального возрождения татар, Льву Толстому уделялось столько внимания, сколько не доставалось всем другим русским писателям, вместе взятым.

Его необычайно волновали религиозные вопросы, в частности ислам, или, как тогда говорили, магометанство. Татары знали об этом и писали ему о своей вере: спрашивали, советовались, спорили. Он отвечал им. Татары не только писали Толстому, они ехали к нему в Ясную Поляну. Тема “Толстой и татары” необычайно обширна. В конце XIX – начале XX века не осталось, пожалуй, ни одного татарского писателя или общественного деятеля, который в той или иной мере не обращался бы к творчеству и учению Льва Николаевича Толстого...»

Шейх-Касим Субаев писал Толстому из Казани: «Великому учителю нравственности. Я от имени всех мусульман России приношу благодарность за то, что Вы учили нас и вообще народы без различия вероисповедания и национальности. И кроме того, Вы, великий учитель жизни, трудились, описав жизнь башкир в маленьком, но ценном произведении – рассказе «Ильяс», который я перевел и издал». Здесь упоминается еще один из мусульманских народов России – башкиры, к которым на лечение кумысом (лошадиным молоком) ездил Толстой в 1862 году в местечко Каралык.

Подчеркнем, что в зарубежных исламских странах Толстой не бывал, но лично знакомился с исламом через жителей Кавказа, татар и башкир. География его «исламских путешествий» – это Северный Кавказ и Астрахань, Оренбург и Башкирия, татарские поселения в Поволжье и на Пензенской земле, наконец, Крым.

Особую известность в России вызвала переписка Толстого с татаринцом Асфандияром Воиновым. Возмущенный определением Синода – главного органа православной церкви – от 22 февраля 1901 года об отлучении Льва Николаевича от церкви, Воинов писал ему из Стамбула: «Признаюсь, прочитав об их обращении с Вами, я содрогнулся за Вас, да спасет и побережет Вас Всемогущий». В те годы все российские мусульмане были так же незащищены перед лицом официальной власти, органом которой был Святейший Правительствующий Синод, как и Толстой. «Таких людей, как наш дорогой учитель и мировой писатель (не будет сказано в льщение), рождают не годы, а века, а особенно старая матушка Россия родила в 2000 лет только одного в лице дорогого нашего графа Л.Н. Толстого, да просветится его душа теперь и в будущем вечно, незабвенною памятью!» – пишет Воинов Толстому.

«Переходя к Вашему веровосстановлению и понятию, вижу, что Вы признаете и верите во единого Бога. Это очень хорошо. Это самое есть вера ислама и учение Пророка». Толстой вполне доброжелательно отвечал на эти письма из Стамбула. «Ваше согласие с главными пунктами моего верования, выраженного в ответ Синоду, очень было мне радостно. Я очень дорожу духовным общением с магометанами», – писал он Воинову.

Однако переписка Асфандияра Воинова с Толстым привлекла внимание царских властей и показалась им крайне опасной. Растущий авторитет писателя среди российских мусульман требовал немедленного ниспровержения. Тогда дело дискредитации писателя было поручено казанскому миссионеру Якову Коблову, который выступил с большой «разоблачительной» статьей «Граф Л.Н.Толстой и мусульмане» (журнал «Православный собеседник», 1904. Ч. I). Статья была полностью основана на переписке Воинова с Толстым, но об этом не говорилось ни слова. Таким образом, полемика, которую вел Толстой с государством и церковью, стала для него и мусульман России во многом общей, крайне важной духовно и очень опасной социально. А мужественный пример Толстого вдохновил многих мусульман на пробуждение: стремление возродить веру отцов и сделать ее равной в условиях демократизации страны.

ТОЛСТОЙ ПЕРЕОСМЫСЛИЛ УЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Как известно, честные духовные поиски привели Льва Толстого к переосмыслению значения христианской церкви: «Мир делал все что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, поспевать за ним в своих объяснениях смысла жизни. Мир учреждал свою, во всем противную учению Христа жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что в этом то состоит учение Христа», – писал Толстой в своей родовой усадьбе Ясная Поляна в марте 1909 года.

К такому выводу Толстой пришел не сразу, а после серьезных исследований и многочисленных бесед с верующими разных христианских конфессий. Так, он прежде всего взялся за исследование богословия православной традиции, написал и издал в 1891 году в Женеве (в России такую книгу не пропустила бы цензура!) свое «Исследование догматического богословия», где подверг критике «Православно-догматическое богословие» митрополита Макария (Булгакова), книгу, лежавшую в те годы в основе обучения священников в семинариях и духовных академиях. Наряду с проработкой теории и изучением текстов Лев Николаевич вел личные беседы со священниками и монахами, ходил к знаменитым возродителям византийского мистицизма (исихазма) – старцам Оптиной Пустыни под Козельском (Калужская область). Чтобы читать в подлиннике первоисточники христианского учения, он изучал древнегреческий и древнееврейский языки. При этом в изучении иврита ему помогал московский раввин Шломо Минор. Толстой был внимателен и к христианам, не входившим в лоно Российской православной церкви: он присматривался к старообрядцам (которых официально именовали презрительно «раскольниками»), сблизился с вдумчивым крестьянином Сютаевым, беседовал с молоканами и штундистами (так называли ревнителей «чистого христианства», ныне классифицируемых как протестанты).

В итоге этих исследований и бесед из-под пера Толстого вышло немало ярких обличительных статей о церкви, «изменившей Иисусу». За этим последовало официальное «отлучение от церкви» Льва Толстого – по-гречески «анафема», которая была провозглашена во всех православных храмах России. Это было потрясением для всей

страны! Один из самых читаемых и любимых авторов оказался не угоден официальной церкви, являвшейся тогда духовной и идеологической опорой российского самодержавия!

С замиранием духа – кто с недоверием, кто с надеждой – просвещенные люди России следили за тем, что же позитивного обретет великий писатель-мыслитель после анафемы, разлучения с церковным христианством? А он трудился над новым переводом, точнее говоря, над собственным переложением Евангелий, издал книгу «В чем моя вера?», множество статей о вере и трезвом образе жизни, вел активную переписку со многими богоискателями и духовными учителями, причем не только в России, но и за рубежом. Сам за себя говорит заголовок одной из статей Толстого – «Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении» (1907).

Толстовская критика догматов православия, его богослужбной практики (литургии), церковной истории и социальной доктрины основывалась на том, что эта доктрина, по мнению писателя, освящала насилие и несправедливость людей, облеченных властью и деньгами. Его критика церковного христианства помогает мусульманину понять, как слова и дела Иисуса Христа, Пророка Единобожия, были затемнены и извращены официальными правителями для оправдания собственных злоупотреблений и стали поэтому противоречить самим себе и замыслу Творца. Мусульмане XXI века могут найти в мыслях Толстого немало современных объяснений сути Таухида (Единобожия) и аргументов в пользу необходимости ниспослания Корана.

В дни мучительных поисков, окруженный непониманием, Толстой писал в одном из писем: «Я бы очень рад был, если бы вы были бы одной веры со мной. Вы вникните немножко в мою жизнь. Всякие успехи жизни – богатства, почестей, славы, – всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни – либералы и эстеты – считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие – революционеры и радикалы – считают меня мистиком, болтуном; правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом. Признаюсь, что это тяжело мне... И потому, пожалуйста, смотрите на меня, как на доброго магометанина, тогда все будет прекрасно». Вот из этих слов, казалось бы, можно сделать вывод о том, что Лев Николаевич принял ислам – но не все так однозначно...

Какой символ веры обрел Лев Толстой?

Во-первых, писатель не принял ислам открыто и ясно, не имел мусульманской практики. Нельзя забывать, что одновременно с поиском правды об Иисусе, он восхищался и Буддой, и Конфуцием. Он вел интенсивную переписку с ревнителями разных духовных традиций, к примеру, с Махатмой Ганди, включал их тексты в сборники изречений «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903) и «Круг чтения» (1904–1908). У индийских и китайских мудрецов он также искал «универсальную общечеловеческую истину».

Боле того, Толстой в поисках универсальности прошел через временное увлечение бабизмом и выросшим из него бахаизмом, которые привлекли его тем, что заявляли о возможности продолжить миссию Пророка Мухаммада, соединяя ее с иными религи-

озными учениями. И все же искусственность этого «синтеза» не позволила Толстому остановить выбор на учении мирзы Хусейна 'Али Нури (1817–1892).

Мы уверенно можем говорить, что последние годы творчества Толстого – это напряженный духовный поиск универсальной истины на основе того, что он признал подлинным в учении Иисуса Христа. Однако сам он не считал сделанные им переложения Евангелия и свои статьи на моральные темы итогом своих поисков – парадоксально, но так восприняли эти тексты люди, создавшие еще при его жизни движение, получившее название «толстовство». Да, да – именно так – Толстой объективно породил «толстовство», но сам субъективно не был «толстовцем» и отказывался от роли учителя и лидера нового течения! Позднее религиоведы справедливо классифицируют «толстовство» как неопротестантское течение в русском христианстве. Заметим сразу, что по учению и особенностям быта оно буквально стоит на пороге ислама... но порог этот все же не переступает.

В последние дни жизни, Лев Толстой, бросив дом, отправился сначала к своей сестре Марии, инокине Шамординского монастыря, а затем к знаменитым духовным наставникам православной России – старцам Оптиной Пустыни. Православные историки пытаются на основании этого порыва, этих бесед с монахиней и старцами, а также того, что для примирения с церковью из Оптиной вслед за ним был отправлен старец Варсонофий, сделать вывод, что Толстой «готов был раскаяться и вернуться в лоно церкви». Одни говорят, что «его нужно простить и вернуть ортодоксальному христианству», другие строго указывают, что «для того нет оснований и Толстой ушел из жизни, оставшись непримиримым противником православной церкви».

Важнейшими для определения веры человека является или прямо им заявленная *шахада* (исповедание, свидетельство веры), или последняя предсмертная воля. Если первого Толстой не сделал, то давайте вслушаемся в сказанное им на рубеже жизни и смерти.

6 (19) ноября 1910 года Лев Николаевич Толстой произнес последние слова, обращенные к собравшимся у его постели близким: «...Пропасть народу, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва... Мужики так не умирают...» И уже в полузабытии: «Люблю истину...» Потрясающая сцена и удивительные слова! Не стоит уподобляться тем, кто неблагоговейно относится к тайне веры, к тайне личности и перехода в мир иной великого мыслителя и писателя. Скажем прямо: Аллаху 'алим – это ведомо лишь Всевышнему! И не будем искать определенного ответа на вопрос – с каким вероубеждением пересек Лев Николаевич последнюю черту. Он не дал для этого ясных оснований.

Единственное, что можно сказать с определенностью: Лев Толстой многое понимал и ценил в исламе, знал правоверных разных национальностей, дружил и переписывался с ними. И оставил нам как высоко художественные образы мусульман, особенно кавказцев и татар, так и не всегда бесспорные, но глубокие и волнующие мысли об исламе. Вдохновленное им массовое религиозное движение «толстовцев» было близко к исламу, но не двигалось в эту сторону. Будучи во многих чертах быта и веры близкими мусульманам, толстовцы развились и остаются в русле христианства. В целом духовный поиск Толстого, который хотел извлечь все самое ценное

из всех традиций, шел в надконфессиональном направлении, по пути обретения «универсальной общечеловеческой истины», потребность в которой он ощутил еще в молодости на Кавказе.

Подводя итог, можно уверенно сказать: из жизни земной в мир иной писатель ушел ханифом-единобожником. В этом духовная ценность его пути для всех его читателей. А в остальном – пусть да рассудит Аллах, ибо только Ему принадлежат наши сердца! Аллаху ‘алим.

Вместо послесловия. Так была ли ХИДЖРА?

Все сказанное приводит к мысли, что слово «хиджра» в отношении последних дней Льва Николаевича если и можно применить, то крайне условно – как необязательную метафору.

Но в широкой общественной жизни все происходит по-своему: мусульмане (как и протестанты разных направлений, а в последние годы даже православные России!) и при его жизни, и в наши дни стремятся «приписать Толстого» к своей духовности. И на то ведь есть некоторые основания (о чем говорилось выше). Мы в России даже не осознаем, как и чем наследие Толстого дорого людям иных культур. К примеру, я принимал участие в телемосте на тему «Лев Толстой и ислам», организованном телеканалом «Русия аль-Яум» (Россия) с Иерусалимом. Собеседник-араб – профессор местного университета – поразил заявлением, что «мусульмане почитают Толстого за то, что он, граф и высокий придворный, принял ислам и отправился на Кавказ защищать мусульман от царских войск, перевел Коран и хадисы, а его “Война и мир” рассказывают о великом подвиге русского народа, который изгнал Наполеона, освободив и Европу, Палестину и Египет от французов!» Эта «арабская легенда» тиражируется, оказывается, во множестве текстов. Фантастические домыслы, среди прочего, перемешаны с фактами, которым мы не придаем значения. А именно: покоренные наполеоновскими войсками арабские страны видят и ценят русскую армию как свою освободительницу, а эпопею Толстого – как портрет страны-освободителя. Это одна из основ симпатий Арабского мира к России в целом.

Большое впечатление на многих мусульман произвел и сам факт подготовки Толстым к публикации подборки хадисов с предисловием. Но они, ценя этот вклад в просвещение читающих по-русски, должны знать (и осмыслить!) другие факты. К примеру, именно по инициативе и под редакцией Льва Николаевича выходили тексты индийской и китайской религиозных традиций. Вот, вкратце, что он сделал для популяризации китайской духовности. В 1909 и 1913 годах перевод «Дао дэ цзина» в толстовской интерпретации исполнил японец Масутаро (Даниил Петрович) Кониси (1862–1940), живший в России и отказавшийся под влиянием Льва Николаевича от православия. Русское издание получило название «Лао Си, Тао-те-кинг, или Писание о нравственности». В сборники мудрых мыслей Толстой поместил 60 цитат Конфуция в переводе того же Кониси. Под редакцией Толстого в 1910 году вышла и брошюра П.А. Буланже об учении Мо-Ди с акцентом на безрелигиозность его философии (в европейском смысле слова) и положении о братстве между людьми – «Ми-ти, китайский философ». Одним словом, работа Толстого с мусульманскими текстами шла наряду с работой над текстами иных религиозных источников.

И недаром наш современник, философ Юрий Мамлеев, отмечает ценность диалога Толстого с индийской традицией: «У Толстого исключительно важно уникальное раскрытие им метафизики истинного я в человеке. Здесь он вошел в самое глубинное зерно метафизики Востока, и удивительно, что фактически это почти чистая веданта, точнее адвайта-веданта – вершина всей индийской мудрости. Толстой самостоятельно пришел к этому под конец своей жизни, писал, что в состоянии “истинного я ... нет ни зла, ни смерти”». Особое слово – об отражении толстовской мечты о ненасилии в реалиях XX века: «...эта сторона мировоззрения Толстого полностью восторжествовала в великой Индии, нашем верном друге, ибо Махатма Ганди был, как известно, учеником Толстого, и под влиянием последнего была осуществлена единственная в мире ненасильственная “революция” («Русская классическая литература как метафизическое явление»).

Не меньший, чем среди мусульман, след оставил Толстой и среди всех индийцев, включая исповедующих индуизм и буддизм. Вот как его оценивал сам Махатма Ганди, «отец новой Индии»: «Больше всего меня поразило в Толстом то, что он подкреплял свою проповедь делами и шел на любые жертвы ради истины... Он был самый честный человек своего времени. Вся его жизнь – постоянный поиск, непрерывное стремление найти правду и воплотить ее в жизнь. Толстой никогда не пытался скрыть правду, приукрасить ее; не страшась ни духовной, ни светской власти, он показал миру вселенскую правду, безоговорочную и бескомпромиссную».

Еще раз повторим – Толстой искал универсальную истину, а следы ее видел буквально в каждой из великих традиций мира. Задуманный им журнал полезного чтения «Чётки», вне сомнения, состоял бы из разноцветных камушков, собранных в текстах всех времен всех народов.

Да, своего рода загадкой до сих пор остается последний маршрут великого писателя и богоискателя: билет на Рязано-Уральской железной дороге был взят до Владикавказ. То есть, символически – из центра России (Рязань) на Восток, прежде всего в тюркские просторы (Урал), место прибытия – Владикавказ, оплот Российской империи на Юге, на Кавказе, откуда начинается новый мир. Но какой это мир? Слишком неопределенно – Восток, Юг, Кавказ... А какие впереди духовные магниты, какие опоры, и была бы «точка остановки»? Всевышний забрал Льва Николаевича в Пути...

Ценя вклад Толстого в понимание ислама читающими по-русски, сравнивая (метафорически, условно) его уход из Ясной Поляны с хиджрой пророка Мухаммада – не будем преувеличивать его близость к исламу. Но и не будем закрывать глаза на то, сколь близко он подошел к Откровению, запечатленному Кораном и переданному исламской цивилизацией всему человечеству. И тем самым стал... частью исламской культуры – своими исканиями, творениями, наконец, мифами, которыми окружено его наследие.

Сабурово Московской области, лето 2010 года

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ*: ТОЛСТОГО НА ВСЕХ ХВАТИТ

– Павел Валерьевич! В ваших интервью и, конечно, в самой книге вы, подробно описывая конфликт в семье Толстых, лишь мимоходом, не вдаваясь в детали, упоминаете о конфликте Толстого с православной церковью. Для вас это запретная тема, которой вы не хотите касаться?

– Почему запретная? Этой теме я посвятил в книге много страниц. Самая большая глава называется «Отлучение и завещание». Дело в том, что проблема тайного завещания Толстого тесно связана с «отлучением» Толстого от церкви. В этом я полностью согласен с другим современным исследователем позднего Толстого – священником Георгием Орехановым, который выпустил интересную книгу о Черткове. Почему это так, фактически доказать невозможно, но это именно так. Ведь неслучайно завещание называется «духовным». Когда человек пишет его, он думает о том, что будет с его наследием после его смерти.

Я по возможности подробно рассматриваю историю появления «Определения» Синода об «отпадении» Толстого от церкви. Другое дело, что история эта и сегодня остается весьма темной и нуждается в самом детальном, беспристрастном исследовании. Ведь понятно, что в ней были замешаны и политика, и личные амбиции разных людей. До сих пор неясно, почему именно в 1901 году появилось «Определение», кто был инициатором? Победоносцев? Митрополит Антоний? Непонятным остается вопрос и об отношении самого Толстого к этому «Определению». Известно, что Толстой был удивлен формой «отлучения». Но что происходило в его душе? Для этого надо проанализировать письма, дневники и произведения Толстого, написанные после «Определения». Это тема отдельной книги, но не мне ее писать. Здесь был бы интересен взгляд, с одной стороны, священника (например, Георгия Ореханова), с другой – жесткого внецерковного аналитика.

* Павел Валерьевич Басинский (р. 1961) – писатель, журналист, литературный критик. Печатался в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов» и других. Автор нескольких книг: «Сюжеты и лица» (Москва, 1993), «Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции» (в соавторстве с Сергеем Федякиным) (Москва, 1998; 2-е изд. 2000), «Московский пленник» (Москва, 2004), «Горький» в серии «Жизнь замечательных людей» (Москва, 2005; 2-е изд. 2006), «Максим Горький: Миф и биография» (Санкт-Петербург, 2008), «Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Полловинкина» (Москва, 2008), «Лев Толстой: бегство из рая» (Москва, 2010). Кандидат филологических наук (тема диссертации «Ранний Горький и Ницше»). Член жюри премий Александра Солженицына и «Ясная Поляна» имени Льва Толстого. Редактор отдела культуры «Российской газеты».

– Существуют ли, по-вашему, перспективы пересмотра отношения РПЦ ко Льву Толстому?

– Здесь необходимо различать две вещи... Когда говорят о возможности отмены «Определения», то просто не понимают, о чем идет речь. РПЦ в 1901 году вынесла «Определение», что Лев Толстой «отпал» от церкви. В ответном письме Синоду Толстой этот факт признал. До самой смерти он никак не высказал желания вернуться в лоно церкви. В завещании он просил похоронить его без церковного обряда. Как же можно отменить то, что является правдой? Это было бы насилием и над историческим решением РПЦ (в данном случае уже не важно – правильным или нет), и над посмертной памятью самого Льва Николаевича. Он при жизни не захотел вернуться в церковь, так зачем мы будем насильно возвращать его через сто с лишним лет? Абсурд!

Но вот пересмотреть свое отношение к Толстому Церковь, мне кажется, могла бы. В этом я солидарен с праправнуком писателя, директором музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимиром Толстым, который не раз публично об этом заявлял. Я бы добавил, что это отношение надо не пересмотреть, а заново определить. Уже сто лет прошло со смерти Толстого. За это время случились революция, Гражданская и Отечественная войны, новое изменение политического строя России. XXI век наступил с его глобализацией, новыми межконфессиональными проблемами. А Толстой у нас как был «еретиком», так и остался. И что же, будем продолжать пугать Толстым прихожан, среди которых, между прочим, учителя русской литературы, гуманитарии, просто образованные люди? Ведь семьдесят лет, пока Церковь находилась под фактическим запретом, Толстой, Достоевский волей-неволей поддерживали в русских людях веру в Бога, в бессмертие души. В детях между прочим поддерживали, еще со школьной скамьи. И вот Церкви вернули ее право духовного просвещения, и что же она делает? Внушает семинаристам, будущим священникам, духовным просветителям, что Толстой – это «еретик» и безбожник, враг православной веры? Это реальная проблема. Воцерковившихся учителей литературы буквально «глушит» в связи с Толстым. Что им говорить детям? Что Толстой безбожник, враг православия? Конечно, умный православный учитель всегда найдет, что сказать детям. Он расскажет пронзительную историю о последнем посещении Толстым Оптиной Пустыни, о трогательных отношениях с сестрой, монахиней Марией Николаевной Толстой. Но на Руси, извините, много дураков, и некоторые вещи нужно прояснять на официальном уровне. Вот и хотелось бы, чтобы РПЦ на этом уровне заявила свое новое, по прошествии целого века (и какого века!), отношение к великому писателю, чьи тиражи в мире являются вторыми после Библии. Или подтвердила свое старое отношение. По крайней мере что-то будет понятно.

– В свое время в качестве журналиста вы задавали этот вопрос родственникам Толстого. Я хочу переадресовать его вам: вы лично как человек православный хотели бы видеть на могиле Толстого крест?

– Зря я задавал этот вопрос. Он провокационный. Разумеется, на могиле Толстого не может быть никакого креста. Это означало бы насилие над покойным. И над его уже покойными детьми – тоже. Тут воля Толстого и его детей была вполне определенной – креста быть не должно.

Мне это не кажется ужасным. Еще раз напоминаю: мы пережили XX век. У нас миллионы (!) лежат в коллективных могилах, неизвестно где, без крестов, без звезд, без крохотных даже камушков. Вот и давайте, глядя на могилу Толстого, помнить об этом. Перед смертью Толстой сказал своим детям: «Одно советую вам помнить: есть миллионы людей, а вы смотрите на одного Льва». Ну что мы уперлись в этот крест? Если кому-то после поездки к могиле Толстого хочется отдохнуть душой, испытать благостные чувства, нет ничего проще. Стоит проехать несколько километров до Кочаков и посетить замечательное церковное кладбище, где под деревянными крестами покоятся Софья Андреевна, а также их со Львом Николаевичем дети, внуки. И все – Толстые. Может быть, я скажу кощунственную вещь, но мне кажется, что этих совокупных крестов вполне хватает и на некий символический, умозрительный крест над могилой Толстого.

– Каковы были отношения Толстого с православием, мы, насколько это возможно в рамках небольшого интервью, выяснили. А что с другими религиями? Вы не раз употребляете в своей книге выражение «Русский Будда» применительно к Толстому. Известно, что буддизм – это, скорее, не религия, а система взглядов, позволяющая человеку быть последователем другой религии (так?). Можно ли назвать в таком случае Толстого буддистом? Насколько буддизм повлиял на его мировоззрение? Или же – как в случае с другими религиями и философскими концепциями – Толстой искал в буддизме лишь то, что соответствовало его собственным воззрениям?

– Толстой, несомненно, искал в религиях только то, что отвечало его внутренним представлениям об истине. И к священникам он относился не как к жрецам, а как к обычным людям. Хороший человек, любит Бога, любит людей – он Толстому приятен. Алчен, завистлив, фальшив – неприятен. В этом было его коренное расхождение с Константином Леонтьевым, которого Толстой, тем не менее, очень уважал, встречаясь с ним в Оптиной незадолго до его смерти. Леонтьев считал, что в церкви ты не человеку кланяешься и руку целуешь, а его сану. А для Толстого сан не имел ни малейшей цены. Это очень серьезный, даже страшный вопрос. Каждый решает его сам...

О «буддизме» Толстого написаны сотни работ и книг. Это сложная философская тема. Как я могу обрисовать ее в нескольких словах? Одно могу сказать точно: он не был буддистом. Считать Толстого буддистом так же нелепо, как считать его, например, конфуцианцем. Конфуцианство – государственное учение, а Толстой был антигосударственник.

Толстого очень привлекала фигура Будды и некоторые аспекты его учения, которые были ему близки. Но стать русским Буддой (как и Христом) он не мог. Хотя именно к этому подталкивали его ученики, прежде всего Чертков, – уйти из семьи, возглавить новую церковь, «толстовскую». Но Толстой от этой миссии уклонялся, ему все это было неприятно. И умер он, как и Будда, в маленьком неизвестном поселке, отказавшись умирать в толстовской «коммуне». Будда тоже не захотел умирать в буддийском монастыре.

– Недавно мы готовили номер «Чётки», посвященный 200-летию со дня рождения Гоголя. Мы обратились к известному гоголеведо Юрию Владимировичу Манну с вопросом, можно ли считать Николая Васильевича православным писателем, как это пытается представить в наши дни РПЦ? Он ответил, что, на его взгляд, большой

художник шире границ любой религиозной конфессии. Насколько вы согласны с этим утверждением применительно к Толстому?

– Да, Толстой шире христианства. Но это не говорит о том, что он ближе к истине. Просто объективно он – шире христианства, буддизма, магометанства и любых конфессий. Он как бы вмещает в себя их сегменты, но истину ищет где-то в стороне. Да, это особенность большого даже не художника, а философа. Толстой – крупный философ, и просто смешно слышать, что как философ он не состоялся. Он не какой-то отвлеченный, а очень практический философ. Смотрите, Европа и Россия отказались от смертной казни. Толстой кричал об этом сто лет назад, над ним все смеялись. И я не удивлюсь, если еще через сто лет люди перестанут есть трупы животных, приготовляя их самым изысканным способом, и даже будут вспоминать о нашем времени (когда мы ели эти трупы), как о дурном сне. Я в этом не уверен, но могу себе представить. Сам я мясо ем. Но смертной казни уже не принимаю. Такой вот личный прогресс.

– В Интернете, в том числе русскоязычном, есть немало материалов на тему «Толстой и ислам». На последней книжной ярмарке в Каире я видел целых три книги разных авторов, посвященные отношению Толстого к исламу и его контактам с мусульманами. Хорошо известно, что Толстой проявлял большой интерес к исламу и, как следует из его писем, считал его выше в нравственном отношении, чем современное ему церковное православие. Не случайно еще при жизни Толстого в «Православном собеседнике» появилась статья Коблова «Граф Толстой и мусульмане», в которой автор не вполне убедительно пытался опровергнуть притязания мусульман на идейную и духовную близость с Толстым. Откуда в православных служителях культа столько страха и неуверенности, когда православие было господствующей религией и само фактически оттолкнуло Толстого?

– Нет, я не могу ответить на этот вопрос. Он не менее сложен и специален, чем «Толстой и буддизм». Я знаю только, что Толстой очень интересовался исламом, высоко оценивал его моральные принципы (не пить вина, например), но Коран как религиозная книга был ему гораздо менее близок, чем Евангелие. Толстой до конца дней называл себя внецерковным христианином. А то, что православные идеологи борются за Толстого с мусульманскими, меня даже устраивает. Значит, признают ценность, величие Толстого. И то, что мусульмане считают его своим, мне тоже очень нравится.

Толстого на всех хватит...

– Павел Валерьевич! Когда вы писали книгу «Лев Толстой: бегство из рая», добросовестный исследователь победил в вас журналиста. Вы постарались объективно подойти к фигуре Черткова, хотя и чувствуется, что ваши симпатии не на его стороне. Вместе с тем вы пишете, что Толстой иногда сам не понимал толстовцев и не всегда был им рад. Религиоведы классифицируют толстовство как протестантскую секту. Получается, что Толстой, сам того не желая, стал русским Лютером пусть и не столь успешным, как Лютер?

– Толстой никогда не был сектантом! Самый дух сектантства был ему неприятен. Он любил конкретных «толстовцев» – Черткова, Бирюкова, Гусева и других, но пар-

тию свою, секту он не хотел создавать. Чтобы понять это, нужно просто внимательно прочитать четыре тома его писем к Черткову. И все станет настолько ясно, что даже вопроса такого никогда не возникнет. Чертков, да, был сектантом. У него и воспитание было сектантское. Его мать, по сути, стояла у истоков рождения в России секты «пашковцев». Ее родная сестра была замужем за Пашковым, а сам Чертков дружил с Пашковым, жил на его даче в России (Пашков был пожизненно сослан в Англию). И Чертков всеми силами склонял Толстого стать таким же руководителем новой секты, но Толстой от этого «ушел», как в конце жизни ушел от жены.

Так что никакого русского Лютера не получилось. Вообще, надо уметь разделять реального Толстого и Толстого в наших головах. А то ведь сколько «голов», столько и «Толстых». Толстой буддист, магометанин, Лютер, «зеркало русской революции»... Лично для меня все эти мифические образы не имеют никакой цены. Слава Богу, я могу читать дневники Толстого, его письма, лучшие и самые достоверные воспоминания о нем. Что я и сделал перед тем, как написать книгу. Я вам скажу странную вещь. В моей книге – не «мой Толстой». В моей книге просто Толстой.

– Известно, что Толстой интересовался не только традиционным, как теперь говорят, исламом, но и отколовшимися от него течениями – такими, как, например, бахаизм. Тот же бахаизм фактически стал самостоятельной религией, возникнув в недрах ислама. Может быть, Толстому просто не повезло, и в иных политических и социально-экономических условиях он мог бы стать основателем новой религии? Религии, которая могла оформиться, возможно, на базе толстовства, но не в небольшую секту последователей, которых, как вы сами говорите, он не всегда понимал, а в полноценное религиозное течение?

– Именно так считает Владимир Бондаренко, написавший в газете «Завтра» целую полосу о моей книге. Я его мнение уважаю, но с ним не согласен. Ну хорошо, в России случилась революция, был «сталинизм», и «толстовство» задушили на корню. Реально задушили – почитайте письма (кстати, смелые!) Черткова к Сталину. Но в остальном-то мире? Что мешало «толстовству» реализоваться как новой религии? Кстати, в Индии «толстовство» сыграло огромную, в том числе и политическую, роль. Ганди был «толстовцем». И он практически применял идеи Толстого в ЮАР, а потом, во время борьбы с англичанами, дома. «Толстовство», таким образом, сыграло свою существенную роль в истории. Но как религия оно оказалось нежизнеспособным, потому что такой религии просто нет. Я бы скорее говорил об этике Толстого, в том числе, и о социальной, политической этике. Вот мы в этом году отмечаем 20-летие статьи Солженицына «Как нам обустроить Россию?». В ней он говорил о том, что этика, чувство справедливости выше «юридизма», выше любых целей политиков, что «обустроить» Россию могут только честные и совестливые люди. И это ведь тоже своего рода «толстовство». Послушали Солженицына? Вроде бы нет... Но само слово это, «обустроить», глубоко человеческое, «домашнее», вошло в наш политический лексикон. Его можно увидеть даже на рекламных баннерах. Это слово сейчас и в печати, и на устах. А ведь до статьи Солженицына оно было в «мертвом» словаре. И одно это играет колоссальную роль в нашей жизни. Хотя это мое мнение – тоже своего рода «толстовство».

– Вы, наверное, не любите фразу о том, что история не терпит сослагательного наклонения, и все же не удержусь от того, чтобы не задать вам такой вопрос. Как известно, Толстой во время своего бегства задумал ехать на Кавказ. Зачем? И если бы он добрался до Кавказа здоровый и невредимый, что было бы дальше?

– Я глубоко убежден, что если бы Толстой остался жить, он вернулся бы в Ясную Поляну. Он ведь не первый раз уходил из дома. А в 1910 году он бежал из дома потому, что жизнь в нем стала невыносимой. И это было элементарно связано с душевной болезнью его жены и интригами Черткова. Но сам Толстой это свое бегство рассматривал как проявление слабости, как свой «грех». Грех, а не подвиг! И он просто не вынес бы встречи с Софьей Андреевной, которая бы его догнала. Или продолжала бы писать ему письма, умоляя его вернуться. Толстой был невероятно деликатным и сострадающим человеком! Нам это трудно понять, потому что мы находимся во власти мифа о сильном, яростном Толстом, который якобы совершил «подвиг ухода». А Толстой в 82 года был просто страдающим от непонимания своих близких стариком, страдающим ужасно, вплоть до нервных обмороков, до бесконечных рыданий. И я не сомневаюсь, что Софья Андреевна, которая, в отличие от нас, очень хорошо знала своего мужа, «дожала» бы его, и он вернулся бы и продолжал мучиться. Переписал бы завещание, всем пытался бы угодить, всем сделать приятное. Жене, Черткову, детям... Всем, всем, всем... Ну вот такой он был...

Кстати, это был его недостаток как мужчины, как главы огромного и сложного семейства. Иногда нужно было просто стукнуть кулаком по столу и призвать всех к порядку, уважению к себе. «Прекратите этот раздрай вокруг моего наследства! Сядьте все вместе за стол и при мне договоритесь! А я еще подумаю, соглашаться с вашим коллективным решением или поступить по-своему». Но именно этого он сделать не мог. Потому что его воспитывал не отец, а три богобоязненные тетки, потому что он был «Лёвочка», а не страшный Лев. Помните, как Левин в «Анне Карениной» мучается перед тем, как выгнать из своего дома наглеца, который откровенно заигрывает с его женой? Вот это и есть Толстой... А к старости эта деликатность приняла какие-то даже чрезмерные формы. Жалко его невероятно! Но и Софью Андреевну жалко... И Черткова... Не смогли поделить между собой человека, которого хватало на весь мир.

– Возможен ли вообще такой человек, как Толстой, в условиях иных, чем те, в которых он жил и творил? Я имею в виду царскую Россию второй половины XIX – начала XX столетия?

– Ну, конечно, нет! И не в царской России дело, а в его деде, отце, матери, братьях, сестре... Его тетушках, которые оказали на него огромное влияние. Толстой не с неба свалился. Он весь плоть от плоти и дух от духа той самой России, которую мы, извините за банальность, потеряли.

(Беседовал Ренат Беккин)

Послания мудрости

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И АХМАДИЙСКИЙ ИСЛАМ* Равиль Бухараев, Нурым Тайбектеги**

1

Ахмадийское движение в исламе возникло в индийском штате Пенджаб в городе Лудиана в 1889 г. Основал его Мирза Гулам Ахмад (1835–1908) из Кадиана, который объявил, что ему было внушено откровение от Самого Бога. По словам Мирзы Гулама Ахмада, Бог назначил его вначале *муджаддидом* XIV века¹, затем – *ма'мура* (духовным руководителем), потом – Имамом Махди («верным лидером», приуроченным для спасения ислама от искажений, а мусульман – от сектантского и всяческого размежевания) и, наконец, – Обетованным Мессией².

Порядок принятия этих титулов отражает рост его духовного статуса до максимально возможного: согласно исламу, в том числе ахмадийского толка, пророка с новой религией или священной книгой после пророка Мухаммада быть не может. Мирза Гулам Ахмад считал себя подчиненным пророком, следующим по стопам Святого пророка Мухаммада, мир и благословения Аллаха да пребывают с ним. Согласно *хадисам* Святого Пророка, Мессия-Масих и Имам Махди едины в одном лице, которое по определению постоянно общается с Аллахом и наделено даром пророчества в том смысле, что получает откровения от Аллаха и передает их людям, не вводя нового закона и никак не изменяя шариата и *сунны* Святого пророка, мир и благословения Аллаха да пребывают с ним. Исходя из этого ахмадийская мусульманская община глубоко верует в Печать пророков и финальность пророческой стези в исламе по достигнутой вершинности, но не во времени.

До объявления своих притязаний Мирза Гулам Ахмад уже был знаменит как идейный защитник ислама своей эпохи, особенно после написания им книги

* Точка зрения редакции может не совпадать с позицией авторов.

** Равиль Раисович Бухараев (р. 1951) – русский татарский поэт, писатель. Окончил мехмат Казанского государственного университета и аспирантуру МГУ по кибернетике. Член Союза писателей СССР с 1977 года, член исполкома Европейского общества культуры и многих других культурных и научных обществ мира. Автор более 30 книг прозы, поэзии, религиозной философии и монографий по истории ислама и культуры татарского народа. В его переводе только что вышла в Англии поэма «Кысса-и- Юсуф» средневекового поэта Кол Гали.

Нурым Тайбек (р. 1970) – специалист по истории ахмадийской общины. Живет и работает в Алматы.

¹ Муджаддид – реформатор ислама. Согласно хадисам, хотя бы один *муджаддид* должен появляться каждый век по *хиджре*, однако никто более не претендовал на этот статус в течение четырнадцати столетий.

² Обетованный Мессия (масих мауд, Иса) – пророк, который, по Корану и *хадисам*, должен был явиться в XIV веке по *хиджре* для восстановления ислама и его духовной победы. Опять же никто кроме Мирзы Гулама не претендовал и на этот статус.

«Барахин-и-Ахмадийя» («Доказательства Ахмада») – трактата, направленного на утверждение превосходства ислама как религии над всеми религиями. Крупнейшие мусульманские духовные лидеры, впоследствии ставшие его главными оппонентами, признали, что «эта книга не имеет себе подобных, а в свете обстоятельств и нужд нашего времени не было никакой другой, подобной этой, во всей истории ислама», и даже публично призвали его «стать их “мессией”». В качестве основных доводов Мирза Гулам Ахмад привел аяты из Корана (36:21, 11:18, 7:36, 4:70, 62:3-4, 33:8 и др.), хадисы и мнения авторитетов ислама, Библию и Священные писания других религий.

Мирза Гулам Ахмад объявил, что объединение всех людей в совершенной вере – это воля Бога, а вся история человечества – непрерывная эволюция религий. В конце концов эта вера должна распространиться по всей Земле, охватив все народы и территории, а главное – вобрав все изначальные ценности и принципы всех предыдущих религий; религии те потеряют массовость, но будут существовать, пока живы люди. Ахмад доказывал, что эта универсальная единая вера – ислам, особо подчеркивая, что не принес нового учения или книги, а полностью подчиняется Корану и пророку Мухаммаду, не выходя за рамки ислама, а являясь «уммати наби» – рядовым пророком из мусульман.

Он – впервые в истории ислама – назвал созданную им общину в честь пророка Мухаммада по второму его имени (Ахмад) – ахмадийской. Термины «ахмадийят» и «мухаммадийят» со времени пророка Мухаммада являются единственными двумя полными синонимами слова «ислам», отражающими два периода из жизни Пророка. До хиджры – испытания духовной стойкости под гонениями идолопоклонников (ахмадийят), после хиджры – испытания на стойкость также и в физическом отражении их агрессии (мухаммадийят). Есть мнения виднейших исламских теологов о том, что ахмадийят в мир опять принесет Имам Махди, который, по хадису из «Маснад» Ибн Ханбала, отменит религиозные войны за совершенной их ненужностью в просвещенный век.

Таким образом, ахмадийят обозначает возрожденный первоначальный ислам, а слово «ахмади» – мусульманина, следующего принципам ислама, не разделенного на секты и толки, но восстановленного в своем первоначальном единстве.

Смыслом существования общины является мирная проповедь возрожденного и очищенного от небылиц и суеверий ислама и воспитание ее членов в духе просвещения и истинно исламской нравственности. Такая мирная проповедь с самого начала существования ахмадийской общины велась по всему миру, о чем свидетельствует и тема нашей статьи – переписка Льва Николаевича Толстого с одним из знаменитых проповедников ислама в его ахмадийском толковании.

2

Известно, что еще при жизни самого Хазрата Мирзы Гулама Ахмада 28 апреля 1903 г. его близкий сподвижник муфтий Мухаммад Садык, прочитав в тридцать третьем томе Британской энциклопедии об идеях графа Льва Николаевича Толстого в отношении к религии, написал ему письмо, в котором назвал его «жемчугом, поклоняющимся

единому Богу» среди «тмы церковных догматов, властвующей в Европе и Америке», имея в виду неприятие Толстым божественности Иисуса и христианских догматов вообще, и сообщил ему, что «мнения графа ... таковы же, каковые присущи истинному мусульманину». Между ними состоялась дружелюбная переписка, отражающая как желание муфтия поведать великому писателю о пришествии Обетованного Мессии и Имама Махди, так и начальный скептицизм Л.Н. Толстого по отношению к этому событию. Эта переписка приводится в Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого (Т. 74. С. 132–133).

Думается, будет полезно разобрать эту переписку как с точки зрения дальнейшего изучения взглядов Л.Н. Толстого на ислам и религию вообще, так и с точки зрения научной истории ахмадийского движения за возрождение ислама. Итак, письмо, написанное Толстому муфтием Мухаммад Садыком, имело следующее содержание (перевод мой. – Р. Б.):

«Ваше высочество! Я прочел о ваших религиозных взглядах в недавно выпущенном тридцать третьем томе Британской энциклопедии. Я рад тому, что настоящие жемчужины постижения подлинной природы Божественного встречаются даже в той тьме, которую понятие Троицы создало в Европе и Америке. Ваши мысли об истинном “благополучии” и молитве совершенно таковы, каковы они в этом отношении у истинных мусульман. Я совершенно согласен с вами в том, что Иисус был духовным учителем, однако считать его богом или молиться ему как богу есть величайшие неверие. Более того, я с огромным удовольствием хотел бы сообщить вам, что обнаружение гробницы Иисуса существенно укрепляет доказательства того, что он умер естественной смертью. Гробница была обнаружена в Кашмире. Книга об этом была опубликована Хазратом Мирзой Гуламом Ахмадом (мир ему), величайшим защитником Божьего Единства, которому Бог даровал титул Обетованного Мессии, ибо он полностью растворился в любви к Богу. Аллах назначил его, как Божьего человека, вдохновителем и реформатором нашей эпохи и подлинным посланником Бога. Бог благословит всех, кто уверует в этого пророка. Кто бы ни отверг его, станет объектом Божьего гнева. Я посылаю вам отдельной посылкой фотографию этого святого человека вкупе с фотографией гробницы Иисуса. После получения вашего ответа, я был бы рад прислать вам другие книги.

*Остающийся Вашим благожелателем,
Муфтий Мухаммад Садык из Кадиана,
28 апреля 1903 года».*

Книга Мирзы Гулама Ахмада, о которой идет речь в этом письме, называется «Иисус в Индии». Она существует в переводе на русский язык и является первой книгой, доказывающей на основе Евангелия, что Иисус Христос не умер на кресте, но пережил распятие и впоследствии отправился на поиски «заблудших овец Израиля» в сторону Индии, долго проповедовал там и похоронен в городе Сринагар в Кашмире. С тех пор эта гробница стала темой многочисленных книг и даже документальных фильмов, но первым, кто затронул эту тематику, безусловно, был Хазрат Мирза Гулам Ахмад.

Он указал, что Иисуса сняли с креста всего через три часа после распятия – обычно казнимый оставался на кресте в мучениях несколько дней, от суток до двух. Согласно данным медицины, Иисус не мог бы умереть на кресте за два или три часа. Следующий после дня распятия день был субботой, поэтому казнимых, в том числе и Иисуса, нельзя было оставлять на кресте после заката. В таких случаях им переламывали кости голени – и обоим разбойникам, которых казнили вместе с Иисусом, переломали ноги. Но этого не сделали с Иисусом. По словам Евангелия, Его уколол копьем римский солдат: «Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у него голени, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19:33–34).

Медицинская наука утверждает, что если человек умер и его сердце остановилось, то его кровь тотчас сворачивается и перестает течь. То есть, если бы Иисус был мертв, кровь и вода не истекли бы из его тела. Итак, его сняли с креста, и его ноги не были переломаны, как у двух разбойников, распятых вместе с ним, и его отнесли в пещеру, где его раны обработал врач Никодим, который применил для этого особый бальзам: «Пришел также и Никодим, – приходивший прежде к Иисусу ночью, и принес состав из смирны и алая, литр около ста» (Ин. 19:39).

Книга Мирзы Гулама Ахмада также предметно занимается пророческой миссией Иисуса, которая, по его собственным словам, состояла только в том, чтобы найти «заблудших овец Израиля». Мирза Гулам Ахмад делает из всего этого естественный вывод, что Иисус на самом деле был Божьим пророком и смертным человеком, как все остальные пророки.

Как следует из ответа Л.Н. Толстого, его на первых порах не слишком заинтересовали откровения Мирзы Гулама Ахмада, да и было бы удивительно, если бы это было иначе. Письмо муфтия Мухмаада Садыка проникнуто пафосом проповедничества, который, похоже, был воспринят великим писателем как бездоказательная высокопарность.

«5 июня 1903 года.

Муфти Мухаммаду Садыгу.

Милостивый государь,

Получил ваше письмо и листок с портретом Мирзы Гулам Ахмеда, а недавно – еще образцовый номер «Review of Religions». Доказательства смерти Иисуса и мнимое открытие его могилы совершенно бесполезны, потому что ни один разумный человек не может верить в воскресение. Что же касается человека Мирзы Гулам Ахмеда, которого вы называете обетованным Мессией, то все, что вы пишете о нем и что о нем написано в листке, не имеет для меня ни малейшего интереса. Нам не нужен Мессия, нам нужно только разумное религиозное учение, и если Мирза Гулам Ахмед может дать людям какое-нибудь новое и разумное учение, я был бы рад им воспользоваться, но я об этом ничего не знаю.

В «образцовом номере» я очень одобрил две статьи: «Как освободиться от греха» и «Будущая жизнь», в особенности последнюю. Мысль ее очень глубокая и очень верная. Очень благодарю вас за присылку этого номера и за ваше письмо.

Искренне ваш,
Лев Толстой»

Как мы видим из письма, в нем содержится некоторая противоречивость отношения Толстого к самому смыслу религии.

Во-первых, он пишет, что человечеству не нужен Мессия, но нужно верное религиозное учение, как будто такое учение может появиться само собой, без Божественной помощи. Складывается впечатление, что Толстой считает религию делом человеческого разума и человеческой нравственности, а не результатом Божьего внушения. Ведь, с позиций религиозных людей, и нравственность, и разум дарованы человеку Богом, так что считать их исходными точками для религиозной веры некорректно и чревато глубинным непримиримым противоречием в системе подобных взглядов. Если религию можно придумать – она перестает быть религией, а становится светской философией, опирающейся на авторитет придумавшего ее философа, а не на Божий авторитет. Так и произошло с толстовством – нравственным учением самого Л.Н. Толстого, которое не надолго пережило своего создателя, тогда как учение Хазрата Мирзы Гулама Ахмада охватывает все большее число людей по всему миру.

Во-вторых, с ходу отмечая возможность истинности Обетованного Мессии, Толстой тут же воздает должное его религиозным воззрениям, высказанным в журнале «Обозрение религий» – старейшем журнале сравнительного изучения религий, который систематически выпускается ахмадийской мусульманской общиной уже более ста лет. В яснополянской библиотеке хранится несколько номеров этого журнала с пометками Толстого. Мировоззрение ахмадийской общины настолько заинтересовало великого русского писателя, что его переписка (на английском языке) с муфтием Мухаммад Садыком продолжилась:

«1903 год, августа 10.23, Я. П.

Муфти Мухаммад Садыгу

Милостивый государь,

Я получил ваше письмо и 12-й номер «Review of Religions», и благодарю вас за то и другое. Многие статьи очень интересны, но, к сожалению, они большей частью посвящены полемике с Церквями. Не скажу, чтобы они были не убедительны, но думаю, что они бесполезны. Прочел также «Поучения обетованного Мессии». Совершенно верно, что они не содержат ничего противоречащего разуму, но я не нашел в них чего-либо нового или выраженного лучше, чем это было сделано раньше.

Вполне согласен с вами, что самое большое зло нашего времени – это отсутствие истинной религии, и думаю, что всякий человек, у которого есть религиозное сознание, должен всеми средствами, в особенности хорошей жизнью, стараться передавать его своим ближним. Вот все, что нам нужно и что поэтому нам следует делать в наше время.

Искренно ваш,
Лев Толстой»

Третье коротенькое письмо, написанное Толстым муфтию Мухаммаду Садыку, датируется 2 февраля (20 января) 1904 года. В то время муфтий был главным редактором

журнала «Обозрение религий» и в своем письме Толстому отметил, что поместил его в число ежемесячных подписчиков журнала, так как Толстой «заинтересовался направлением журнала». В ответ Толстой написал следующее:

«1904 год, 20 января/2 февраля. Я. П.

Мухаммеду Садигу.

Милостивый государь,

Благодарю вас за присылку «Review of Religions». Я очень интересуюсь вашей работой. Знакомы ли вы с учением Беха-Уллы и что вы о нем думаете?

Искренно ваш,
Лев Толстой»

Ответ на это письмо пока не найден, хотя среди статей «Обозрения религий» такой пространственный ответ на тему бахаизма имеется.

Вообще, из этой переписки складывается впечатление, что Толстой не был глубоко знаком с исламом и его духовной эволюцией, кульминацией которой является пришествие Обетованного Мессии и Имама Махди в Последние времена. Однако весьма примечательно, что, хотя Толстой и не поверил в истинность притязаний Мирзы Гулама Ахмада, он тем не менее нашел время, чтобы изучить его взгляды и прочесть его книги и статьи, а не стал с ходу, высокомерно и огульно, отметить эти притязания.

Это является еще одним высоким нравственным уроком великого писателя нашему времени, которое слишком часто в самых важных вещах довольствуется слухами, непроверенной информацией, а то и преднамеренной ложью. Да благословит Аллах тех, кто ищет истину.

ПИСЬМО ЧЕЧЕНЦЕВ ЛЬВУ ТОЛСТОМУ (1905 г.)

Владимир Бобровников, Илья Зайцев*

В Архиве Российской академии наук (далее: АРАН) в фонде выдающегося отечественного востоковеда-тюрколога, академика В.А. Гордлевского сохранилось письмо двух ученых чеченских мулл из селения Старые Атаги (أتاغ الكبير) Грозненского округа Терской области – Мусипа Паскаева (ملا مسيف بن فسك) и Цомы Мурдалова (ملا زوم بن مردال) – графу Льву Николаевичу Толстому с просьбой высказать мнение о вере и последних переменах в российском законодательстве (АРАН. Ф. 688. Оп. 1. Ед. хр. 167)¹. Это двойной лист (21,7x35 см), сложенный пополам, а затем еще втрое. Письмо обернуто в бумажный лист, содержащий фрагмент турецко-русского словаря (записанного рукой В.А. Гордлевского?), на этой обложке сделана пометка карандашом: «Толстой и мусульмане. В. Г[ордлевский]». Бумага фабричная русская, почерк – характерный северокавказский *наسخ*, принятый в действовавших на Восточном Кавказе учреждениях – военного и военно-народного управления «туземцами-мусульманами», а также судебно-административных. Арабский текст частично огласован. Письмо датировано 9 Раби ал-аввал 1323 г.х., приходящимся на 1 мая 1905 г. по старому, юлианскому, стилю, или на 14 мая по григорианскому календарю.

В.А. Гордлевский состоял тогда членом Восточной комиссии Московского археологического общества, куда, возможно, письмо было направлено для перевода. Академик очень интересовался судьбой произведений Л.Н. Толстого на Востоке, в частности в Турции; составил справку об известных ему к 1911 г. переводах произведений великого писателя на турецкий язык² и даже сделал несколько переводов его сочинений (в частности, рассказа «Три смерти») на турецкий, которые, правда, сейчас из-за редакторской правки вряд ли могут считаться образцовыми.

* Владимир Олегович Бобровников (р. 1964) – востоковед, кандидат исторических наук, заведующий сектором Кавказа Института востоковедения РАН в Москве.

Илья Владимирович Зайцев (р. 1973) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, руководитель программы золотоордынских исследований Фонда Марджани.

¹ Археографическое описание и общую характеристику письма см.: Зайцев И.В. Выставка «Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве РАН (Москва)» // Ислам минбаре. – № 6 (159). – 2008. – июнь; Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве РАН. Предварительные итоги описания // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры: Материалы международной научной конференции. Москва, 10-14 ноября 2008 г. – М., 2009. – С. 255–259, а также: Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве Российской академии наук. Каталог выставки. – М., 2008. Одному из авторов статьи довелось рассказывать о письме на текстологическом семинаре в музее «Ясная Поляна» 20 июня 2009 г.

² Гордлевский В.А. Толстой в Турции. (Библиографическая заметка) // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. – Т. II. Язык и литература. – М., 1961. – С. 437–438; Гордлевский В.А. Толстой в Турции. (Библиографическая заметка) // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. – Т. II. Язык и литература. – М., 1961. – С. 439–443.

Что касается судьбы письма чеченских мулл, то она оставляет закономерные вопросы. Лев Николаевич мог получить только перевод послания Мусипа Паскаева и Цомы Мурдалова, а оригинал остался у В.А. Гордлевского. Об ответе Толстого чеченцам ничего не известно. Поэтому, с другой стороны, можно предположить, что писатель так и не получил перевода письма из Восточной комиссии Московского археологического общества.

Основной текст документа написан на арабском языке³. К нему добавлены по-русски адрес и вводная сопроводительная записка «купца и дворянина Шугаиба Султан-Гереевича Алиева» из Воздвиженской слободы⁴, из дома которого письмо было послано. Нисбы говорят о его дагестано-чеченском происхождении, хотя в русской приписке сказано, что он «чеченец-магометанин». Дворянство его могло быть унаследовано от отца, поручика на русской службе. Шугаиб Алиев пригласил авторов письма для совершения известного поминального обряда *талкин* – чтения Корана – по его матери Сени Алиевой. Писавшие письмо чеченцы, вероятно, понимали русский язык на слух, о чем говорит обилие русизмов в его тексте. Отдельные слова – «газета», купец», «поручик», «округ», «область» и некоторые другие – записаны арабскими буквами по-русски. Но лишь хозяин дома Шугаиб знал русскую грамоту. Русское введение написано им примерно за неделю до арабской части письма – 25 апреля 1905 г. по старому стилю, как значится на адресе, или 8 мая по новому.

Письмо было откликом на издание связанного с начинавшейся Первой русской революцией рескрипта 18 февраля 1905 г. к очередной годовщине отмены крепостного права. Особому совещанию при Государственном Совете было поручено подготовить собрание избранных от населения. Это было началом разработки законодательства о Государственной думе⁵. Чуть позднее, 17 апреля, император Николай II подписал проект указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости». Это был знаменитый впоследствии законопроект о веротерпимости⁶. В Кавказском крае оба постановления оживленно обсуждались, в том числе и мусульманами. Здесь циркулировали самые разные слухи. Многие боялись отмены новых либеральных законов, недоступности их для мусульман. Проекты народного представительства в империи и либерализация ее конфессионального законодательства находились под пристальным вниманием кавказской прессы. Близкая к кадетам владикавказская газета «Казбек» напечатала мнение Л.Н. Толстого о необходимых переменах в законодательстве страны. Эта публикация послужила поводом к составлению письма. Чеченские муллы просили писателя объяснить значение обоих законов и подсказать, что им нужно делать.

³ Выражаем признательность дагестанским востоковедам А.Р. Наврузову и Ш.Ш. Шихалиеву за помощь в разборе арабской части рукописи.

⁴ Слобода при крепости Воздвиженской Кавказской укрепленной линии, основанной генералом от инфантерии Гурко В.И. в июле 1844 г. на передовой чеченской линии. В 1905 г. относилась к Грозненскому округу Терской области, созданной из части территорий Кавказской линии в 1860 г. К настоящему времени поселение не сохранилось. В 1919 г. крепость с поселением при ней были полностью разрушены чеченской Красной Армией во главе с Асламбеком Шериповым. Кстати, в начале июня 1853 г. Воздвиженскую посетил Лев Николаевич Толстой. В некоторых изданиях повести «Хаджи-Мурат» есть иллюстрация – Крепость Воздвиженская. Рисунок Е.Е. Лансере, 1912 г. Толстовский музей, Москва. См. <http://forum.istanitsa.ru/cgi-bin/yabb/YaBB.pl?board=26;action=display;num=1121458597;start=37>.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собрание 3-е. 1905 г. Изд. в 1907. – Т. 25. – № 25853.

⁶ ПСЗ. Собрание 3-е. 1905 г. Изд. в 1907. – Т. 25. – № 26126.

Руководствуясь принятыми в современной археографии принципами публикации источников, мы сохранили при издании письма его орфографические особенности и стиль, в частности, характерное «аканье» и слитное написание предлогов с существительными, говорящее о преимущественно устном восприятии русского языка Шугаибом Алиевым. В круглых скобках указаны листы (Л.) и столбцы (Ст.) рукописи. Русское введение письма печатается в современной орфографии и пунктуации. Арабский текст по смыслу разделен на абзацы. В нем учтены характерные особенности северокавказской арабоязычной пунктуации.

«(Л. 1. Ст. 2, низ) 25 апреля 1905 года
Слобода Воздвиженская
Терской области.

Адрес[:]
Слоб[ода] Воздвиженская
Терской области
Г[осподи]ну купцу и дворянину
Шугаиб Султан-Гереевич
Алиев (sic!)

Для телеграм[м:]
Воздвиженскую, Алиеву
(чеченец-магометанин)

(Л. 1. Ст. 1) Глубокоуважаемый Граф!

Лев Николаевич Толстой. Письмо это написали на арабском языке две⁷ муллы селения Старо-Атагинского Грозненского округа Терской области, чеченцы Мусип Паскаев и Цома Мурдалов в бытности их вмаем даму на малебне паслучаю смерти маей матери, вдовы поручика Сени Алиевой, скончавшейся на 88 гаду. По завецанию муллы должны были безастановочно трое сутак читать Коран вкомнате, где скончалась наша мать. Я читал муллам газеты «Биржевые ведомости» и «Казбек», вкотором между прочим было напечатавано Ваш разговор (sic!) с разъяснением мнения настоящего положения. Муллам очень понравилось Ваше ученье и Ваше бессмертные писанья. Они очень полюбили Вас иВаши великие слова. Муллы ия убедительно просим Вас, дорогой Граф, неоставить сообщить нам письмом или через печать Ваше мнение внастоящем перемены времени и законов 18 февраля и 17 апреля Высочайшей Милостью объявленных народу.

Ссовершенным почтением преданный Вам купец Ш.Алиев».

(Л. 1об. Ст. 1) Тому⁸, чьи прекрасные описания прославились среди людей, а достохвальные мудрые правила явились в роде человеческого славой солнца от восхода до заката⁹, а именно графу Льву Николаевичу Толстому (كِرَافُ لَوْه نِكَلَايِج تَلْسُتُوَه), проживающему в слободе (sic! кул'а) Ясная Поляна. Непреходящи твои слава и почет, пока отступает ночь и наступает день!

⁷ Так в оригинале вместо «два». Шугаиб Алиев, как уже говорилось, был нетверд в русской орфографии и грамматике.

⁸ Отсюда и до конца письмо написано на арабском языке.

⁹ В арабском оригинале букв. «между закатом и восходом».

Не умаляется мерило твоей мудрости, благодетельной для всех творений божьих в [разных] частях света божьего, пока не прекращается вечно дождь на божьей земле! Аминь!

Когда мы услышали упоминание о твоих достохвальных мудрых правилах и прекрасных деяниях, в то время как мы, то есть ученый мулла Мусип и ученый мулла Цома, оба проживающие в селении Старые Атаги¹⁰, занимались чтением Корана по матери торговца купца (النَّاجِرُ كُفَيْزٌ) Шугаиба (شُعَيْفٌ) сына поручика (فَرُوچِيكٌ) Султа[н]гере[я] Алиева Чеченского и Дагестанского (سُلْتَانِيٌّ عَلِيُوفُ الْجِجَانِيُّ الدَاغِسْتَانِيُّ), проживающего в слободе Воз[д]виженское Грозненского округа Терской области, все время росло наше страстное влечение и стремление к тебе, по причине того, что купец Шугаиб ночью и днем читал газету «Казбек» (كَزْبَيْتَ كَرْبِيكٌ), в которой упоминали тебя и твои достохвальные качества. Пока мы были в его дому, читая Коран по его покойной благородной матери Сени (سِينِي), купец Шугаиб ежедневно приходил, принося с собой газету «Казбек». Но не это самое главное. Он читал нам ее содержание, в то время как мы были в его¹¹ дому, занимаясь чтением Корана по его упомянутой матери. Но не это самое главное. Росло наше стремление услышать от тебя нужное нам в эти гибельные времена, превратности которых беспрерывно падают на нас в различных деяниях и переменчивых речах.

И еще мы слышали, что наш достойный государь, справедливый и заботящийся о подданных (مَلِكُنَا الْفَاضِلُ الْعَادِلُ الْمُنْصِفُ لِأَهْلِ الرَّعِيَّةِ), утвердил восемнадцатого февраля, подписав своей благословенной рукой, установление правосудия, правления и закона для всех подданных народов (جَمِيعِ أَهْلِي رَعِيَّتِهِ) избранием сведущих ученых, честных судей и добронравных доверенных лиц. Истинно ли это или нет? Если же это истинно, согласно тому, что мы слышали, то это милость, то есть, во-первых, милость от нашего Творца и, во-вторых, для нас от благодетельного государя, то, согласно тебе, нам нужно славить Всевышнего Аллаха (Л. 1. Ст. 3) в первую очередь и затем всемилостивого государя. Есть ли у нас доля в этой великой милости (تِلْكَ النِّعْمَةُ الْعَظِيمَةُ), нужной для всех творений, или нет? Обделены ли мы этой великой благословенной милостью или нет? Мы очень страшимся, что эта благословенная милость обойдет нас. Что нам теперь делать и что нам надлежит делать в этом положении, чтобы согласно добиться обретения этой великой милости? Приглашены ли явиться в утверждение этого правосудия, правления и закона наши ученые, судьи и старшины (عِلْمَانُنَا وَكِبْرَانُنَا) Или же эта милость нас обошла и сбора их и совещания с ними не будет?

Мы просим тебя написать нам, что есть первое и полезнейшее для нас в мире земном и мире ином, а мы будем послушны твоему решению. Бог же у нас один и это Единый Всемогущий Аллах! И отец у нас один и это Адам, да будет над ним мир! Мы жаждем увидеть тебя и услышать твою речь благодетельную, как дождь нужен жаждущему напиться прохладной воды.

Если бы у нас¹² были деньги, чтобы оплатить расходы на поездку, мы бы приехали к тебе, чтобы узреть твой благородный лик и выслушать твою речь, полезную для всех творений. Надеемся, что мы приедем к тебе позднее, как только найдем, как оплатить расходы на поездку. Поистине, лучшее у Аллаха, удерживающего его от нас, так что оно не может случиться.

И еще мы слышали, что семнадцатого апреля наш достойный и справедливый государь разрешил всем, бывшим в его подданстве, выбирать любое из вероисповеданий, когда они достигнут возмужания и совершеннолетия (حِينَ دَخُولِهِ فِي حَدِّ الرِّجَالِيَّةِ وَزَمَنِ الْبُلُوغِ). Истинно ли то, что мы слышали со стороны великого государя? Есть ли какая более великая милость, чем эта милость, происшедшая со стороны высокого государя?! Напротив, эта милость – явная добрая весть! Во-первых, это широкая милость от Всевышнего Аллаха, и, во-вторых, от облагодетельствовавшего нас ею государя. Мы же должны, во-первых, восславить Всевышнего Аллаха, и, во-вторых, облагодетельствовавшего нас этой милостью государя. Услышав про ту великую милость, одни из нас обрадовали других, посеяв радость и ликование (Л. 1. Ст. 2) в наших сердцах. Что ты скажешь про эту великодушную милость? Разве ты не считаешь¹³ ее великой милостью? Мы просим тебя прислать нам твои благодетельные слова, дабы чтением и слушанием их поучаться из них. Теперь мы «утром и вечером»¹⁴ смотрим в твою сторону и надеемся в будущем получить от тебя письмо с ответами. Надеемся, что ты не откажешь в этой к тебе просьбе и не повернешься к ней спиной, забыв о ней.

[Шлем] тебе с нашей стороны поклоны и разные приветы, пока длятся эта ночь и день.

Написал мулла Мусип сын Паски, проживающий в селении Старые Атаги, со своим товарищем, муллой Цомой сыном Мурдала, проживающим в селении Старые Атаги, а извещение об этом письме [написал] торговец купец Шугаиб сын Султа[н]герея Алиев Чеченский и Дагестанский.

Написано 9 Раби' ал-аввала 1323 года¹⁵.

Письмо чеченских мулл Толстому – еще одно свидетельство того, что среди его корреспондентов были российские мусульмане, прежде всего представители мусульманской духовной элиты, улемов, или, как говорили в Российской империи того времени, «мусульманского духовенства». В немалой степени внимание мусульман к Толстому и его общественной позиции было вызвано тем интересом, который писатель питал к исламу и его последователям. Исламское вероучение интересовало его еще за полвека до описываемых событий.

В мае 1862 г. Л.Н. совершил поездку в заволжские степи для того, чтобы лечиться кумысом в башкирских кочевьях¹⁶. Об этой поездке почти не осталось сведений, лишь

¹⁰ Неточный перевод названия селения на арабский: «Большие» вместо «Старые» Атаги.

¹¹ Под словом подписан принятый в дореволюционной дагестанской рукописной традиции синтаксический значок в виде арабской двойки (٢), указывающий на связь слитного местоимения ху с Шугаибом, под именем которого стоит аналогичный значок. См. подробнее об этом: Барабанов А.М. Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа // Советское востоковедение. – Т. III. – М.–Л., 1945.

¹² Слово вставлено над строкой.

¹³ Ошибка или описка. Вместо تَحَاسِبُهَا لا должно быть: تَحَاسِبُهَا لا

¹⁴ Коран, 25:6/5.

¹⁵ 14 мая 1905 г. по новому стилю, или 1 мая 1905 г. по старому стилю, принятому в Российской империи того времени.

¹⁶ Подробнее об этом см. статью Рахимкулова М., Сафуанова С. «Башкиры меня знают и очень уважают» в этом номере «Чётков»

краткие упоминания в дневнике и письмах писателя. Сохранились, однако, воспоминания двух учеников яснополянской школы – В.С. Морозова и Егора Чернова, сопровождавших графа в поездке. Один эпизод рисует отношение писателя к представителям мусульманской духовной элиты. Хозяин путешественников был мулла, о чем Толстой и сообщил ребятам.

«– А что вы сказали, Лев Николаевич, – он мулла? Что такое мулла? – спросили мы с Черновым.

– Разве вы не знаете, что такое мулла?

Чернов сказал:

– Нет.

А я, как постоянно вперед свой нос совал, не дал Льву Николаевичу объяснить, сказал:

– Я знаю. Он начальник над всеми этими кибитками, наподобие как у нас становой над деревнями.

Лев Николаевич рассмеялся и сказал:

– Немного так ты сказал, а немного нет.

– Ну, кто же это мулла? – спросил Чернов.

– Мулла это называется по-нашему поп. Он такой же поп, как наши попы, учит, как в церкви молиться богу.

– А них церковь есть? – спросил Чернов.

– Есть, но не похожа на нашу: простой деревянный дом, который называется мечетью.

– Ну уж поп – без волос, с бритыми усами, – сказал я.

Лев Николаевич улыбнулся и сказал:

– Ведь дело-то не в волосах, бритая ли голова или с длинными волосами. Все дело в разуме, – он постучал мне по лбу пальцем»¹⁷.

По отзывам В.С. Морозова, в ту же поездку у башкир Толстой «с некоторыми стариками беседовал серьезно о вере, Боге, Аллахе...»¹⁸.

Испытывал он интерес и к арабской культуре. Как записал последний секретарь писателя В.Ф. Булгаков, однажды Толстому прислал свою книгу Шолом Алейхем. «Лев Николаевич уже уходил спать, но остановился, обратившись к Душану¹⁹, слышущему языковедом:

– Душан Петрович, это еврейское Шолом-Алейхем...откуда оно? ... Ведь это арабское селям алейкум?

Душан отвечал, что оба языка имеют много общего как семитические.

– Я ведь немножко знал арабский язык, – прибавил Лев Николаевич, – и интересовался им в университете больше других: это ведь классический язык Востока»²⁰.

¹⁷ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом ученика яснополянской школы (путешествие с Л.Н. Толстым в Самарскую губернию) // Воспоминания яснополянских крестьян о Л.Н. Толстом. – Тула, 1960. – С. 82.

¹⁸ Там же. – С. 84.

¹⁹ Душан Петрович Маковицкий, словак по национальности, личный врач и последователь Толстого, живший в Ясной Поляне с 1904 г. вплоть до ухода писателя.

²⁰ Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н.Толстого. – М., 1989. – С. 136.

²¹ Кариев Абду-Вахит кари (Абдулла) Абдурауф (род. 1858/9 г.) – депутат ГД второго созыва от туземного населения г. Ташкента. Беспартийный, левый, по национальности узбек, окончил медресе, по роду занятий – мулла, домовладелец. См.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в Государственной думе Российской империи. – Казань, 2005. – С. 459, 560.

Незадолго до смерти, 24 сентября 1910 г., Толстой встретился с Абду-Вахитом Кариевым²¹. «Был посетитель, – отмечал в своем дневнике В.Ф. Булгаков, – мулла Абдул-Лажим, бывший член второй Государственной думы, пожилой, в белой чалме и шелковом халате. Его вследствие интриг врагов, как он рассказывал, выслали на шесть лет в Тульскую губернию из Ташкента, где у него домик, две жены и восемь человек детей. В ссылке же он получает от правительства содержание – два рубля сорок копеек в месяц. Недавно в мусульманский праздник байрам он читал Коран ссыльным черкесам и другим мусульманам, случайно оказавшимся в окрестных местах. Они собрали ему за это по двадцать копеек, и он был очень доволен. Абдул-Лажим по своему очень образованный человек: он знает арабский, персидский языки, Коран весь знает наизусть, чем очень гордится. Он просил Льва Николаевича посдействовать, чтобы ему разрешили побывать на каком-то мусульманском празднике в Туле, где много его единоверцев.

Во время верховой поездки Лев Николаевич говорил мне по поводу этого посещения:

– С каким трудом проникают в сознание религиозные взгляды! Еще молодые люди воспринимают их, а старые – ужасно трудно. Я сужу вот по сегодняшнему мулле: это – полная непроницаемость для религии! Он – политический, весь пропитан политикой. Все хвалился, что знает наизусть Коран. А Коран ведь написан по-арабски, так что большинство, простой народ, мусульмане не понимают его. Наш славянский язык все-таки понятен...

...Вечером Лев Николаевич рассказывал, что говорил с муллой о собственности. Абдул-Лажим доказывал, что собственность допустима, но до известной границы: именно следует признать неотъемлемой, священной собственностью человека произведения его труда. Льву Николаевичу этот взгляд казался близким»²².

Обширная корреспонденция, поступавшая в Ясную Поляну к Льву Николаевичу Толстому от мусульман из России и из-за рубежа неплохо собрана, систематизирована и издана. Существует большая литература о роли Кавказа в творчестве Толстого и его вкладе в создание образа российского кавказского Востока²³. Вместе с тем, как показывает обнаруженное нами письмо чеченских мулл из Старых Атагов 1905 г., в этой области еще возможны неожиданные сюрпризы и открытия. Кто был корреспондентами Толстого на восточных окраинах Российской империи? Что можно сказать об их культурном и социальном статусе? Как относились к творчеству Толстого мусульманские улемы и вообще нерусские народы империи, в частности Кавказского края, слабо владевшие русским языком до начала широких русификаторских советских преобразований? Какую роль сыграло

²² Булгаков В.Ф. Л.Н.Толстой в последний год его жизни. – С. 337–338.

²³ См., например: Виноградов Б.С. Кавказ в творчестве Л.Н. Толстого. – Грозный, 1959; Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 1994; Бобровников В.О. Ориентализм в литературе и политике на Северном Кавказе // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева. – Омск, 2005. С краеведческой точки зрения тема «Чечня и Л.Н.Толстой» с успехом разрабатывается З.Х. Ибрагимовой. См.: Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев. Наука и культура. – М., 2009. – С. 210–213.

творчество и публицистическая деятельность писателя в интеграции кавказских и других «инородцев» в российское общество того времени? Наконец, какую роль в распространении славы писателя, знания его художественных и публицистических произведений сыграла либеральная периодика времен Первой русской революции, такая как владикавказская газета «Казбек»? Как реагировали на нее мусульманские почитатели Толстого? Эти и другие вопросы вызывает публикуемое нами письмо. Хочется надеяться, что изучение роли Толстого в Кавказском крае начала XX в. продолжится с учетом сведений недавно обнаруженных восточных эпистолярных источников.

«БАШКИРЫ МЕНЯ ЗНАЮТ И ОЧЕНЬ УВАЖАЮТ...»*

Мурат Рахимкулов, Суфиян Сафуанов**

Автор «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения», по словам А.М. Горького, «с изумительной правдивостью, силой и красотой» дал «итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век». В творчестве Толстого нашли разностороннее отражение существенные стороны жизни многих народов России. В частности, в его рассказах и письмах ярко запечатлена башкирская действительность пореформенной эпохи.

Л.Н. Толстой неоднократно бывал в башкирских степях и долгие годы общался с башкирами. Первая его поездка к башкирам относится к 1862 году. Тогда здоровье Толстого было сильно расшатано, и доктор Андрей Евстафьевич Берс, будущий тесть писателя, посоветовал ему ехать на кумыс в башкирские степи. Толстой решил последовать совету врача и, смеясь, говорил своим знакомым: «Не буду ни газет, ни писем получать, забуду, что такое книга, буду валяться на солнце брюхом вверх, пить кумыс да баранину жрать! Сам в барана обращусь, – вот тогда выздоровлю!»

27 мая 1862 года Л.Н. Толстой приехал в Самару и оттуда направился в башкирское кочевье на речке Каралык, в 130 верстах от города. Ездивший вместе с писателем его яснополянский ученик В.С. Морозов впоследствии вспоминал, что все башкиры, от старого до малого, полюбили Толстого: он умел находить общий язык и со стариками, и с молодежью, шутил и смеялся, принимал участие во всех башкирских играх.

В первый приезд Толстой пробыл на Каралыке полтора месяца, здоровье его за это время значительно улучшилось, и в середине июля он выехал в Москву.

В последующие два десятилетия Лев Николаевич часто приезжал к башкирам, с интересом изучал быт и фольклор народа. Вторично на Каралык Толстой приехал 15 июня 1871 года. В тот же день он писал своей жене Софье Андреевне (урожденной Берс), что «башкирцы» его узнали и приняли радостно. В том же письме он с огорчением сообщал, что у башкир «совсем не так хорошо, как было прежде. Землю у них отрезали лучшую, они стали пахать и большая часть не выкочевывает из зимних квартир».

* Статья была любезно предоставлена редакцией журнала «Бельские просторы». Впервые опубликована в № 8 журнала «Бельские просторы» за 2003 г.

** Мурат Галимович Рахимкулов (р. 1925) – кандидат филологических наук. Член Союза писателей. Автор книг: «Страницы дружбы», «Любовь моя – Башкирия», «Народный мудрости родник», «Воспевшие Салавата» и др. Заслуженный деятель науки РБ. Лауреат премии им. В. П. Бирюкова. Лауреат литературной премии им. Степана Злобина.

Суфиян Гаязович Сафуанов (р. 1931) – Ученый-литературовед. Член Союза писателей РБ и РФ. Автор многих исследований по башкирской литературе.

Однажды Толстой приехал на Каралык с сыном Ильей. «Мы ходили в степи смотреть башкирские табуны, – вспоминал Илья Львович. – Папа похвалил одну буланую лошадь, а когда мы собирались ехать домой, то эта лошадь оказалась привязанной около нашей оглобли».

Дружбу с башкирами Толстой сохранил на многие годы. Более двадцати лет подерживал он связь с Мухаметом Рахматулиным, приготавливавшим ему кумыс. Писатель любил играть в шашки с башкиром Хаджимуратом. Степан Андреевич Берс, шуриин Толстого, писал в своих «Воспоминаниях о графе Толстом»: «На Каралыке Льва Николаевича больше всех развлекал шутник, худощавый, вертлявый и зажиточный башкирец Хаджимурат, а русские его звали Михаилом Ивановичем. Он удивительно играл в шашки и обладал несомненным юмором. От плохого произношения русского языка шутки его делались еще смешнее. Когда в игре в шашки требовалось обдумать несколько ходов вперед, он значительно поднимал указательный палец ко лбу и приговаривал: «большой думать надо». Это выражение заставляло смеяться всех окружающих, не исключая и башкир, и мы долго потом вспоминали его в Ясной Поляне».

Великий русский писатель называл Башкирию «одним из самых благодатнейших краев России». В письме к поэту А.А. Фету он писал: «Край здесь прекрасный, по своему возрасту только что выходящий из девственности, по богатству, здоровью и в особенности по простоте и неспорченности народа... Если бы начать описывать, то я исписал бы 100 листов, описывая здешний край и мои занятия». В одном из писем к жене Лев Николаевич сообщает о своем намерении побывать в Уфе. «Поездка же в Уфу интересна мне потому, – пишет он, – что дорога туда идет по одному из самых глухих и благодатнейших краев России». Однако его планам не суждено было осуществиться.

В первой половине июля 1872 г. Толстой приезжал на несколько дней в хутор на Таналыке. Летом следующего года он отдыхал на этом хуторе с семьей. 22 июня 1873 г. он писал критику Н.Н. Страхову: «Мы живем в самарской степи... первобытность природы и народа, с которым мы близки здесь, действует хорошо и на жену и на детей».

В голодные 1873 и 1874 годы Л.Н. Толстой оказал большую помощь самарским крестьянам и башкирам. Он выступил со страстным «Письмом к издателям», в котором изложил собранный им материал о страшном голоде в этих краях. Выступление великого писателя произвело большое впечатление: в пользу голодающих было собрано 1887 тысяч рублей и 21 тысяча пудов хлеба. Толстой и сам оказал значительную материальную помощь голодающему населению.

Летом 1875 г. Лев Николаевич снова с семьей отдыхал в башкирской степи. 20 июня Софья Андреевна писала сестре, Т.А. Кузминской, что Толстой «отпивается кумысом, пропасть ходит», что «он здоров, загорел до черноты; конечно, ничего не пишет и проводит дни или в поле, или в кибитке башкирца Мухаметшаха». Зная любовь башкир к конским состязаниям, Толстой решил устроить скачки с ценными призами. Весть об этом быстро облетела окрестные деревни, и в назначенный день съехалось несколько тысяч башкир, татар, киргизов, уральских казаков и русских крестьян. Хорошо подготовленные, эти скачки превратились в большой праздник. Собравшиеся, участники и зрители, два дня пировали, пили кумыс, ели баранину, конину. По вечерам устраивались борьба и другие состязания, в которых принимал активное участие и Толстой. Он любил слушать башкирскую музыку, особенно его восхищало горловое пение.

В башкирские степи писатель приезжал и в последующие годы. Так, летом 1881 г. он около двух недель жил на хуторе на реке Мбче, левом притоке Волги.

В 1883 г. он около месяца прожил на хуторе на Таналыке, навещая и своих знакомых башкир на Каралыке. Это была последняя поездка писателя в Поволжье. Однако связей с этим краем он не порвал: в голодный 1892 г. сюда приезжали его сын Лев Львович и биограф писателя П.И. Бирюков. По просьбе Толстого они организовали около двухсот столовых, в которых кормились десятки тысяч голодающих крестьян.

В 1900 году по поручению Толстого в башкирские степи ездил слуга писателя Иван Зябров. Башкиры хорошо помнили писателя, много о нем спрашивали и говорили: «Мы любим графа. Он добрый человек. Дай бог ему долго жить. Когда приедешь, скажи так: “Башкиры кланяются”».

* * *

Богатые впечатления о башкирах, накопленные за время пребывания в самарских степях, а также безобразное расхищение башкирских земель и лесов послужили Толстому благодатным материалом для создания ряда произведений, в том числе рассказов «Ильяс» и «Много ли человеку земли нужно». В них писатель реалистически отразил ряд характерных черт жизни, быта и фольклора башкир.

Рассказ «Много ли человеку земли нужно» написан в 1885 году, но мысль о создании рассказа появилась у Толстого гораздо раньше – в 1871 году. Замысел зародился, с одной стороны, под впечатлением чтения в подлиннике Геродота, с другой – под впечатлением жизни Толстого в башкирских степях, приведшей к знакомству с фольклором, патриархальными нравами и обычаями народа, в котором он увидел сходство со скифами Геродота. В 1871 г. Толстой писал Софье Андреевне: «Ново и интересно многое: и башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа».

Развитие и своеобразное толкование обычая, описанного Геродотом и имевшего место и среди башкир, является центральным в рассказе Толстого; в нем он видит определенный ответ на вопрос, поставленный в заглавии. У скифов (да и у других народов) продажа и покупка земли происходила следующим образом: покупатель должен был в течение определенного времени, обычно с восхода до заката солнца, обежать или объехать землю, которую он хочет купить. И так как человек не может унять своих желаний, иногда этот обег или объезд кончается смертью.

В рассказе «Много ли человеку земли нужно» присутствуют три мотива сюжета-предания о покупке земли, записанного Геродотом: сон, пробег и смерть перед самым концом пробега, но у Толстого сочетание их представлено в ином изложении, чем у Геродота. Это дает основание предполагать, что писатель внес коррективы, сообразуясь с местным, башкирским, звучанием предания. Кстати, сюжеты, аналогичные описанному в рассказе Толстого, и поныне бытуют как среди башкир, так и среди русского населения Башкирии. Во времена же Толстого, когда дешевая распродажа башкирских земель достигла своей высшей точки, легенды, разоблачающие различные формы расхищения, надо полагать, имели широкое распростране-

ние. (Не исключена также возможность обратного воздействия: рассказ Толстого, проникнув в народную среду, мог бытовать затем как фольклорное произведение.)

В рассказе «Много ли человеку земли нужно» Толстой разоблачает мошеннические приемы ловких дельцов, с помощью всевозможных подарков (чай и вино) расхищающих природные богатства Башкирии. Герой рассказа Пахом возмечтал захватить за небольшую плату громадный участок земли: столько, сколько он успеет обежать от восхода до заката солнца. «Только один уговор, – говорит башкирский старшина Пахому, – если назад не придешь к тому месту, с какого возьмешься, пропали твои деньги».

Даже дурное предзнаменование – сон, в котором Пахом видит самого себя мертвым, – не может удержать его. С восхода солнца начинается изнурительный бег.

Описанное с большой художественной выразительностью, действие разворачивается на фоне благодатной природы степной Башкирии. Соблазн был слишком велик, земля – воплощение богатства – слишком хороша, а кулак Пахом хотел занять ее как можно больше. Но жадность погубила его: он умер, захватив лишь «три аршина» земли.

Нужно сказать, что вообще отмежевка приобретаемой у башкир земли (об этом писали Г.И. Успенский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.Н. Мамин-Сибиряк и другие) отличалась невиданным доселе мошенничеством. Не мог к этому остаться равнодушным и Л.Н. Толстой. По утверждению Виктора Шкловского, отзвуки о хищении башкирских земель нашли место и в романе «Анна Каренина».

В рассказе же «Ильяс» (1885) явственно сказались толстовская идея «непротивления злу», смирения перед судьбой. Богатый башкир Ильяс и его жена Шам-Шемаги находят душевный покой только тогда, когда, вконец обнищав, становятся батраками другого бая, соседа Мухаметшаха. Сравнивая свою прошлую зажиточную жизнь, полную беспокойства и боязни за накопленное добро, с настоящей, они находят, что, только освободившись от бремени богатства, приобрели подлинное счастье.

Необходимо отметить, что в рассказах «Ильяс» и «Много ли человеку земли нужно» Толстой показывает башкир несколько упрощенно, подчеркивая их наивность, идеализируя патриархальные отношения.

Тем не менее эти рассказы из жизни башкир помимо своей художественной ценности имели большое значение для разоблачения хищнической политики царизма, жадности наживы господствующих классов. Они будоражили народное сознание. Не случайно цензура неоднократно запрещала их переиздание.

Основные события рассказа Л.Н. Толстого «За что» (1906) разворачиваются в Оренбуржье. А в основу рассказа «Что я видел во сне?» (1906) легли факты из жизни графини Веры Сергеевны Толстой, племянницы писателя, которая, как известно, вышла замуж за башкира Абдрашита Сафарова. Это расценивалось как из ряда вон выходящее событие. Писателя же прежде всего занимали не подробности изображения этого конкретного факта, а возникшие в связи с ним общие психологические проблемы.

Поездки в Башкирию пробудили у Толстого интерес к недавнему прошлому этого края. Он долго вынашивал идею создания романа, местом действия которого должно было стать Оренбуржье (Башкирия до 1865 года входила в состав Оренбургской губернии). В первой половине сентября 1876 г. Толстой выезжал на несколько дней в Оренбург. По утверждению писателя-краеведа Леонида Большакова, Толстой с интересом знакомился с Караван-Сараем, считавшимся башкирским народным домом.

В Оренбурге Толстой собирал материалы о бывшем оренбургском губернаторе графе В.А. Перовском, известном участнике Отечественной войны. Тот предстал перед писателем в качестве возможного героя будущего произведения.

Судя по записи Софьи Андреевны, в марте 1877 года Л.Н. Толстой интенсивно работал над планом исторического романа о переселенцах в башкирские степи. Переселенцев писатель хотел «увязать» с декабристами. К переселяющимся на восток крестьянам попадал один из участников восстания, и «простая жизнь в столкновении с высшей», т.е. с «николаевским светом», должна была лечь в основу сюжета.

В декабре 1877 – начале января 1878 года в плане романа произошло передвижение времени действия на 1825 год, т.е. тема декабристов должна была стать центральной. Если раньше Толстой хотел показать столкновение декабристов с великосветской и либерально-дворянской средой и их разрыв со своим классом, то теперь, в связи с эволюцией взглядов писателя, главным для него становится показ того, как декабристы нашли путь к народу и стали жить его жизнью. К этому времени писатель составил конспект нескольких глав романа, в которых развил тему переселения крестьян в Оренбургский край.

Работая над планом задуманного романа, Л.Н. Толстой изучил большое количество архивных документов и дел о переселении в Оренбургский край, прочитал массу книг, слушал легенды и предания стариков. И хотя писатель собрал много материала о декабристах и о крестьянах-переселенцах, но планам его не суждено было сбыться: «оренбургский» роман не продвинулся дальше лабораторной стадии, как, впрочем, не были осуществлены и многие другие крупные замыслы писателя, в частности роман из времен Петра I, в котором, как видно из планов и конспектов, также должны были фигурировать башкиры. В архиве писателя имеется такая запись: «С 1705 года башкирцы бунтуют; обвиняли уфимского комиссара Сергеева, который притеснял башкирцев при сборе с них лошадей для войска и при отыскании среди них беглых рекрутов».

Планы, конспекты и варианты исторических романов, замыслы которых возникли в связи с поездками Л.Н. Толстого в башкирские степи, показывают, какую большую роль играл в творческой биографии писателя этот край.

* * *

В свою очередь, башкиры также живо интересовались жизнью и творчеством великого русского писателя. Так, современник Толстого, известный башкирский просветитель, филолог и поэт Мухаметсалим Уметбаев в своих педагогических, философских и этнографических сочинениях не раз обращался к наследию великого гуманиста. В работах «О философии», «Обучение детей счету на башкирском языке», «Просвещение» и других М. Уметбаев не только опирался на философские и педагогические воззрения Толстого, но иногда и полемизировал с ним, в частности по вопросам нравственности и воспитания, семьи и брака.

Башкирские писатели и ученые не раз встречались с ним как у себя на родине, так и в Ясной Поляне.

В библиотеке Л.Н. Толстого в Ясной Поляне хранится книга преподавателя восточных языков Оренбургского кадетского корпуса Мирсалиха Бикчурина «Туркестан-

ская область» (1872) со следующей дарственной надписью: «Его сиятельству графу Толстому в память приезда в Оренбург от автора. 1876». Кстати, Бикчурин был большим знатоком истории и духовной культуры башкир, переводчиком произведений русских писателей. Он около пятнадцати лет поддерживал отношения с В.А. Перовским, личностью которого интересовался Толстой и, несомненно, был занимательным собеседником для писателя. Газета «Волжский Вестник» 28 февраля 1899 г. сообщала о том, что уфимец Арслангали Султанов, близкий друг М. Уметбаева, посетил в Ясной Поляне Толстого, долго с ним беседовал и преподнес писателю в дар изготовленный башкирскими мастерами резной кумысный ковш. Толстой подарил посланцу Башкирии несколько своих книг.

Газета «Вақыт» («Время»), издававшаяся в Оренбурге, в связи с болезнью и смертью великого писателя поместила целую серию статей. «Смерть графа Толстого, – писала газета 9 ноября 1910 года, – является большой утратой не только для России, но и [для] всего мира. Ибо он был самым крупным писателем, самым глубоким мыслителем и самым великим философом не только России, но и всего современного культурного мира». В другом оренбургском издании – журнале «Шуро» («Совет») – в нескольких номерах была напечатана статья «Граф Лев Толстой», отмечавшая, в частности, тесные связи писателя с Башкирией.

Как видим, интерес Л.Н. Толстого к Башкирии завязался чуть ли не с начала его литературной деятельности, издание же его произведений на башкирском языке относится к более позднему времени. Газета «Вақыт» в статье «Сочинения Толстого», касаясь издания переводов произведений великого художника, отмечала, что подавляющее большинство переводов представляют сочинения философского характера, а из художественных произведений появились только рассказы «Много ли человеку земли нужно», «Ильяс» и некоторые другие, что составляет мизерную часть его замечательных творений. Газета справедливо утверждала, что «лучшим увековечением памяти Толстого явится ознакомление с его творчеством народных масс».

С тридцатых годов XX века книги Л.Н. Толстого стали издаваться на башкирском языке. Сначала появились басни и короткие детские рассказы – «Утка и Месяц», «Лисица», «Обезьяна и Горох», «Комар и Лев», «Два товарища», «Булька и Кабан», «Пожар» и другие, а затем и более значительные – «Кавказский пленник», «Севастопольские рассказы», «Утро помещика», «Поликушка», «Крейцера соната» и другие. Ряд его произведений был включен в учебники для башкирских школ. В театрах республики с большим успехом шли пьесы Л.Н. Толстого.

Творчество великого художника оказывает большое воздействие на развитие всех литератур, в том числе и башкирской. В ряде дореволюционных басен М. Гафури заметны элементы сходства с прозаическими баснями русского писателя. Как отмечал сам М. Гафури, он был знаком с баснями Л.Н. Толстого и И.А. Крылова, «изумительно широко распространенными среди русского народа».

Ряд детских рассказов Л.Н. Толстого еще до Октября был включен в школьные учебники на татарском языке. Выдающийся башкирский прозаик С. Агиш, вспоминая свое детство, прошедшее в предреволюционные годы, писал: «Мы, вероятно, сможем точно сказать, в каком году и даже в какой день впервые услышали имя Толстого. Но

никто из нас не вспомнит, когда впервые познакомился с его произведениями. Ведь мы знали его умные, поучительные рассказы, сказки и прозаические басни уже с того момента, как начали воспринимать то, что слышали из уст наших родителей. Поэтому Л. Толстой с малых лет научил нас в самых благих целях пользоваться таким сильнейшим орудием человечества, как слово».

Традиции гуманизма, правдивости и справедливости, присущие творчеству Толстого, были унаследованы башкирскими писателями еще на заре возникновения профессиональной литературы.

Положительные результаты творческого воздействия автора «Войны и мира» и «Анны Карениной» особенно ощутимы в башкирских романах, созданных после Великой Отечественной войны. В них заметно стремление сочетать масштабность изображения исторической действительности с глубоким психологическим анализом героев. История, по утверждению известного литературоведа Б. Бурсова, интересует Л.Н. Толстого «в первую очередь с точки зрения проверки историческими событиями человеческих характеров, характера русского народа в целом». Следуя его традициям, авторы башкирских исторических и историко-революционных романов также в первую очередь подвергают «проверке историческими событиями человеческие характеры».

Не только в широких прозаических полотнах, но и в ряде драматических произведений башкирских писателей события из прошлой жизни народа послужили, как и в книгах Л.Н. Толстого, проверке человеческих характеров и характера всего народа. Скажем, в трагедиях народного поэта Башкирии Мустая Карима «В ночь лунного затмения» и «Салават» нет исследования конкретных исторических событий; картины далекого прошлого башкирского рода нужны автору главным образом для постановки таких важных философских проблем, как духовное величие человека и свобода личности, отношения героя и тирана и т. д. Много лет назад роман «Анна Каренина» натолкнул Мустая Карима на размышления о путях освобождения человека от духовного рабства. В 1951 году в газете «Кызыл Башкортостан» он писал, что в обществе, основанном на угнетении человека человеком, где все взаимоотношения подчинены условностям, ложным правилам и законам, не может быть истинной свободы души, свободы действий и поступков, и человек, стремящийся освободиться от духовного рабства, непременно оказывается перед пропастью. Именно такая проблема стала впоследствии центральной в его трагедии «В ночь лунного затмения», освещающей события тех далеких времен, когда в башкирских кочевьях господствовали феодально-патриархальные порядки.

Наиболее глубокое творческое осмысление толстовских традиций мы видим в прозаических произведениях башкирской литературы о Великой Отечественной войне. В книгах Толстого-баталиста башкирских писателей особенно привлекает правдивость в описании трагических событий и в раскрытии психологии человека на войне, яркое изображение героического и возвышенного в самых будничных ситуациях, органическое переплетение великого и низменного, радости и горя.

Автор нескольких книг о Великой Отечественной войне А. Бикчентаев пишет: «У меня тоже есть свои кумиры среди военных писателей. Это – Лев Толстой и Антуан де Сент-Экзюпери. Некоторым покажется странным, что я их ставлю рядом. Да, они для меня очень близки, несмотря на то, что они так непохожи и... так схожи между

собой: оба они беспощадно правдивы и честны не только по отношению к другим на войне, но и к самим себе».

Благотворно влияние Толстого и на творчество тех башкирских писателей, которые обратились к иным событиям исторического прошлого, в частности Кирея Мэргэна («Крыло беркута»), Ахияра Хакимова («Кожаная шкатулка» и «Переливы домры»), Гали Ибрагимова («Кинзя»), Яныбая Хамматова («Северные амуры»).

Стремление создавать близкие гуманистическому духу Л.Н. Толстого произведения, в свою очередь, приводит писателей к наследованию его эстетических, художественных принципов, хотя в башкирской литературе отсутствует непосредственное использование образных средств великого художника. Воздействие гения Л. Толстого гораздо значительнее: оно в росте эпического начала башкирской реалистической литературы, в углублении психологизма, проникновения во внутренний мир героев, в раскрытии диалектики души.

Более ста лет тому назад Л.Н. Толстой писал из Башкирии: «Меня здесь все башкиры знают и очень уважают». Разумеется, это было сказано по конкретному случаю и о тех людях, с которыми он близко общался. В ту пору среди башкир было мало образованных людей, действительно знавших Толстого-художника и ценивших его замечательные произведения. Сегодня же мы с чувством законной гордости можем сказать, что Толстого действительно знают и уважают во всей нашей многонациональной стране.

Ниша света

РАССКАЗЫ

Лев Николаевич Толстой

Перевод на таджикский* Ф. Бобоева**

Три медведя (Сказка)

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была открыта: она посмотрела в дверь, видит – в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали ее Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна – столовая, другая – спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлебкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровниной; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки, потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки; и Мишуткина похлебка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой, Михайлы Ивановича, другой поменьше, Настасьи Петровниной, и третий, маленький, с синенькой подушечкой – Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нем было неловко, потом села на маленький стульчик и засмеялась, так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колена и стала есть. Поела всю похлебку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая – Михайлы Ивановичева, другая средняя – Настасьи Петровниной, третья маленькая – Мишенькина. Девочка легла в большую, ей было слишком просторно; легла в среднюю – было слишком высоко; легла в маленькую – кровать пришлась ей как раз впору, и она заснула.

* Данный выборочный перевод рассказов осуществлен на основе материалов 9-го тома Собрания сочинений Л.Н. Толстого в двенадцати томах (Москва, Издательство «Правда», 1987).

** Файзулло Баратович Бобоев (р. 1962) – кандидат филологических наук, филолог-востоковед, арабист. Заместитель директора по науке Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан. Представитель Центра Джума аль-Маджида по культуре и письменному наследию (ОАЭ, Дубай) в Таджикистане.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом: «Кто хлебал в моей чашке!»

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко: «Кто хлебал в моей чашке!»

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом: «Кто хлебал в моей чашке и все выхлебал!»

Михайло Иванович взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом: «Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места!»

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко: «Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места!»

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал: «Кто сидел на моем стуле и сломал его!»

Медведи пришли в другую горницу. «Кто ложился в мою постель и смял ее!» – заревел Михайло Иванович страшным голосом. «Кто ложился в мою постель и смял ее!» – зарычала Настасья Петровна не так громко. А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кровать и запищал тонким голосом: «Кто ложился в мою постель!» И вдруг он увидал девочку и завизжал так, как будто его режут: «Вот она! Держи, держи! Вот она! Вот она! Ай-яй! Держи!»

Он хотел ее укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали ее.

СЕ ХИРС

Як духтарак аз хона ба чангал рафт. ӯ дар чангал роҳ гум зад ва роҳи хонаро чустуҷӯ мекард, вале наёфтӯ дар чангал ба хоначае расид.

Дар кушода буд: вай ба дар нигарист, дид – дар хонача касе нест ва дарун омад. Дар ҳамин хонача се хирс зиндагӣ мекарданд. Як хирс падар буд, ӯро Михаил Иванович меномиданд. Вай калону сермӯй буд. Дигарӣ модахирс буд. Вай хурдтар буд ва ӯро Наталя Петровна меномиданд. Сеюмӣ хирсаки хурде буд ва ӯро Мишутка меномиданд. Хирсҳо дар хона набуданд, онҳо ба сайругашти чангал рафта буданд.

Хонача ду утоқ дошт: яке ошхона, дигарӣ хонаи хоб. Духтарак ба ошхона даромад ва дар болои миз се нимкосаи атоладорро дид. Нимкосаи якум, бисёр калон, аз он Михаил Иванович буд. Нимкосаи дуюм, хурдтар, аз он Наталя Петровна буд; сеюмӣ, нимкосаи кабудак, аз он Мишутка буд. Дар пеши ҳар нимкоса чумча воқеъ буд: калон, миёна ва хурд.

Духтарак чумчай аз ҳама калонро гирифтӯ аз нимкосаи калонтарин каме бихӯрд; сипас чумчай миёнаро гирифтӯ аз нимкосаи миёна андаке бихӯрд; сипас қошуқчаро гирифтӯ аз нимкосаи кабудак каме бихӯрд; ва атолаи Мишутка барояш аз ҳама бештар мақул шуд.

Духтарак нишастанӣ шуд ва дар паси миз се курсиро дид: яке калон, аз он Михаил Иванович, дигарӣ хурдтар, аз он Наталя Петровна ва сеюмӣ, хурд, бо болиштчай кабудак – аз он Мишутка. Вай болои курсии калон баромаду афтод; сипас ба курсии миёна нишаст, дар он нишастан ноқулай буд, сипас ба курсичаи хурд нишастӯ бихандид, ҳамин тавр қулай буд. Вай нимкосаи кубудакро болои зону гузошту хӯрдан гирифт. Ҳамаи атоларо бихӯрд ва курсиро алвонч додан гирифт.

Курсича шикаст ва духтарак ба фарш афтод. Вай бархост, курсичаро бардошт ва ба хонаи дигар рафт. Дар он чо се кати хоб истода буд: яке калон – аз они Михаил Иванович, дигарӣ миёна – аз они Наталя Петровна, сеюмӣ хурд – аз они Мишутка. Духтарак ба (кати) калон дароз кашид, барояш аз ҳад зиёд васеъ буд; ба (кати) миёна дароз кашид – аз ҳад зиёд баланд буд; ба (кати) хурд дароз кашид – катча барояш айнан мувофиқ омад ва бихобид.

Аммо хирсҳо ба хона гурусна баргаштанд ва хошанд хӯроки пешин бихӯранд. Хирси калон нимкосаи худро гирифт, нигаристу бо овози даҳшатнок ба ғуридан даромад: «Кӣ нимкосаи маро хӯрт кашидааст!»

Наталя Петровна ба нимкосаи худ нигоҳ кард ва на он қадар баланд ба аррос даромад: «Кӣ нимкосаи маро хӯрт кашидааст!»

Мишутка бошад нимкосаи холии худро дида, бо овози борик ба ғинг-ғинг даромад: «Кӣ нимкосаи маро хӯрт кашида, ҳамаро топ-тоза хӯрдааст!»

Михайло Иванич ба курсии худ нигаристу на он қадар баланд ба аррос даромад: «Кӣ дар курсии ман нишастаасту онро аз чояш ғечондааст!»

Наталя Петровна ба курсии худ нигаристу на он қадар баланд ба аррос даромад: «Кӣ дар курсии ман нишастаасту онро аз чояш ғечондааст!»

Мишутка ба курсичаи шикастаи худ нигаристу ғиринг-ғиринг кард: «Кӣ дар курсии ман нишаста, онро шикастааст!»

Хирсҳо ба хонаи дигар гузаштанд. «Кӣ ба чоғаи ман дароз кашид, онро ғичим кардааст!» – бо овози даҳшатнок ғиғон бардошт Михайло Иванич. «Кӣ ба чоғаи ман дароз кашид, онро ғичим кардааст!» – на он қадар баланд ба аррос даромад Наталя Петровна. Мишенка бошад харакчаро гузошт, ба кати худ баромад ва бо овози борик ба ғинг-ғинг даромад: «Кӣ ба чоғаи ман дароз кашидаст!» Ва нохост вай духтаракро диду ончунон ба ғирросзанӣ даромад, ки гӯё баданашро мебурида бошанд: «Ана вай! Бидор, бидор! Ана вай! Ана вай! Ай-яяй! Бидор!»

Вай хост ўро бигазад. Духтарак чашмонашро бикушод, хирсҳоро дид ва худро ба сӯи тиреза партофт. Тиреза кушода буд, ў аз тиреза чаҳида баромад ва гурехт. Ва хирсҳо ўро дарнаёфтанд.

КАК ДЯДЯ СЕМЁН РАССКАЗЫВАЛ ПРО ТО, ЧТО С НИМ В ЛЕСУ БЫЛО (РАССКАЗ)

Поехал я раз зимою в лес за деревьями, срубил три дерева, обрубил сучья, обтесал, смотрю, уж поздно, надо домой ехать. А погода была дурная: снег шел и мело. Думаю, ночь захватит и дороги не найдешь. Погнал я лошадей; еду, еду – все выезду нет. Все лес. Думаю, шуба на мне плохая, замерзнешь. Ездил, ездил – нет дороги и темно. Хотел уж сани отпрягать, да под сани ложиться, слышу – недалеко бубенцы погромыхивают. Поехал я на бубенчики, вижу, тройка коней саврасых, гривы заплетены лентами, бубенцы светятся, и сидят двое молодцов.

– Здорово, братцы! – Здорово, мужик! – Где, братцы, дорога? – Да вот мы на самой дороге. – Выехал я к ним, смотрю, что за чудо – дорога гладкая и не заметенная. – Ступай, говорят, за нами, – и погнали коней. Моя кобылка плохая, не поспевает. Стал я кричать: подождите, братцы! Остановились, смеются. – Садись, говорят, с нами. Твоей лошади порожнем легче будет. – Спасибо, говорю. – Перелез я к ним в сани. Сани хорошие, ков-

ровые. Только сел я, как свистнут: ну, вы, любезные! Завились саврасые кони так, что снег столбом. Смотрю, что за чудо. Светлей стало, и дорога гладкая, как лед, и палим мы так, что дух захватывает, только по лицу ветками стегает. Уж мне жутко стало. Смотрю вперед: гора крутая-прекрутая, и под горой пропасть. Саврасые прямо в пропасть летят. Испугался я, кричу: батюшки! легче, убьете! Куда тут, только смеются, свищут. Вижу я, пропадать. Над самой пропастью сани. Гляжу, у меня над головой сук. Ну, думаю: пропадите одни. Приподнялся, схватился за сук и повис. Только повис и кричу: держи! А сам слышу тоже, кричат бабы: дядя Семен! чего ты? Бабы, а бабы! дуйте огонь. С дядей Семеном что-то недоброе, кричит. Вздую огонь. Очнулся я. А я в избе, за полаты ухватился руками, вишу и кричу непутевым голосом. А это я – все во сне видел.

ЧӢ ГУНА АМАКИ СЕМЁН ДАР БОРАИ ОН ЧИ НАҚЛ КАРД, КИ БО ВАЙ ДАР ЧАНГАЛ РУХ ДОДА БУД

Боре дар зимистон ман барои ҳезум ба чангал рафтам, се дарахтро бурида афтондам, шохчаҳои дарахтонро каллак кардам, тарошидам, бибинам, аллакай дер шудааст, ба хона рафтан лозим аст. Ҳаво бошад хира буд: барф майда-майда меборид. Фикр кардам, ки шаб фаро мерасаду рохро намеёбӣ. Ман аспро саҳт рондам; мераваму меравам – ҳанӯз баромадгоҳ намоён нест. Ҳама чангал. Фикр кардам, ки пӯстии дар ман буда нохуб аст, ях мекунӣ. Рафтаму рафтам, роҳ пайдо набуд ва торик мешуд. Кайҳо боз хостам чанаҳоро аз ароба барорам, пас дар зери чанаҳо дароз кашам, ба гӯшам расид – дар наздикӣ зангӯлаҳо гулдур-гулдур садо медоданд. Ман ба сӯи (садои) зангӯлаҳо рафтам, бинам фойтуне сеаспаи саманд, ёлҳои кокулдор доштанд, зангӯлаҳо рӯшноӣ медоданд ва ду навчавон нишаста буданд. Салом бародарон! Салом мужик! – Роҳ дар кучост, бародарон? Ана мо дар худӣ роҳ ҳастем. Ман ба назди онҳо рафтам, бинам, ки аҷаб мӯъҷизае – роҳи ҳамвор ва норӯфта. Аз паси мо бирон, гуфтанд, – ва аспҳоро биронданд. Байталаки ман – бетачриба, намерасонид. Ман овоз баровардан гирифтам: «Каме сабр кунед, бародарон!» Истоданд ва механдиданд. – Бо мо бинишин мегуфтанд. Барои аспӣ ту бебор рафтан беҳтар бошад. – Ташаккур гуфтам. Ман назди онҳо болои чана гузаштам. Чанаҳо хуб буданд, қолиндор. Ман акнун нишаста будам, ки саҳт ғуввос заданд: аҷаб бар илтифоти шумо! Аспони саманд ончунон ба ҳаракат даромаданд, ки чанги барф дар ҳаво шуд. Нигоҳ мекардам, аҷаб мӯъҷизае буд. Равшантар шуд ва роҳ ҳамвор буд, мисли ях ва мо тир барин мерафтем, ки нафас (дар сина) ҳабс мешуд; танҳо шохчаҳо ба рӯйҳоямон тозиёна мезаданд, ба пеш нигоҳ мекардам: кӯҳи пур нишебу фароз ва дар зери кӯҳи чари бетаг. Самандҳо рост ба сӯи чари бетаг парвоз мекарданд. Ман саҳт тарсидам, фарёд мекардам: ё тавба, оҳистатар, ҳалокам мекунед! Аз кучо, танҳо механдиданд, хуштак мекашиданд. Ман чари бетагро медидам. Дар болои чарӣ чанаҳо. Нигоҳ кунам, дар болои сарам шоҳи дарахт. Хайр, фикр кардам: тани танҳо нобуд шавед. Бархостам, ба шоҳи дарахт чанг задам ва овезон шудам. Чун овезон шудам, фарёд кардам: бидор! Аммо худам ҳам мешунидам, ки занакҳо фарёд мекарданд: амаки Семён! Ба ту чӣ шуд? Занакҳо, эй занакҳо! Оташро пуф кунед, бо амаки Семён ким-чӣ нохушӣ шудааст, фарёд мекунад. Оташро пуф карданд. Ман бедор шудам. Вале ман дар хонаи чӯбин, рафи тахтагинро бо дастон саҳт часпида гирифта будам, овезонаму бо овози ноӯҳдабароёна фарёд мекунам. Аммо ин ҳамаро ман дар хоб дидам.

КАК НАУЧИЛИСЬ БУХАРЦЫ РАЗВОДИТЬ ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЕЙ (БЫЛЬ)

Китайцы долго одни умели разводить шелк и никому этого искусства не показывали, а продавали за дорогие деньги шелковые ткани.

Бухарский царь услышал об этом, и ему захотелось достать червей и научиться этому делу. Он просил китайцев дать ему семян и червей и деревьев. Они отказали. Тогда бухарский царь послал сватать за себя дочь у китайского императора и велел сказать невесте, что у него всего много в царстве, нет только одного – шелковых тканей, – так чтобы она с собою потихоньку привезла семян шелковицы и червей, а то не во что ей будет наряжаться.

Царевна набрала семян червей и деревьев и положила себе в головную повязку.

Когда на границе стали осматривать, не везет ли она с собою потихоньку чего запряченного, никто не посмел развязать ее повязку.

И бухарцы развели у себя тутовые деревья и шелковичных червей, и царевна научила водить их.

БУХОРОИЁН ЧЇ ГУНА ПАРВАРИШИ КИРМАКИ ПИЛЛАРО ОМУХТАНД

Чиниён муддати дароз танҳо худашон пиллапарвариро метавонистанд ва ин хунарро ба касе нишон намедоданду газворҳои шоҳиро ба пули гарон мефурӯхтанд.

Амири Бухоро дар ин бора шунида буд, ӯ хост кирмак ба даст оварад ва ин машғулиятро биомӯзад. Ӯ аз чиниён хоҳиш кард ба ӯ тухмӣ, кирмак ва дарахтҳо бидиҳанд. Онҳо рад карданд. Он гоҳ амири Бухоро ба хостгорӣ намудани духтари императори Чин барои худ кас фиристод ва фармуд ба арӯс бигӯянд, ки дар шоҳигарии ӯ ҳама чиз фаровон аст, танҳо як чиз нест – газворҳои шоҳӣ. Аз ин рӯ, раво бошад, ки вай ноаён бо худ тухмии пилла ва кирмакҳоро биёрад, дар акси ҳол ӯро барои сару по кардан чизе нахоҳад буд.

Шоҳдустар як миқдор тухмии кирмакҳо ва дарахтонро ғун кард ва андаруни сарбанди худ гузошт. Вақте дар сарҳад аз назар гузаронидани шуданд, ки оё ӯ ноаён бо худ ягон чизи манъшударо намебарад, вале касе чуръат накард, ки сарбанди ӯро бозкушояд.

Ва бухороиён дар кишвари худ дарахтони тут ва кирмаки пилларо ривоч доданд ва шоҳзода парвариш кардани онро биомӯхт.

ВИЗИРЬ АБДУЛ (СКАЗКА)

Был у персидского царя правдивый визирь Абдул. Поехал он раз к царю через город. А в городе собрался народ бунтовать. Как только увидели визиря, обступили его, остановили лошадь и стали грозить ему, что они его убьют, если он по-ихнему не сделает. Один человек так осмелился, что взял его за бороду и подергал ему бороду.

Когда они отпустили визиря, он приехал к царю и упросил его помочь народу и не наказывать за то, что они его так обидели.

На другое утро пришел к визирю лавочник. Визирь спросил, что ему надо. Лавочник говорит: «Я пришел выдать тебе того самого человека, который тебя обидел вчера. Я его знаю – это мой сосед, его звать Нагим; пошли за ним и накажи его!»

Визирь отпустил лавочника и послал за Нагимом. Нагим догадался, что его выдали, пришел ни жив ни мертв к визирю и упал в ноги.

Визирь поднял его и сказал: «Я не затем призвал тебя, чтобы наказывать, а только затем, чтобы сказать тебе, что у тебя сосед нехорош. Он тебя выдал, берегись его. Ступай с богом».

ВАЗИР АБДУЛ

Подшоҳи порсиёнро вазири содиқе буд, Абдул ном. Боре ӯ ба назди подшоҳ аз тариқи роҳи шаҳр биёмад. Аммо дар шаҳр мардум намоиш барпо карда буданд. Онҳо чун вазиirro бидиданд, ӯро гирд карданд, аспро боздоштанд ва ба ӯ таҳдид кардан гирифтанд, ки онҳо ӯро, агар аз рӯи гуфташон амал накунад, мекушанд. Як мард хатто чуръат карда ӯро аз ришаш гирифт ва ришашро сахт кашид.

Вақте ки онҳо вазиirro раҳо карданд, ӯ ба хузури подшоҳ омад ва аз вай хоҳиш кард, ки ба мардум ёрӣ диҳад ва онҳоро барои он ки ӯро ранҷониданд, ҷазо надиҳад.

Субҳи рӯзи дигар дӯкандоре назди вазир омад. Вазир пурсид, ки ӯ чӣ хоҳиш дорад. Дӯкандор гуфт: «Ман омадам, то ба ту ҳамон шахсеро супорам, ки дирӯз туро ранҷонида буд. Ман ӯро медонам – ин ҳамсоия ман аст, вай Наим ном дорад; Биё наздаш меравем ва ӯро ҷазо бидеҳ!»

Вазир дӯкандорро раҳо кард ва ба сӯи Наим фиристод. Наим пайхас бурд, ки ӯро фурухтаанд, ба хузури вазир нимзиндаву ниммурда биёмад ва дар пеши пойҳояш афтод.

Вазир ӯро боло бардошту гуфт: «Ман туро на барои он даъват кардам, ки ҷазо бидиҳам, балки танҳо ба хотири он ки ба ту бигӯям: ту ҳамсоия нохубе доштаӣ. Вай туро бифурӯхт, худро аз вай нигоҳ дор. Бирав, таваккул ба Худо кун!»

АКУЛА (РАССКАЗ)

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары. Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «Купаться!» – и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: «Не выдавай! понатужься!»

Вдруг с палубы кто-то крикнул: «Акула!» – и все мы увидели в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

– Назад! назад! вернитесь! акула! – закричал артиллерист. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в нее и, сгибая весла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были еще далеко от них, когда акула уже была не дальше 20-ти шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилег к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидели, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошелся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

НАХАНГ

Киштии мо дар соҳили Африқо дар лангар меистод. Рӯз бисёр хуб буд, аз баҳр шамоли тоза мевазид; аммо бегоҳ боду ҳаво тағйир ёфт: ҳаво нафасгир шуд ва гӯё аз оташдони тафсон ба рӯи мо ҳавои гарм аз биёбони Сахро меомад.

Пеш аз ғуруби офтоб капитан ба саҳни киштӣ баромад ва фарёд зад: «Оббозӣ кунед!» – ва дар як дақиқа маллоҳон ба об париданд, бодбонҳоро ба об андохтанд, онро бибастанду андаруни бодбон оббозӣ оғоз карданд.

Дар киштӣ ҳамроҳи мо ду писарбача буд. Писарбачаҳо нахуст ба об париданд, аммо барояшон андаруни бодбон будан тангӣ мекард, онҳо ногаҳон ба фикри дар баҳри кушод баҳс ба баҳс оббозӣ кардан афтоданд.

Ҳар ду, мисли калтакалос, болои об дароз кашиданд ва бо тамоми қувва ба ҳамон ҷое шино карданд, ки чалакчаи лангар дар он буд.

Як писарбача нахуст аз рафиқаш гузашт, вале сипас ақиб мондан гирифт. Падари писарбача тўпчии қуҳансол дар саҳни киштӣ истода, ба писараки худ нигоҳ карда завқ мебурд. Вақте ки писар ақиб мондан гирифт, падар ба ӯ фарёд зад: «Аз даст надех! Зӯр зан!»

Ногоҳ аз саҳни киштӣ касе фарёд кард: «Наҳанг!» – ва ҳамаи мо дар об пушти аждари обиро дидем. Наҳанг рост ба сӯи писарбачаҳо шино мекард.

Ба ақиб, ба ақиб, баргардед, наҳанг! – доду фарёд мекард тўпчӣ. Вале писарбачаҳо ўро намешуниданду дарунтар шино мекарданд, механдиданд ва аз пештара бештар ва баландтар овоз мебароварданд.

Тўпчӣ, паридаранг мисли газвори пахтагӣ, аз ҷояш начунбида, ба бачаҳо менигарист.

Маллоҳон қайқро фароварданд, ба болои он париданд ва белҳои қайқро ҳам карда, бо тамоми қувва ба сӯи писарбачаҳо тез ҳаракат карданд; вале онҳо ҳанӯз аз инҳо дур буданд, дар ҳоле ки наҳанг аллақай на камтар аз 20 қадам дуртар буд.

Писарбачаҳо сараввал он чиро намешуниданд, ки ба онҳо фарёд мекарданд ва наҳангро надида буданд; вале баъдтар яке аз онҳо баргашта нигоҳ кард ва ҳамаи мо чирроси гӯшхарош шунидем ва писарбачаҳо ба тарафҳои гуногун шино карданд.

Ин чиррос гӯё тўпчиро бедор кард. Вай аз ҷояш бархосту ба сӯи тўпҳо рафт. Вай нӯги пояро тоб дод, болои тўп дароз кашид, ба ҳадаф рост кард ва пилтаи тарконишро кашид. Мо ҳама, ҳар миқдоре, ки дар киштӣ будем, аз тарс шах шуда мондем ва нигарон будем, ки чӣ мешавад.

Овози тир баромад ва мо дидем, ки тўпчӣ дар назди тўп афтод ва рӯяшро бо дастон пӯшонид. Бо наҳанг ва писарбачаҳо чӣ шуда бошад, мо надидем, зеро дар як дақиқа дуд чашмони моро пӯшонид.

Аммо вақте ки дуд дар болои об пароканда шуда рафт, нахуст аз ҳама тараф ғавғои ором шунида шуд, сипас ин ғавғо саҳттар шудан гирифт ва ниҳоят, аз ҳама тараф овози баланди фараҳбахш садо дод.

Тўпчии қуҳансол рӯяшро бикушод, бархост ва ба баҳр нигарист.

Болои мавҷҳо шикамбаи зарди наҳанги мурда алвонҷ мехӯрд. Дар байни чанд дақиқа қайқ ба назди писарбачаҳо шино карда рафт ва онҳоро ба киштӣ овард.

СОБАКА И ЕЕ ТЕНЬ (БАСНЯ)

Собака шла по дощечке через речку, а в зубах несла мясо. Увидела она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несет, – она бросила свое мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а свое волною унесло.

И осталась собака ни при чем.

САГ ВА СОЯИ ӯ

Саг аз болои тахтаи рӯи дарё мегузашт ва дар дандонҳояш гӯшт мебурд. ӯ худро дар об дид ва фикр кард, ки дар он ҷо саги дигаре гӯшт мебарад, – ӯ гӯшти худро барандохту ва барои аз он саг ситонидан дарафтод: он гӯшт аслан набуд, вале аз они худашро мавҷ бибурд.

Ва саг бе ҳеч чиз бимонд.

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ (БАСНЯ)

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

«Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться, да всё врозь – вас всякий легко погубит».

ПАДАР ВА ПИСАРОН

Падар ба писаронаш амр кард, ки бо ҳам дар иттифоқ зиндагӣ кунанд; онҳо гӯш накарданд. Пас ӯ фармуд, ки бастаи химча биёранд ва гуфт:

«Бишиканед!»

Онҳо ҳар қадар кӯшиданд, шикаста натавонистанд. Он гоҳ падар бастаро кушод ва ҳар химчаро дар алоҳидагӣ шикастан фармуд.

Онҳо ба осонӣ химчаҳоро дар алоҳидагӣ бишикастанд.

Падар ҳам гуфт:

«Шумо низ ҳамин тавр: агар дар иттифоқ зиндагӣ кунед, ҳеч кас бар шумо дастболо намешавад; ва агар ҷанҷол кунед, пас ҳама ба ҳар тараф – ҳар кас шуморо ба осонӣ нобуд мекунад».

СТАРИК И СМЕРТЬ (Басня)

Старик раз нарубил дров и понес. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит: «Эх, хоть бы смерть пришла!» Смерть пришла и говорит: «Вот и я, чего тебе надо?» Старик испугался и говорит: «Мне вязанку поднять».

ПИРАМАРД ВА МАРГ

Боре пирамард ҳезум кафонду овард. Ба ҷои дур овардан лозим буд; ӯ азоб кашид, бандро бигузошт ва гуфт: «Эй кош, агар марг меодад!» Марг биёмаду гуфт: «Анна ман, ба ту чӣ даркор аст?» Пирамард тарсиду гуфт: «Ба ман, бандро бардоштан».

Чудеса стран

ЖАЖДА БУДУЩЕГО: УЕЗЖАТЬ ЛИ МУСУЛЬМАНАМ ИЗ РОССИИ*

Надежда Кеворкова**

«Россия – единственная страна в мире, которая живет будущим» – журналист Акрам Муртазаев этот тезис сформулировал, будучи в поисках главной российской беды. А получилось, что он, по сути, обозначил главное достоинство российского менталитета. Ведь многое зависит от критерия оценки.

С точки зрения логики общества потребления и идеологии либерализма нет ни прошлого, ни будущего. Надо жить сегодняшним днем – потреблять, зарабатывать и снова потреблять. В потребление входит все, что в нормальном обществе является регламентированным. Еда, удовольствия, развлечения, туризм, секс, обстановка, приобретения – все это покупается без потребности, но в качестве важнейшей части жизни. Человек в этом обществе никогда не сыт и никогда не голоден. Он жаждет страстей, но получает лишь их имитацию. Для человека потребляющего хорошо то общество, которое может обеспечить ему должный уровень потребления. Если ты не можешь держаться на высоком уровне потребления, ты – проигравший, ты не попадаешь в число избранных.

«Узнаю тебя, жизнь, принимаю, и приветствую звоном счита», – это одно из заклинаний либерального миропонимания, хотя и сформулировано поэтом, отвергнувшим все постулаты нормальной жизни.

«Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова», – советская песня, которая перечеркнула, переформатировала советского человека, который наивно, но в протестном порыве утверждал: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Русские христиане и мусульмане Кавказа, Поволжья и Сибири часто бессознательно противятся формуле земного рая в западном понимании. Для этих людей не существует искушения Фауста. Они до конца не понимают высшего драматизма западного сознания, выраженного в словах: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Потому что наши люди, дореволюционные, советские и постсоветские, интуитивно принимают, что мгновение земное – ничто по сравнению с блаженством жизни будущей, в веках.

* Точка зрения редакции может не совпадать с позицией автора.

** Надежда Витальевна Кеворкова – журналист. Окончила исторический факультет МГУ. В 1989–1991 гг. была редактором отдела информации «Вестника христианской демократии». Преподавала историю в Первой классической православной гимназии в Ясенево (1991–1994) и Международном университете (1993–1998). Работала в «Новой газете» (1999–2002) и «Газете» (2002–2010). Сотрудничает с «Огоньком», «Независимой газетой», «Русским Newsweek». В 1998 г. была спецкором «Независимой газеты» в США. Работала на Северном Кавказе, в Палестине, Ираке, Афганистане, Иране, Пакистане, Турции, Египте, Сирии, Ливане, Иордании, Судане. В настоящее время работает на телеканале Russia Today.

Это принципиальное отличие нашего человека от человека Запада и Востока – именно это качество делает нашу жизнь безбытной. Оно не позволяет нам собирать на Земле богатство и упиваться собранным.

Наш человек неспособен разделить восторга иудея, славящего жизнь. «Лехаим!» – никогда не станет возгласом России, потому что «да здравствует жизнь» противостоит нашей страсти к смерти – так на языке враждебного нам сознания именуется наша жажда будущего века.

Ошибается Игорь Юргенс, когда утверждает, что потребности русского человека ничем не отличаются от потребностей поляка, немца или англичанина. Конечно, любого человека можно подвергнуть вивисекции. В сотнях американских тюрем исследуют мусульманский менталитет, чтобы приспособить половчее его к своим целям. Русского человека можно только истребить – он не может быть использован этой глобальной цивилизацией потребления. Почему? Потому что русский человек задает русские вопросы. И все народы, находившиеся в культурном и языковом влиянии русских, задают эти же русские вопросы.

Солженицын был поражен тем, как русские люди впрягались со всей силой своей природной добросовестности в каторжную работу, когда другие искали, где бы увильнуть. Впрягались и гибли быстро, не экономя сил, растрчивая их, – ведь труд священен, пусть и подневольный. Русский человек смеется над кастой менеджеров, потому что по-русски это лишь приказчики, хоть и зажавшиеся пуще хозяев. Не идет русский человек в общество потребления, не принимает поэзии его, потому что все это – тщета, тлен и русалочий смех.

Наши кавказцы и спустя двадцать лет после крушения СССР, на пустоши, где клещат зубами гиены, требуют справедливости, общей идеи, уважения к труду и чести рабочего человека. Им говорят: «Идите, играйте на бирже, поклонитесь золоту!» А они сидят, как орлы, на своих голых вершинах и не слышат этих прельстительных голосов.

Более точно, чем укоризна Акрама Муртазаева, и не скажешь – большинство людей в России, христиан и мусульман, живут именно надеждой на будущее – то есть на свое посмертие, угодное Всевышнему.

Эта устремленность в будущее была свойственна российским людям независимо от власти и идеологии. Секрет успеха коммунистической идеи был в том, что она ориентировала не на сиюминутное, а на будущее, не на материальное преуспевание, а на духовное преображение.

Хрущев стал первым, кто предложил вместо идеи будущего колбасу, 6 соток и квадратные метры. Недалекий человек, он забыл, что еще Лев Николаевич Толстой сформулировал, что человеку надо лишь два аршина земли – или всю ее без остатка, но не 6 соток и не 9 квадратных метров. Этим он похоронил коммунизм. Переворот сознания 1991 года был нацелен на то, чтобы заставить наших людей жить ради денег. Упование на будущее должно быть заменено на сегодняшние хлопоты.

Россия упирается, не идет в семью народов. Она предпочитает вымирать, чем строить капиталистический рай.

В этом залог нашей инаковости по отношению к миру. Мы, христиане и мусульмане России, нашли друг друга во тьме истории, воюя друг с другом и мирясь, умирая

за нашу общую неуютную и не приспособленную для простого житейского счастья землю. Мы нашли друг друга без дискуссий о Боге, без суетливого поиска, как лучше жить нашим детям.

Нас, христиан и мусульман России, многое объединяет.

Для всего остального мира мы – неправильные христиане и неправильные мусульмане. Те, кто хочет прорваться в мир правильных, стремятся уехать. И потом рассказывают нам, оставшимся, что уехали лучшие. Теперь это называется леденящим душу понятием «отток мозгов». Звучит, конечно, устрашающе, но мало кого пугает.

Кто-то ищет места под солнцем, кто-то ищет лучшей доли на земле, успешности и сытости своим детям. Они вправе считать себя «мозгом» и даже «элитой». Уезжая, они превращаются лишь в мигрантов.

Те, кто остается, делают это неосознанно. Гораздо реже люди продумывают, почему они уезжают, чем, почему они остаются. И только по прошествии времени можно увидеть, что лучшие оставались, сохранили, как наивысшую ценность, честь, преданность и долг. Несут это тяжелое, несовременное, мешающее жить наследие отцов, передавая его детям, пока другие передают своим детям счета в банках и виллы.

Без понимания этого нашего внутреннего духовного строя не понять ни войн, ни революции, ни 91-го года, ни ужасов нашего быта, ни величия наших свершений, ни нежелания вписываться в мировой порядок. Не понять, почему так легко, смеясь и обливаясь слезами, мы уничтожали и умывали кровью нашу прекрасную страну столько раз.

Мы не ищем града на земле – другого объяснения нет.

Мы победили всех, кто хотел нас завоевать. Не считая тевтонов, мы дважды выиграли войну с немцами, мы победили французов, шведов и поляков, которые были приятнее, культурнее, богаче и даже житейски умнее нас. Но это мы их победили, а не они нас. И мы не предложили им нами владеть и править.

Если не понимать этого нашего устремления в будущее, то всякий анекдот про наш быт – «как бы» правда про нас. Но это просто ухмылка существ иной породы, которые страшатся нас, не понятных им.

Всякий, кто приходит нас уничтожить, умирает от жара нашей крови – так она горяча для них всех.

Жажда будущего века всегда против жажды жизни. И жажда жизни всегда хочет отменить, унижить, осмеять жажду будущего века. Нет большего антагонизма, чем противостояние этой жизни и той.

Если не понимать нашей жажды будущего века, то революция – всего лишь заурядный переворот, совершенный кучкой инородцев во имя человеконенавистнических идей. А Великая война – всего лишь ужас Сталина перед Гитлером, ужас тирана, пославшего дивизии на бессмысленную смерть. А миллионы наших людей, павших на полях сражений, – всего лишь бессмысленная жатва в состязании тиранов.

Наши враги хотят, чтобы мы именно так и думали. Чтобы мы думали, что мы – худшие, а наши павшие пали зря.

Нет, наши павшие – это часовые Страшного суда, а не покорные жертвы тиранического режима. Они умирают, на их место встают другие – в этом ужас врага, а не наш ужас, который нам пытаются внушить переписчики истории. Это для них они уходят в небытие, утратив право на жизнь, а их кости ворошат черные трупокопатели. Для

нас – они уходят к Всевышнему. И наши леса – это самые важные братские могилы, где наши часовые всегда на страже финального Суда.

У православных и у мусульман павшие на поле боя святы. Они не следуют принципу «выжить любой ценой», да еще за деньги, как это делают в армиях Запада, в самых страшных машинах перемалывания человеческих костей, подобно армии США и Израиля.

Наши люди на поле боя стяжают славу. Они у Бога до Страшного суда. Они уже оправданы. Нам, живым, еще предстоит оправдаться, еще предстоит заслужить, а они уже заслужили будущее.

На Куликовом поле все павшие – наши. И с той стороны, и с этой. Может, поэтому столько глупостей сказано и написано про Куликовскую битву: что ее не было вовсе, что поле – не то, что не за то сражались и что само сражение – квинтэссенция совокупной глупости России, ее истории и ее народов. Мы прощаем вам вашу глупость, Фоменко и Носовский, и всем вашим смешным последователям.

Ради колбасы и квадратных метров ни жить, ни умирать наш народ не готов. Тем более народ не готов класть свою жизнь на выплату по кредитным ставкам, на карьерный рост и корпоративные ценности.

Единицы из нас несут наше общее понимание сути вещей и наше упование. Большинство не знает ни смысла, ни толка, тянет лямку ежедневной круговерти, выбивается из нищеты, падает в нее, пьет, зарывает талант, разбазаривает дары духа, хочет заработать, урвать кусок жизни. Мы – люди, смертные, слабые. Но что-то есть в нас такое, что делает нас чужими в мире успеха.

Мы слабые. Но стоит нам услышать зов трубы похода или архангела, и вот мы преобразились и снова в строю. Всевышний не оставит нас в последнем сражении.

Наступили тяжелые времена: всякое двуногое существо, умеющее печатать на компьютере, имеет свое мнение, какие мы не такие, гадкие, грязные, хуже всех, что у нас, мол, телефонов мало, и туалеты на улице, дороги не подходят их мерседесам. Они хотят навязать нам морок ненужности и ложный дуализм, чтобы мы мучительно выбирали между красными и белыми, большевиками и коммунистами, между Сталиным и Лениным, между Востоком и Западом, между Азией и Европой, между Власовым и Жуковым, осетинами и ингушами, между советским и постсоветским, между Путиным и Медведевым.

Россия, вперед? Или назад? Учить ОПК или ДШК? Модернизация или отсталость? Нанотехнологии или блоху подковать?

И каяться, каяться за все – за царя, за революцию, за победу в 1812-м и в 1945-м, за взятие Парижа и Берлина, за Орду и за победу над Ордой, за то, что им некомфортно в нашей стране, где их высшую ценность, пачки денег, с хохотом швыряет в огонь одна из самых пленительных героинь Достоевского.

Их высшая ценность – это деньги. Знарок нашей души Достоевский описал, что происходит, когда их высшую ценность бросают в огонь.

Нас хотят перевоспитать те, кто нашу инаковость по отношению к миру и его ценностям чувствует как вызов лично себе. Поэтому нам хотят преподать демократию, толерантность, марши согласных и несогласных, наших и ваших, фашистов и антифашистов, парады меньшинств и мнение большинства. Они думают, что мы начнем

бурно участвовать или столь же бурно протестовать. Но какое дело нам, уповающим на жизнь будущего века, до этой мышины возни?

Люди, возвращающие гниль этих силков для нашего духа, полагают, что они смогут нас этим победить. Но нас нельзя победить, перевоспитать, изменить – нас можно только уничтожить. Но до последнего – потому что самый последний из нас даже китайцев обучит, как жить ради жизни будущего века, а не сегодняшнего.

Всевышний – одинок и един. Все остальное – не важно.

* * *

Идет разговор с некой известной на Кавказе личностью. Мы рассуждаем о кавказском менталитете. По ходу разговора так получается, что нужно все время хвалить кавказский менталитет. Но в ответ кавказский менталитет нисколько не хвалит русский характер.

Извинительно – передо мной женщина. Но часто так ведут себя и кавказцы. Получается, что кавказцы уравнились с капризными детьми: собирают похвалы, а не похвалишь, шалят.

Сидящая передо мной носительница этого менталитета жалуется на несправедливость, похищения, казнокрадство, неубранный мусор. И как-то само собой получается, что во всем виновата перед Кавказом Россия.

Не представляю, чтобы кавказская личность еще полвека назад жаловалась бы.

Вернее, мы точно знаем, когда кавказец впервые публично пожаловался. Это произошло в перестройку. Один грузинский писатель вознегодовал, что другой русский писатель Виктор Астафьев в «Ловле пескарей в Грузии» назвал грузинского мальчика толстым. И понеслось. Вот уже и страны нет, и Астафьев умер, и русские с грузинами повоевали.

Другой мой собеседник все толкует, что президент Чечни обкладывает податью свой народ, чтобы платить дань президенту России. Мы встречаемся раз в полгода. И каждый раз он приносит все новые и новые слухи о вине России.

И вот уже разговор вертится вокруг темы: уезжать ли из России?

Много лет я убеждаю разных людей не уезжать. Мне кажется, что это равносильно духовной смерти – уезжать по собственному желанию из страны ради более сытой жизни. Но когда мусульманин, мечтающий о знамени ислама, нашел виноватого в России, мне кажется, что ему лучше уехать.

Старый советский анекдот. Сидят двое отъезжающих диссидентов в аэропорту. Диктор объявляет: «Делегацию ЦК КПСС просят пройти в зал отлета. Делегацию правительства... Делегацию профсоюзов...» – «Слушай, – говорит один диссидент другому, – если все они улетели, может, мы останемся?»

Добровольно покидать свою страну мало кто решится. Люди придумывают себе предлоги. Одни летят ради свободы. Другие – ради детей. Разворачивается целая драма: мол, уезжают лучшие, идет утечка мозгов, а приезжают мигранты и гастарбайтеры, шлак людской.

Это по меньшей мере лукавство. Так получается, что если и удастся убедить своих, что уезжают лучшие, то, когда они оказываются в другой стране, они – неминуемо худшие, мигранты, гастарбайтеры, чужаки.

Самые лучшие люди живут в стране, мои люди – в моей стране – это аксиома. Не в отдельных республиках, а во всей нашей стране. Все, кто думает иначе, рано или поздно уезжают. И слава Богу.

По данным института Гэллапа (Принстон, США), в России лишь 3–4 % населения задумываются об отъезде. Есть страны, где эта цифра в 10 раз выше. Мы – не страна мигрантов. Мы страна не ищущих личного блага и выгод для себя, не страна, считающая деньги и золото мерилем всех вещей. Все, кто думает иначе, уезжают. Нет людей, которые бы хотели уезжать со своей родины, если только им не выстраивают декорации новой правильной отчизны вдали от дома.

Из России в изгнание ушли казаки-некрасовцы. Они бежали от гонений на старообрядчество. Они многократно и трагически пытались вернуться.

В Абхазии в семьях *мухаджиров* (людей, совершивших *хиджру*) старухи не едят рыбу в память о том, как предки приняли решение уходить в Турцию, а их трупы по пути бросали в море.

По всему исламскому Востоку живут потомки кавказцев, ушедших в изгнание после Кавказской войны. Их вовлекали и вовлекают в самые разные программы, в том числе и в диверсионные работы против их бывших соотечественников. Их число пополняется новыми беженцами. Мало кому удастся остаться вне этой ангажированности.

Первая русская эмиграция уезжала на Запад и на Восток, оглядываясь назад и повторяя слова ненавистного им Дантона, что родину нельзя унести на подошвах своих сапог. У русских плохо получается работать против своей родины.

Но заметьте: если русские не любят встречать соотечественников за границей, то потомки кавказцев делают это с воодушевлением. Так что трудно нам уйти друг от друга и от нашей мучительной общей судьбы. Мы чужие этому миру. Поэтому строить наше общее будущее и уповать на Всевышнего нам лучше сообща и дома.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЧЁТКИ»

Оформите подписку в редакции журнала.

Стоимость подписки в редакции (включая стоимость доставки):

за один номер –150 р.

годовая подписка – 600 р.

Оплатив квитанцию (находится на обороте), необходимо выслать ее в редакцию удобным для Вас способом вместе с заполненным купоном. Оплаченная квитанция является документом о подписке.

Подписной купон журнала «Чётки» на № 1 2007 г., № 1 2008 г., №№ 1–4 2009 г., №№ 1–4 2010 г.					
Фамилия _____			Мой адрес:		
Имя _____			Индекс: _____		
Отчество _____			Страна: _____		
Желаю подписаться на получение: В количестве _____ экз.			Город: _____		
			Область: _____		
			Улица: _____		
			Дом: _____ корп. _____ кв. _____		
			(Заполните печатными буквами)		
1 (2007 г.)	1 (2008 г.)	1 (2009 г.)	2 (2009 г.)	3 (2009 г.)	4 (2009 г.)
1 (2010 г.)	2 (2010 г.)	3 (2010 г.)	4 (2010 г.)		
Номера(ов) журнала (выбранные зачеркнуть)					

	Получатель: Форма № пд-4 ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостиный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 810400000000218	
	Фамилия И.О., адрес плательщика	
	Вид платежа	Дата
Оплата подписки на журнал «Чётки»		
ИЗВЕЩЕНИЕ	Получатель: ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостиный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 810400000000218	
	Фамилия И.О., адрес плательщика	
	Вид платежа	Дата
Оплата подписки на журнал «Чётки»		